

ЕВГЕНИЙ ЛОТОШ

**Корректор. Книга пятая.
Горизонты нашей мечты**

«Автор»

2011

Лотош Е. В.

Корректор. Книга пятая. Горизонты нашей мечты / Е. В. Лотош —
«Автор», 2011

Вселенная равнодушна к человеку. Его жизнь внезапно вспыхивает и так же внезапно угасает в вечном мраке, бесследно поглощающем накопленные воспоминания и опыт. Так было, так есть... и так больше не будет. Законы природы нельзя нарушить, но можно обойти. Реабилитационный комплекс Ракуэна принимает в себя все новых и новых нэмусинов, чтобы смягчить постмортальный шок и помочь умершему заново обрести себя. Ложная личность рано или поздно падет под натиском настоящей. И тогда проснувшийся сможет построить новую жизнь, опираясь на прежний опыт, но не скованный ни им, ни необходимостью работать для поддержания брэнного тела....сможет ли?

© Лотош Е. В., 2011

© Автор, 2011

20.01.867, златодень. Южная граница Республики Сураграш

Шел ливень.

Здесь, лишь чуть к югу от экватора, ливни случались ежедневно и не по разу. Движущиеся к северу вдоль хребта Сураграша циклоны, вечная загадка метеорологов, постоянно обрушивали на южную часть материка океаны воды, так что зима ли, лето ли, значения не имело никакого. Тропическая жара, высокая влажность, тучи кусачих насекомых, проникавших в хижины даже сквозь двойную завесу из антикомариной сетки, ночные визги и трубные вопли то ли обезьян, то ли лягушек, то ли вообще элѐфантов, которых, говорят, еще не конца повыбили в джунглях – в общем, за те три года, что Коосин торчал здесь, на краю света, он успел возненавидеть Южный Сураграш всей душой. Дома, в Катонии, даже в южной Масарии климат не шел ни в какое сравнение с местным, а уж про цивилизацию и говорить не приходилось. В местных краях даже закрытые сортиры строили не везде, используя вместо ночных горшков плетеные корзины, содержимое которых потом вытаскивали на поля джугары, комэ и собы. Мало того, что до унитаза местная инженерная мысль и близко не дошла, так еще и каждый раз вся задница оказывалась искусанной мошкаррой. А еще в местных джунглях до сих пор водились черные гуары, и некоторые из них вполне могли оказаться людоедами. А скорпионы, которых утрами приходилось вытряхивать из одежды!..

Посланник поплотнее закутался в плащ, чувствуя, что высокие армейские ботинки полны воды, штаны до коленей уже насквозь промокли, а по спине ручьями бежит пот, пропитывая плотную рубаху, и чуть ускорил шаг, чтобы успеть за своим провожатым. Тут же он оступись на каком-то невидимом в ночной тьме корне, больно подвернул лодыжку и тихо, но от души выругался.

Одно утешение – во время ночного ливня, в полном мраке, озаряемом лишь редкими молниями, и посреди густых джунглей их не способна заметить ни одна собака. А значит, и хреновы сураграшские пограничники – тоже, будь они хоть тысячу раз бывшими партизанами. Ему с самого начала не нравилась идея о том, чтобы с ногами влезть на территорию, застолбленную проклятой ведьмой Кисаки Сураграша, чьи ищейки, судя по слухам, обладали чуть ли не мистическим нюхом. Но, по крайней мере, есть хорошие шансы, что сегодня он хотя бы сумеет унести ноги. Если, разумеется, его не пристрелят те, на встречу с кем он сейчас пробирается. Имей он возможность выбора, он бы ни на сантиметр не переступил северную границу Мыса Мутэки – но изгою, для которого не нашлось места даже в самых глухих областях Граша, выбирать не приходилось.

Снова блеснула молния, и сквозь густые листья фереста и сетчатой пальмы саженях в десяти он успел разглядеть смутные очертания прогалины. Его спутник остановился и, дождавшись, когда Коосин поравняется с ним, ткнул пальцем вперед.

– Туда! – глухо сказал он. – Тебя ждут.

И, не дожидаясь ответа, шагнул в сторону с тропы и пропал в зарослях.

Посланник опять тихо выругался и, запинаясь, побрел сквозь дождь и мрак. Полсотни шагов дались ему с таким трудом, что до небольшой хижины, крытой листьями сетчатой пальмы, он добрел лишь минут через пять. Листья свисали с крыши так низко, что он едва не прошел мимо, и лишь слабый мерцающий огонек масляной лампы в оконном проеме позволил ему не заблудиться окончательно.

Он откинул с проема сетку и вошел внутрь, встряхнувшись как собака. Трое сидящих за столом мужчин в камуфляже угрюмо уставились на него. Их автоматические винтовки стояли у стола вертикально прикладами вниз, а на столешнице лежал большой тяжелый пистолет. Если не считать стола, хижина оказалась почти пустой. Только у дальней стены располагалась полусгнившая лежанка, на которой валялся большой сверток из темной материи.

– Я посланник момбацу сана Абихмала Цурена, – произнес Коосин, сбрасывая с головы тяжелый от воды капюшон. – С кем я имею дело?

– Я – Гохан, – буркнул тот, что сидел слева. – Я главный. Какие слова ты принес от твоего хозяина?

– Клан Змеи согласен на ваши условия – на все, кроме цены. Цену нужно понизить на десять процентов, и тогда мы договорились. Да, надеюсь, образцы дистиллята маяки у вас при себе? Я должен принести их собой, чтобы их проверили в лаборатории.

Гохан молча залез во внутренний карман камуфляжной куртки и извлек оттуда прозрачный пузырек с желтоватой жидкостью внутри. Поставив его на стол, он все так же хмуро буркнул:

– Пять процентов, и ни вербом меньше. Нам нет смысла сдавать маяку вам слишком дешево. Через Граш и проще, и выгоднее.

– Но куда как опаснее, – краем рта ухмыльнулся Коосин. – Особенно после того, как некая шаман-баба по имени Карина Мураций заключила взаимные договоры о выдаче преступников с кланами Сурха, Южной пустыни и Фуштары. Последний ваш караван, как я слышал, перехватили еще до того, как он до Граша добрался, нет?

– Правительство восточной сучки скоро сдохнет! – ощерился наркобандит. – Они даже свою территорию толком контролировать не могут. Восемь лет они строят свою р-республику, – это слово Гохан выплюнул, словно грязное ругательство, – и никак не построят. Их армия с полицией уже вцепились друг другу в глотки. Их только пальцем толкни – с грохотом свалятся. Очень скоро в Сураграше появится новый хозяин, и тогда все изменится.

– Я бы не стал доверять слухам...

– Твои проблемы! – рявкнул Гохан. – Деньги за товар плати – а с остальным мы разберемся сами. Пять процентов – и все. Не хочешь – проваливай, и передай своему полудохлому клану Змеи, что с трусами мы дел не имеем!

– Не стоит горячиться, блистательный господин Гохан, – Коосин взял со стола пузырек и посмотрел его на просвет. Даже при таком освещении было видно, что дистиллят качественный: чистый и прозрачный. А ведь у ребят, похоже, есть доступ к промышленному оборудованию. Связи с крупными дельцами? Любопытно. – Следует понять, что у нас есть и свои риски. Много лет мы соблюдаем негласный уговор: Сураграшская республика не пытается захватить Мыс Мутэки, а мы не трогаем их территорию. Если вдруг в Мумме узнают, что мы начали покупать у вас маяку...

– С трусами дела не имеем, – уже спокойнее повторил бандит. – Бойтесь – ваши проблемы. Мы покупателя всегда найдем. В Княжествах и Катонии маяка в двадцать раз дороже стоит, особенно сейчас, когда поставки почти прекратились. За такой куш всегда найдется куча желающих рискнуть.

– Ну хорошо, – Коосин убрал пузырек в сумку, висящую под плащом. – Пять процентов – по крайней мере, на первую партию. Там посмотрим. Если маяка окажется некачественной, мы понизим цену.

– Она качественная, – один из спутников Гохана набычился. – Я пятнадцать лет маяку выращиваю, за свои слова отвечаю.

– Наши химики проверят, – слегка пожал плечами Коосин. – И еще одно.

Он оперся на стол ладонью, наклонился вперед и, добавив в голос угрожающих ноток, спросил:

– Скажи-ка мне, блистательный господин Гохан, а где гарантия, что вся история с маякой – не выдумка сураграшской полиции? Восемь лет с вашей территории ни грамма маяки не поступало, а тут вдруг раз – и регулярные поставки. Насколько я знаю, все ее плантации, даже тайные, давным-давно уничтожены. Может, вы всего лишь провокацию устроить хотите? А потом, под шумок – международный скандал и вторжение?

Произнося это, он внимательно вглядывался во всех троих бандитов. Его манипуляторы так и не сумели развиваться выше четвертого уровня, за что некоторые бойцы клана, поднявшиеся до третьего, а то и до второго, его откровенно презирали. Однако во всем Южном Драконе только глава клана Змеи, момбацу сан Абихмал Цурен, седой старик с пронзительным взглядом водянистых глаз, знал, что Коосин умеет распознавать ложь. Катониец видел ее в собеседнике так же, как другие видят морщинки, складки, пигментные пятна и прочие признаки возраста и болезней. Сейчас он рисковал – если речь и в самом деле идет о провокации, его могут не выпустить живым. С другой стороны, никто не мешает ему сделать вид, что он поверил лжи, и спокойно уйти.

– Ты на что намекаешь, гнида?! – рывкнул Гохан, хватая со стола пистолет и вскакивая. – Мы не работаем на ищеек! Ты на пулю нарываешься, урод?

Он не врал. Ну ладно, уже легче. Осталось только успокоить его, чтобы он и в самом деле не начал палить.

– Тихо, тихо, господин Гохан, – Коосин успокаивающе поднял руки. – Я не хотел тебя обидеть. Только, сам понимаешь, нам нужны гарантии.

– Получишь ты гарантии, – неожиданно широко ухмыльнулся наркоторговец. – Отличные, без дураков.

Повинуясь его знаку, два других мужчины поднялись из-за стола и подошли к лежанке. Они ухватили замыкавший и задержавшийся сверток и поставили его вертикально. Блеснуло лезвие ножа, треснула вспарываемая ткань, и оказалось, что внутри свертка находится четвертый мужчина: пожилой гулан с седыми курчавыми волосами, темно-коричневой кожей и тонким шрамом, пересекающим лицо от уха до подбородка.

– Он – асхат Трипасталлаха, – Гохан добыл из-за пазухи пластинку зеленого пластика, на которой красовался серебряный знак: стилизованная гора с раздвоенной вершиной. – Один из четырех. Позавчера мы его захватили. Он что-то заподозрил и отправился в наши края с инспекцией.

Бандит ухмыльнулся.

– Не волнуйся, у нас в городе свои люди повсюду – и в управе, и в полиции. Нас предупредили вовремя. Мы засунули в его джип труп какого-то землекопа, облили бензином и спустили в пропасть. Несчастный случай, знаешь ли, у нас в горах такие не редкость. Эй, ты, – он снизу вверх ударил пленника рукоятью пистолета, разбив ему бровь. – Чё молчишь? Язык отнялся?

– Вы поплатитесь... – непослушными распухшими губами прошептал мужчина. – Вы мерзавцы, наживающиеся на чужих страданиях...

– Во, и так вчера весь день, – довольно ощерился бандит. – Идеальный, сука.

– Что насчет гарантий? – нетерпеливо спросил Коосин. – Меня не интересуют асхаты и прочие чиновники.

– Вот он и есть гарантия, – бандит щелкнул предохранителем пистолета и приставил ствол ко лбу пленника. – Слышь, дед, ты верующий? Кому молишься? Курату, Валараму, Тинурилу, Сумару? А то вдруг Единому? Валяй, помолись напоследок, разрешаю.

– Я не молюсь богам, ублюдок! – асхат попытался плюнуть торговцу маякой в лицо, но не сумел. Тонкая ниточка слюды прилипла к его подбородку. – Стреляй! Только тебя самого достанут, и очень скоро!

– Ну, если оно тебя утешает... – гоготнул бандит. – Пока, дед.

И он нажал на спуск.

Сухо стукнул курок, и слегка напрягшийся в ожидании выстрела посланник сморгнул. Осечка? Наркоторговец недоуменно посмотрел на оружие, передернул затвор и, направив пистолет в лицо старику, снова спустил курок. Новый щелчок возвестил о второй осечке.

– К-ссо... – прошипел бандит, снова передергивая затвор.

– Всем лежать-бояться! – от внезапного гарканья над ухом Коосин вздрогнул, инстинктивно отпрыгнув к стене – и замер, медленно поднимая руки. – Бросить оружие, стреляем без предупреждения! Замереть, мразь!

В небольшой хижине внезапно стало очень тесно. Люди в мокром камуфляже возникали словно из воздуха. Тролль, макушкой почти достающий крышу, схватил Гохана за шиворот и с размаху впечатал его лицом в громко затрещавшую стену. Главарь с расквашенным носом и закотившимися глазами сполз на пол. Его подручные, инстинктивно попытавшиеся ухватиться за винтовки, получили смачные удары по корпусу и физиономиям и едва не проломили собой соседние стены, но им упасть не дали – подхватили и прижали к стене, уперев под ребра дула автоматов. Один из новоприбывших взвалил на плечо связанного асхата и мгновенно исчез из хижины.

Завороженно уставившись на два дула, упершиеся ему в живот, Коосин пытался справиться с шоком. Кто они? Полиция? Невозможно, невозможно, невозможно! Если полиция, значит, за людьми Гохана следили с самого начала. Но почему тогда их не арестовали сразу? Почему позволили связаться со Змеей и начать переговоры? Значит, все-таки провокация?

Обмякших спутников Гохана подхватили под руки и выволокли из хижины. Движение – и в доме остались только Коосин, Гохан и стоящий спиной к Коосину тролль в камуфляже. Только сейчас Коосин сообразил, что тролль выглядит как-то странно. В ночных операциях в джунглях бойцы его расы предпочитали сражаться голыми, оставляя на себе лишь португепи для оружия и легкие бронежилеты, прикрывавшие оба сердца. Зеленая чешуя идеально сливалась с листвой, делая их почти невидимыми даже днем, при хорошем освещении. Ночью же разглядеть тролля в зарослях – задача почти непосильная. Правда, двуногие крокодилы ночами предпочитали не действовать – химия, дающая ночное зрение, не слишком хорошо сказывалась на здоровье, но уж если вступали в драку, остановить их было попросту невозможно.

Зачем же этот напаялил на себя пятнистые тряпки, да еще и шлем?

Тролль ухватил оглушенного Гохана за горло своей лапицей в черной кожаной перчатке и без труда вздернул на ноги. Затем он медленно повернулся – и Коосин болезненно закашлялся, подавившись собственной слюной.

Не тролль.

Человек.

Огромный, не меньше сажени с осьмушкой в высоту, в полсажени в плечах – но все-таки человек.

– Добрая ночь, блистательный господин Коосин, – с едва уловимой ноткой сарказма в голове проговорил гигант. – Разреши представиться: я Дентор Пасур, оой-генерал полиции Республики Сураграш. Не могу, впрочем, сказать, что рад знакомству с бывшим земляком, да и благосклонности у тебя не попрошу.

– Доброй ночи, господин Дентор, – пересохшими губами пробормотал Коосин. Все, конец. Южный Дракон, может, и выкрутится – но вот ему лично уже ничего не светит. Участие в попытке убийства государственного чиновника – за такое его и в цивилизованных краях из тюрьмы не выпустили бы лет десять, а то и дольше. Здесь же – попросту пристрелят. В особенности когда решение принимает бывший катонийский фунт. А ведь он с самого начала как чувствовал, что ничего хорошего из встречи не выйдет.

– С тобой у нас выйдет отдельный разговор, господин посланник. А пока молчи и смотри.

Гигант отвесил Гохану оплеуху, вероятно, не слишком увесистую по собственным меркам. Бандит, однако, дернулся и застонал. Он приоткрыл мутные глаза и непонимающе уставился на генерала. Дентор повернулся, в два шага пересек хижину и бросил наркоторговца на лежанку.

– Харраташ Кусура, известный также как Гохан, – с лязгающими нотками в голосе проговорил он. – Слушай меня очень внимательно, потому что твоя жизнь висит на волоске. Ты обви-

няешься в бандитизме, похищении и торговле людьми, принуждении к проституции, пытках, убийствах, а также незаконном обороте оружия и наркотиков. За тобой числится девяносто четыре полностью доказанных преступных эпизода, включая двадцать три собственноручных убийства, из них восемь – с особой жестокостью. Ты также обвиняешься в организации бунта в тюрьме города Массакарина, повлекшем за собой гибель двадцати пяти охранников и бегство ста пятидесяти особо опасных заключенных. Твоя вина доказана как свидетельскими показаниями, так и объективными уликами, включая анализ биологических материалов и сверку отпечатков пальцев с достоверностью до пяти знаков. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

Бандит замычал и замотал головой. Он попытался отползти назад, но тут же уперся спиной в стену. Бессмысленно подпрыгав ногами, он в ужасе уставился на своего обвинителя.

– Я все расскажу, все! – пробормотал он. – Они меня заставили, они подговорили! – он ткнул дрожащим пальцем в Коосина. – Я ничего не хотел, я завязал, да, я давно завязал! Меня шантажировали!

– Харраташ Кусура, – все с теми же лязгающими нотками продолжил Дентор, – вся история твоей жизни и твои последние действия подтверждают, что для тебя человеческая жизнь безразлична. Тебя не волнует, сколько людей из-за тебя умрут или станут безнадежными наркоманами. Тебя интересует лишь собственная прибыль. Полгода назад, засадив тебя в тюрьму, я предупреждал, что ты ходишь по грани. Ты не внял. Ты всерьез полагаешь нас слишком мягкими, чтобы убивать, и переубедить тебя мне не удалось. И главное – нет ни одного шанса, что ты сумеешь перевоспитаться и изменить свои взгляды на жизнь. Харраташ Кусура, ты не человек. Ты бешеная крыса, не осознающая и не желающая осознавать последствия своих действий. Твое существование – угроза для общества.

– Я завяжу, я честно завяжу! – безнадежно завыл Гохан, снова задержав ногами в бессмысленных попытках отползти. – Я никогда больше...

– Верно, – согласился гигант. – Ты – никогда больше. По крайней мере, на Текире. Харраташ Кусура, я приговариваю тебя к смерти. И на будущее запомни – никаким подонкам не позволено пожирать чужие жизни ради собственного благополучия.

Он наклонился и поднял с пола тот самый пистолет, из которого сам Гохан несколько минут назад пытался застрелить асхата. Грохнул выстрел – и бандит безжизненно сполз по стенке с круглым отверстием во лбу. Стена над его трупом покрылась красными и серыми брызгами. Посланник до крови закусил губу. Дентор Пасур – бывший катонийский мусор. И от него убийце полицейских пощады точно ждать не приходится. Коосин стиснул кулаки и тихо застонал. Под мышкой у него висел в кобуре пистолет – но даже если бы на нем не было насквозь промокшего плаща, плотно облепившего тело, он все равно не успел бы выхватить оружие.

– Приговор вынесен и приведен в исполнение. Южный Сураграш, локальное время два часа восемнадцать минут, двадцатое третьего восьмьсот шестьдесят седьмого, златодень. Дентор Пасур, конец протокола, – в пространство произнес гигант. Он бросил пистолет на пол и повернулся к Коосину.

– Теперь насчет тебя, господин посланник.

Он протянул свою лапищу и пальцами стиснул горло Коосина, полностью перекрыв тому воздух. Посланник забился, тщетно пытаясь разжать хватку.

– Ты, господин посланник, бандит ничуть не лучше Гохана, – Дентор кивнул на труп. – На тебе в Катонии висит три мертвых полицейских. Ты знаешь, кто я. Ты наверняка догадываешься, как я отношусь к подонкам вроде тебя. И, сам понимаешь, у меня страшно чешутся руки заодно свернуть шею и тебе – как оказавшему сопротивление при аресте.

Рука на горле почему-то разжалась, и Коосин рухнул на колени, жадно хватая воздух. Перед глазамиплыли радужные круги.

– Однако, – с кислой физиономией продолжил генерал, – ты почти что официальный представитель клана Змеи. К моему огромному сожалению, я вынужден оставить тебя в живых. А то как-то недипломатичненько получится. Ты вернешься на Мыс Мутэки и передашь Аби-хмалу сообщение. Запоминаешь, посланник?

Коосин судорожно затряс головой, не в силах выдать ни слова.

– Скажешь следующее. Мы много лет терпели Змею у себя под боком, поскольку не имели сил захватить ее территорию. Еще мы надеялись, что Дракон образумится и из убийц и наркоторговцев превратится во что-то, похожее на нормальную власть. Мы даже заключили с вами соглашение об использовании порта Мутэки в наших интересах, за что платили Дракону налог, который лучше назвать данью. До сего дня мы полагали, что сложившаяся ситуация стабильна и ничем нам не угрожает. Однако мы, как видно, ошибались. Мы, впрочем, готовы предположить, что ваш контакт с нашими бандитами – случайность. Но если клан Змеи попытается еще раз влезть на нашу территорию, пусть пеняет на себя. Мы перестанем использовать порт, а возможно, даже уничтожим остатки Дракона в Мутэки как не поддающиеся перевоспитанию. Запомнил? Или повторить?

– З...запомнил... – пробормотал Коосин. В глазах у него двоилось, в ушах шумела и билась кровь, и он никак не мог разобрать, пугает ли его генерал или действительно говорит правду.

– Молодец. Не обязательно передавать дословно, можно и своими словами. А теперь убирайся. Но помни – если я поймаю тебя еще раз на нашей территории, немедленно приведу в исполнение смертный приговор катонийского суда. Катаххан! – рыкнул он во весь голос, так что со стен посыпалась влажная труха.

– Да, сан генерал? – в хижину вошел высокий сапсап с наполовину седой головой. Длинный скорострельный «боко» с пламегасителем и ночным прицелом он держал в руках с небрежностью землекопа, давно сроднившегося со своей лопатой. Дуло штурмовой винтовки недвусмысленно нацелилось посланнику в грудь.

– Не сочти за труд, найди нашему гостю провожатого. Пусть доведет его до границы и проследит, чтобы тот ее пересек. Попытается бежать или сопротивляться – пристрелить на месте. И рацию мне сюда. Через десять минут уходим.

– Так точно, сан генерал, – сапсап кивнул.

Сильная рука вздернула Коосина на ноги. Дентор наклонился к лицу посланника, и тому вдруг показалось, что в глубине зрачков гиганта мерцают едва заметные красные искры.

– Пошел вон, ублюдок! – медленно, четко артикулируя слова произнес генерал. – Попадешься еще раз – прикончу.

У Коосина закружилась голова, и сердце провалилось куда-то к копчику. Что-то творилось с ним, страшное и непонятное. Взгляд гиганта вонзился в самые потаенные глубины сердца посланника, и он внезапно осознал, что сегодняшнего ужаса не забудет до конца своей жизни.

Чтоб он еще хоть раз в жизни сунулся в Сураграш? Ну уж нет. Лучше сразу застрелиться. «Момбан, контакт. Дентор в Канале. Момбан, можешь на минутку отвлечься?»

«Момбан в канале. Да, господин Дентор. У меня достаточно ресурсов для поддержания канала. Разумеется, я слушаю».

«Я тут одну сволочь в твое ведомство отправил...»

«Поправка: с твоей личностью в течение последних суток непосредственно связано восемь новых нэмусинов. Кто конкретно имеется в виду?»

«Остальные семеро сами идиоты – сопротивление при аресте оказали. Принялись посреди города из автоматов палить во все стороны, мои бойцы их и положили. Я не вмешивался. А вот последнего я казнил только что. Харраташ Кусура, человек, мужчина. Эн-сигна-туру пересылаю».

«Персона идентифицирована. Текущий статус: нэмусин заморожен и помещен в очередь новых поступлений. Прогнозируемый срок принятия решения и первичная обработка – в пределах трех часов планетарного времени. Прогнозируемый срок формирования временной замещающей псевдоличности – до двадцати планетарных суток с вероятностью в девяносто пять процентов. Что именно ты хотел сообщить о нем?»

«Он мразь и подонок, каких мало. Убийца и садист. Яни полагает, что у него очевидные проблемы с психикой, хотя точный диагноз без тщательного анализа поставить затрудняется. Она считает, что в его отношении могут оказаться неэффективными ментоблоки вплоть до третьего уровня. Пересылаю его досье».

«Получено. Принято к сведению».

«Знаешь, я бы на твоём месте сразу в Нараку его засунул. Или под самое пристальное наблюдение поместил независимо от псевдоличности. Он неадекватен. Своих убивал направо и налево. При мне пытался пристрелить старика, который ему ничего плохого не сделал. Если бы я ему пистолет не заблокировал, и пристрелил бы».

«Поправка. «Старик» является куклой Проймары. Он уже разослал широковещательное уведомление, что отзывает всех своих кукол из-за падения их эффективности ниже допустимой границы. Институт асхатов в Сураграше вышел на уровень самоподдержки, участие третьих сторон больше не требуется. Похищение указанной маски было спровоцировано Проймарой намеренно с целью ее ликвидации либо получения достоверного повода для отставки».

«Кукла или нет – какая разница? Для Гохана асхат являлся обычным стариком. И похищал и убивал он человека, не куклу. Говорю тебе, он невменяем».

«Спасибо за информацию, господин Дентор. Я приложу все усилия для подбора адекватного рекреационного контекста с учетом твоих данных».

«Ладно-ладно, понял, не дурак. Типа, катись, дилетант, и не указывай профессионалам, что им делать».

«Господин Дентор, уверяю, я и в мыслях не держал...»

«Да у тебя и мыслей-то нет, одни распределенные процессы в психоматрице. Шучу. Не обижайся. Тяжелый день...»

«Я не умею обижаться, господин Дентор. В мою архитектуру намеренно не включена эмоциональная подсистема».

«Извини, что побеспокоил. Отбой».

«Момбан, конец сессии».

«Саматта, контакт. Дентор в канале. Мати, я закончил чистку в районе Трипасталлаха. Гохан ликвидирован, остальные под арестом или погибли при задержании».

«Саматта в канале. Ага, Дор, спасибо за сообщение. Что-то насчет армии есть?»

«Как и прогнозировалось, в полиции обнаружались коррумпированные чиновники. Я не уверен, но, кажется, в сторону армии тоже тянутся какие-то ниточки. Глава городской полиции взят живым. Копнули его биографию – он, похоже, на Дракона в свое время работал и связи среди бандитов не растерял. Как сквозь все фильтры просочился, ума не приложу. Вернусь в город – за жабры его возьму как следует, все расскажет как миленький. Убил бы скотину на месте!»

«Не увлекайся. Из того, что Ракуэн существует, не следует, что можно убивать людей налево и направо. Пусть даже они того заслуживают. Не забывай про ментоблоки».

«Мати, от кого-кого, а вот уж от тебя я не ожидал. Сам знаешь, я не убиваю налево и направо, и ментоблоки использую по мере возможности. И начальника полиции в Ракуэн отправлять не собираюсь, разве что всплывет на него что-то очень уж пакостное. Я вычищаю только тех, кого никак нельзя оставлять в обществе. И на каждого, между прочим, веду подробное досье. Можешь ознакомиться, если хочешь».

«Дор, не заводись. Я ничего такого в виду не имел. Да и не столько тебе напоминаю, сколько себе. Сегодня одного интенданта на горячем поймали – восемьсот комплектов обмундирования по дешевке на сторону сбыть умудрился. И триста штурмовых винтовок, из той, новой партии. Чуть не пришиб его на месте, еле сдержался».

«Извини. Я тоже слегка не в себе. Знаешь, когда много лет вкалываешь по двадцать два часа в сутки, а потом оказывается, что твоим именем прикрываются, чтобы свой карман набивать... тяжело. Подумать только – маяки! Тридцать квадратных километров плантаций! Ведь еще в шестьдесят втором последние крупные поля уничтожили. Я думал, что все, с концами, не рискнут больше, вот и лажанулся...»

«Никто не ожидал, что они выведут новую разновидность. Кстати, пришли новости от Кары. Ее знакомые наркологи из Катонии заканчивают изучать алкалоиды из новой маяки. По предварительным данным, весьма пакостная штука. Компьютерное моделирование показывает, что привыкание к ним должно наступать еще быстрее, чем к классической маяке. Что еще хуже, для выведения этого подвида использованы методы генной инженерии – в ДНК обнаружены характерные последовательности вирусных векторов. В Сураграше нет ни одной лаборатории такого уровня, да и в Граше, вероятно, тоже».

«Значит, Княжества. Или Катония. Пакостно. Ну ничего, я докопаюсь до корней, есть зацепки. Кстати, я послушал местных в скользящем режиме».

«И?»

«Те слухи, которые мы распространяем, хорошо приживаются. В городе всерьез поговаривают, что мы с тобой вот-вот друг другу в глотку вцепимся. Правда, мотивация иная. Здесь считают, что нас с тобой Панариши в кулаке держал, а как только ушел, мы и начали грызться на почве личной неприязни».

«То есть вброс на тему дележки власти не прошел? Хм... Надо с Мио посоветоваться, почему ее схема не работает. Дор, как думаешь, мы не переигрываем?»

«Не знаю. Ты же сам рассказывал о переворотах на Земле в тропических государствах. А после сегодняшнего я начал бояться, что в наше отсутствие разложение армии и полиции пойдет куда быстрее».

«Я лично пока что никуда уходить не собираюсь. Да и ты вроде тоже».

«Зато Кара намерена. А что случится после ее отставки, я даже думать боюсь».

«Возможно, еще передумает. Но неважно. Дор, мы не можем строить государство, заточенное под пару-тройку личностей. Нам нужна самовоспроизводящаяся система, способная существовать без нашего контроля. Значит, без обычного политического болота не обойтись, как бы мы к нему ни относились».

«Верю. Хотя и плохо понимаю. Как по морде правильно дать или информацию из человека вытрясти, я знаю отлично, но в политику без меня играйте. Все, Мати, мне пора. Нам еще ночной марш-бросок по джунглям предстоит. Здесь дождь вовсю, а у меня тридцать бойцов, мокрых, голодных и злых. И двенадцать пленных, из них половина сама двигаться не способна, а вторая еле ковыляет. На себе волочь придется».

«Тогда не задерживаю. Если накопишь что насчет армии – сразу мне сообщай. Отбой».

«Обязательно. Отбой».

02.07.1433, перидень. Цетрия, парк Академии Высокого Стиля

Под ногой хрустнула ветка.

– Тихо ты! – прошипела Хана, больно пихнув Миру в спину твердым кулачком. – Не шуми. Услышат же!

– Без тебя знаю! – шепотом огрызнулась девочка, бросая на подруг раздраженный взгляд. – Сами как коровы ломитесь!

Она осторожно раздвинула ветки сумахи, которой сплошь заросла северная часть парка, и взгляделась в сумрак.

– Есть! – тихо сказала она. – Вот он!

Портал выглядел совсем не впечатляюще. Небольшой, в сажень высотой, смерчик, слабо светящийся голубым изнутри, лениво вращался посреди поляны, бросая неяркие блики на траву. Возможно, темной ночью он казался бы гораздо красивее, но сейчас, когда западная половина неба еще ярко горела кровавым закатом, портал выглядел как кусок сбежавшей магазинной вывески – скучно и обыденно.

– Дай посмотреть! – хором прошептали Хана и Бохака, нетерпеливо протискиваясь между кустами.

– Ничего интересного! – огрызнулась Мира. – И вообще, зря мы сюда пришли. Все равно ничего не получится.

– Струсил! – ехидно сообщила ей Бохака. – А сама-то кричала, что тебе как нечего делать сюда пролезть и парса вызвать! Что, перепугалась?

– Ничего я про нечего делать не говорила! – от возмущения Мира даже повысила голос. – Ты сама придумала! Я только сказала...

– Да тихо вы! – шикнула Хана. – Потом доругаетесь. Давайте поближе посмотрим.

Она завозилась, протискиваясь между ветками так, чтобы ненароком не изорвать форму в ключья, и оставляя на шипах синие нитки. Мира, поколебавшись, решительно полезла за ней. Бохака, как самая осторожная, замыкала цепочку. Отряхиваясь от прицепившихся к одежде листиков и веточек, подруги остановились в трех шагах от псевдопортала.

– Подумаешь! И ничего особенного... – пробормотала Мира. – И чего взрослые к ним подходить запрещают?

– Потому что на торговлю с другими измерениями – государственная пошлина! – назидательно подняла палец Бохака. – А представь, что каждый желающий порталом пользоваться сможет где захочет? Сразу никаких тебе доходов у государства.

– Если только из-за пошлины, то при чем здесь мелочь? – презрительно фыркнула Хана. – Всем известно, что торговать можно только через большие постоянные порталы. А мелкие дольше трех дней не держатся, да и через них никогда ничего не проходит.

– Вот именно, – согласилась Мира. – А зачем еще запрещать?

– Затем, что взрослые всего боятся, – Хана презрительно задрала нос. – Они в каждом сплоче намекающийся Прорыв видят. Мы через полтора года на Границу отправляемся, с чудищами драться насмерть, а нас все за малышей считают.

– Сто раз вам говорили, что все пункты Устава кровью написаны, – педантично напомнила Бохака, поправляя очки. – А в Уставе ясно сказано: при обнаружении нестабильного псевдопортала установить ограждение радиусом не менее пяти саженей и обеспечить недопущение гражданских до его исчезновения. Раз сказано, значит, таким порталом когда-то кого-то уже убило. Или покалечило, – добавила она после паузы.

– В жизни о таком не слышала, – скривилась Мира. – И вообще, к порталам не подходить, Атрибут без авторизации не использовать, сладкое ограничивать, на самоподготовке проявлять усердие... Надоело. Нудят, нудят, нудят! Делать им больше нечего, можно подумать. Мы и сами не дуры.

– Если не дура, то когда парса вызывать собираешься? – насмешливо осведомилась Хана. – Отбой, между прочим, меньше чем через полчаса. Не успеем вернуться в дормиторий – нам такое устроят...

– Да ну, сегодня госпожа Грампа дежурит, – легкомысленно отмахнулась Мира. – Она наверняка территорию отправится обходить. А с дневальными договоримся.

– Во-первых, опоздание к отбою – не мелочь, так что дневальные тебя сразу повяжут. Я бы точно повязала. Во-вторых, господин Саомир тоже любит заходить проверять, даже не

в свое дежурство. Ему попадемся – скажи спасибо, если из Академии не отчислят. – Хана уперла кулачки в бока. – Мира, серьезно, ты собираешься парса вызывать? Если нет, лучше пойдемте-ка отсюда, пока и в самом деле не застучали.

– Лучше не надо, – пискнула Бохака, опасливо оглядываясь. – Мало ли что! Мирка, ну что тебе загорелось?

– И вовсе мне не загорелось! – буркнула Мира, насупившись. – Просто интересно же попробовать!

Девочка сама чувствовала себя неудобно. Когда она ляпнула подружкам про Призыв, они сидели в своей уютной комнате в dormitorio, наслаждаясь долгожданным вечерним отдыхом. Мечтать о грядущих битвах и подвигах, лениво листая книжки – одно, но вот сделать что-то наперекор явным и недвусмысленным запретам взрослых – совсем другое. Даже если у нее получится, как она объяснит появление парса воспитателям? Пожалуй, придется оправдываться перед самой госпожой Сиори, а ректор известна тем, что спуску не дает никому. И когда она дознается, что они втроем самостоятельно шлялись к псевдопорталу, да еще пробравшись сквозь установленный вокруг него барьер, то никакой Попечительский совет не помешает ей отчислить виновниц. Если, конечно, совет вообще захочет мешать.

С другой стороны, о собственном парсе Мира мечтала с того самого дня, как впервые увидела смешного шестилапого зверька в день поступления в Академию. На вступительной церемонии выпускница-третьекурсница – нет, уже полноправный лейтенант гвардии Системии, в настоящем военном мундире с погонами – приветствовавшая новых кадетов, появилась со своим парсом: необычной, как выяснилось потом, оранжево-желтой раскраски, большими лопухими ушами и с зелеными глазами, двойные вертикальные зрачки которых заглянули Мира вглубь самого сердца. С тех пор зверек уже полтора года снился ей ночами, и она была готова отдать за него правую руку. Но прошедший через портал парс выбирал хозяина один раз и на всю жизнь, и перекупить его у владельца шансов не имелось ни малейших – даже если бы тот согласился. А до церемонии еще полтора года, да и приходят зверьки только к двоим-троим с целого курса. Значит, оставалось одно: призвать парса самостоятельно.

Если получится, конечно. Ну что это за портал, в самом деле? Смех, а не портал. То ли дело на Треугольной площади! Но там все время стража, незаметно не подобраться, тем более – днем.

– Ну так что? – нетерпеливым шепотом осведомилась Хана. – Пойдемте, что ли? Отбой...

– Я попробую, – решительно прошептала в ответ Мира. – Хани, милая, ну пожалуйста, не торопись. Я должна. Я просто должна, понимаешь?

Подруга покосилась на как всегда невозмутимую Бохаку и вздохнула.

– Дурочка, – констатировала она. – Валяй. Все равно не выйдет, но хотя бы перестанешь на нервы действовать. Бо, давай отойдем подальше. Если вдруг оттуда чудовище выскочит, авось нас не заметит.

Мира стиснула зубы. Вечерняя прохлада внезапно проняла ее до костей, и она почувствовала, как мелко затряслись руки. Действительно дура, – сурово сказала она себе. Чего бояться? Только попробовать – и если вдруг что-то пойдет не так, сразу прекратить.

А что она вообще должна делать? Она ведь даже ни разу не видела церемонию Призыва. Какие-то заклинания читать надо? Или просто звать?

Мира осторожно сунула руку в голубой смерч. Ее кисть погрузилась в бледное сияние и пропала там. С другой стороны смерчика она не появилась. Девочка засунула руку поглубже, потом еще глубже – по самое плечо, потом попробовала потянуться второй рукой. Наклонившись слишком сильно, она потеряла равновесие и сунулась в портал головой. Волна паники еще не успела нахлынуть на нее, как она с размаху шлепнулась на траву. Мира поспешно откатилась в сторону и уставилась на свои руки. Все оказалось на месте, целое и невредимое.

Хана тихо хихикнула. Мира бросила на подругу сердитый взгляд и снова запустила в псевдопортал руки. Пусто. Никаких ощущений. Или нет – что-то слегка защекотало кожу и тут же пропало.

– Парс, приходи ко мне, пожалуйста, – тихо прошептала она. – Я стану очень сильно тебя любить. И кормить вкусненьким. Парс! Где ты?

Бессмысленно. Ее руки не ощущали ничего, кроме мимолетных прикосновений странной щекотки. Лес вокруг все так же негромко шелестел под порывами вечернего летнего ветерка, а шестипалый зверек упорно не хотел появляться.

– Мира! – нетерпеливо позвала ее Хана. – Все, не получается. Брось. Пойдем.

Что-то гладким шариком скользнуло по одной из ладоней, и Мира рефлекторно сжала руки, стараясь ухватить невидимый предмет.

– Парс! – в голос выкрикнула она. – Ко мне!

В глубине сознания у нее еще крутился смешок над собственной глупостью – призывать иномирное существо, как в Сайлавате подзывают собак, когда резкая боль в шее заставила ее закричать, выдернуть руки из портала и ухватиться за внезапно раскалившийся кубирин. Ошейник опалил ей пальцы, сердце заколотилось как бешеное, и воздух стал густым и вязким, не пролезая в горло. Она упала на колени и попыталась подsunуть пальцы под кубирин, чтобы сдернуть, сдернуть, сдернуть проклятую железку, и его пылающий изумруд заливал поляну ярким свечением, в котором почти без следа растворялись голубые блики от светящегося портала. Что-то тяжелое и цепкое обхватило ее со всех сторон, затягивая во внезапно бешено закрутившийся смерч, в недрах которого начали проблескивать алые вспышки, и в глазах помутилось. Ее Атрибут, пылающая оранжевым пламенем глефа, внезапно возникнув перед глазами, рубанула по смерчу портала, канув лезвием в голубую бездну...

И внезапно все кончилось. Боль в шее прошла, кубирин прекратил обжигать кожу, Атрибут растаял так же самовольно, как и появился. Мира съехала на траве, отчаянно хватая ртом воздух. Изумруд кубирин медленно гас, и на поляне начала сгущаться ночная темнота, разгоняемая лишь тускнеющим светом заката да медленно угасающим смерчком портала.

– Яни, я занят, – нетерпеливо сказал стоящий над Мирой мальчишка лет пятнадцати, одетый в одни только короткие облегающие трусы. – У меня через пять минут совещание. Я пере...

Он осекся и обвел взглядом скорчившуюся у его ног Миру и на Хану с Бохакой, в напряженных позах застывших в трех шагах от него.

– Вы кто такие? – изумленно спросил он. – И где Яна?

«Яна, контакт. Палек в канале. Экстренно. Сверхсрочно. Яни, немедленно на связь, мир рушится!»

«Яна в канале. Лика, что случилось?»

«Яни, меня только что вызвали из Ракуэна – с твоей персональной преамбулой. А тебя на том конце не оказалось, зато у меня проекция самопроизвольно включилась. Я даже приблизительно не опознаю область, она отсутствует в каталоге, и я не могу установить канал с локальным координатором. Ты имеешь к делу какое-то отношение?»

«Быть не может. Лика, ты что-то перепутал. Подделать вызов невозможно».

«В отличие от тебя я даже знаю, почему. И тем не менее, вызов пришел от тебя... стоп. Не от тебя. Точнее, на нем стоит временная метка аж пятилетней давности, я сразу внимания не обратил. Кто-то реализовал атаку воспроизведением. Яни, если я дам картинку, попробуешь опознать местность? Хотя тут чаща кругом, только огоньки сквозь кусты виднеются...»

«Лика, у меня вообще-то тоже совещание, и до конца дня просвета не предвидится. Я не умею одновременно по двум каналам общаться. Погоди, я устрою перерыв на пять минут и вызову тебя».

«Годится, жду. Сеанс не закрываю. Я осмотрюсь пока. Но чтоб я хоть что-нибудь понимал!..»

– Что здесь происходит? – резкий женский голос хлестнул Миру по ушам, и девочка чуть снова не упала. Рука мальчишки, помогающего ей встать, удержала ее, и она ухватилась за его плечо. Мальчишка нагло обхватил ее за талию, но сил возмущаться у Миры не оставалось. – Почему кадеты находятся у запрещенного портала, да еще в присутствии посторонних? Кто позволил нарушать ограждение?

– Госпожа Грампа! – вытянувшись в струнку, пролепетала Хана. – Мы... э-э... мы гуляли по парку... и... э... наткнулись на портал, а здесь... э-э...

– Доклад по форме! – рявкнула воспитатель. В обычно веселом и звонком голосе лейтенанта сейчас слышался хруст пережевываемого гравия. Несмотря на свой невысокий рост, сейчас она казалась гигантским чудовищем из портала. – Все трое, живо!

– Докладывает третий сержант Хана Север, второй курс, Меч второй категории! – почти прошептала Хана.

– Докладывает третий сержант Бохака Цициния, второй курс, Щит первой категории, – бесстрастно сообщила стоящая по стойке смирно Бохака.

Мира сглотнула. В ушах шумело, в глазах все еще плавали темные пятна, и пронизывающая тело слабость не позволяла стоять прямо.

– Докладывает второй сержант Мира Аттэй, – заплетающимся языком произнесла она, – второй курс. Меч первой категории.

– Второй сержант Мира Аттэй! – все тем же скрежещущим голосом рявкнула воспитатель. – Почему на территории Академии находятся посторонние лица и кто авторизовал призыв твоего Атрибута? Отвечай, немедленно!

– Авторизовал Атрибут? – с ужасом переспросила Мира. Она изо всех сил вцепилась в плечо мальчишки, чтобы не упасть. А ведь действительно. – Я не зна...

– Секундочку! – вклинился мальчишка. – Госпожа... командир, извини, не расслышал твое имя. Мне довольно-таки приятно почти что держать на руках такую симпатичную девочку, да еще целого второго сержанта. Однако же она, кажется, не совсем в форме, чтобы отвечать тебе адекватно. У вас тут лавочки поблизости нет, чтобы ее усадить? Или можно просто на землю уронить, поскольку невелика цаца? И могу я узнать, где я нахожусь и как, к-ссо через колено, я сюда включился?!

– Кто ты такой? – холодно спросила лейтенант. – Ты не кадет Академии. Как ты оказался на территории, я тебя должна спрашивать. Кто и как тебя провел? Они? – она кивнула на девочек.

– С технической точки зрения, госпожа командирша, – задумчиво проговорил чужак, – мое появление здесь действительно как-то связано с умирающим лебедем в моих объятиях. Вот как именно – мне чрезвычайно интересно самому. Академия – о чем речь? Кстати, меня зовут Май. Май Куданно. Рад знакомству... э-э, прошу общей благосклонности.

– Я Грампа Белогривая, – настороженно откликнулась лейтенант, – воспитатель Академии Высокого Стиля. Не пытайся сбежать, я Меч первой категории, и у меня перманентная авторизация. Только хуже себе сделаешь. Ты знаешь, что Академия пользуется правом экстерриториальности? И что незаконное, без разрешения ректора, проникновение через границы ее территории сурово карается – вплоть до заключения в городской тюрьме Цетрии? И почему ты голый? Вы... – ее глаза сузились. – Чем вы тут занимались? Мира Аттэй! – снова рявкнула она. – Ты что, забыла, чем для Защитницы заканчивается близкое общение с мужчинами? Ты напрашиваешься на отставку и отчисление?

Мира выпрямилась и резко отпихнула руку мальчишки, все еще обнимающую ее за талию, и выпрямилась. В голове снова зашумело, и ее повело в сторону. С трудом удержав равновесие, она в меру сил попыталась изобразить стойку смиренно и прочистила горло.

– Госпожа Грампа, – по возможности твердо произнесла она. – Я вовсе не общалась с мужчинами. Я... я всего лишь хотела призвать парса! – вдруг отчаянно сказала она. – Я не собиралась призывать... его! Хана и Бохака ни в чем не виноваты, – добавила она тихо. – Это я их подговорила...

Теперь ее наверняка вышибут из Академии, и ей придется вернуться домой, расставшись и с золотым кубиринном, и с мечтами о славе и почестях. И ей суждено провести остаток жизни, бессильно грызя ногти от воспоминания, что она потеряла. И никогда в жизни ей больше не увидеть ни одного парса. Дура. И чего ее сюда понесло?

– Призывать? Его? – недоуменно переспросила воспитатель. – О чем ты...

Она резко замолчала, и тут же у нее под подбородком ярко моргнул бирюзой камень кубирина. Лейтенант выбросила правую руку вверх и в сторону, и в ее кулаке тем же цветом замерцала саженной пока что длины булава с увесистым шипастым оголовьем.

– Мира Аттэй! – тихим бесстрастным голосом произнесла она, и Мира почувствовала, как по позвоночнику пробежали ледяные мурашки. – Правильно ли я поняла тебя, что ты пыталась самостоятельно выполнить ритуал Призыва, в результате чего здесь оказался этот юноша?

– Да, госпожа Грампа, – обреченно откликнулась Мира. – Наверное, так.

– Ты! – лейтенант опустила булаву так, что шипы почти уперлись мальчишке в грудь. – Отойди назад на три шага. Медленно и осторожно. Не делай резких движений, или я тебя вырублю.

– Что?.. – удивленно переспросил тот. – Госпожа, я не собираюсь причинять...

– Три шага назад, я сказала, – все тем же тихим голосом произнесла воспитатель. – Или ты узнаешь, что такое хороший удар по голове. Убить не убью, но башка неделю трещать будет. Считаю до двух. Раз...

– Да понял я, – мальчишка пожал плечами. – Как скажешь.

Он осторожно шагнул назад – раз, другой, третий – и остановился.

– Так нормально? – осведомился он.

– Нормально. Назовись еще раз.

– Май Куданно, госпожа, – мальчишка внимательно на нее посмотрел, что-то прикидывая. – И все-таки – ты объяснишь мне, где я и как сюда попал?

– Откуда ты?

– Я из Сура... – он запнулся. – Мой город называется Сур.

– Ты находишься в городе Цетрия, столице государства Сайлават и главном городе графства Цветов. Если точнее, сейчас ты на территории Академии Высокого Стиля, в которой обучаются будущие Защитники. Извини, молодой господин, но я вынуждена задержать тебя – и вас троих, – она бросила не девочек косой взгляд, – до прояснения всех обстоятельств дела. Скорее всего, ты ни в чем не виноват, но такие вопросы должна разбирать ректор. Сейчас вы все четверо по возможности тихо пройдете... Эй! Что с тобой?

И Мира с ужасом увидела, как мальчишка с закотившимися под лоб глазами оседает на землю.

«Лица, ты еще в канале? Я освободилась».

«Яни, тебе что-нибудь говорят названия Сайлават, Цетрия, графство Цветов? Или Академия Высокого Стиля?»

«ЧТО?!»

«Академия Высокого...»

«Я поняла. Ли́ка, убирайся оттуда немедленно. Немедленно сбрасывай свою проекцию, я тебе говорю! Слышишь?»

«А? Яни, моя проекция находится в обществе трех девчонок лет четырнадцати-пятнадцати и одной шикарной девицы постарше раза в два. И все четверо обалдело смотрят на мою бездыханную тушку – я обморок изобразил. Мне просто раствориться в воздухе у них на глазах? Они вообще в теме?»

«К-ССО!!!!»

«Не понял?»

«Нет. Не вздумай отключаться. Ли́ка, место, где ты находишься, называется Академия-Си. Оно полностью изолировано от прочих областей Ракуэна. Строго говоря, оно вообще его частью не является. Как ты там оказался?»

«Я же говорил – меня вызвали от твоего имени».

«Быть не может. Просто не может. Ли́ка, исходящий канал оттуда способен установить только Координатор и только со мной. Но... ничего не понимаю. Почему площадка перешла на стандартную частоту несущей без моей команды? Там же сейчас время должно пять к одному идти!»

«Думаешь, я понимаю, о чем ты? Я даже точку восприятия от проекции оторвать не могу, чтобы сверху на местность взглянуть. Все три известных мне Академии – обычные полигоны для отработки общества с широко распространенным эффектором, там модель физики стандартная. А здесь что-то не так. Кто вообще программировал площадку?»

«Я сама. Неважно. Не о том...»

«Оно и заметно. Яни, так ты определись – мне линять оттуда на гиперскорости? Или пока остаться?»

«...о! У меня действительно есть только что пришедшее сообщение от Бокува. Она сообщает, что время системы синхронизировано с реальным... и еще что-то про тенденции, с которыми не может разобраться самостоятельно... Потом дочитаю. Ли́ка...»

«Да, сестричка ты моя дорогая?»

«Ли́ка, я не понимаю, как ты туда попал. Я специально полностью изолировала площадку от любых внешних воздействий. Мне нужна высокая чистота эксперимента, и он очень важен. Но если ты сейчас растаешь в воздухе... я боюсь, что нарушение достоверности окажется слишком серьезным. Как ты туда попал? Я имею в виду – внешнее проявление? Что рядом находится?»

«Какие-то хаотичные голубые вспышки по глазам били, пока оптическим фильтром не отсекло. Я еще удивился, что ты себе за заставку на вызов поставила. Вокруг какой-то не то лес, не то парк, поляна, светящийся смерчик крутился того же веселенького цвета, пока не погас...»

«Понятно. Ложный мини-портал. Просто часть декораций без дополнительной смысловой нагрузки. Ли́ка, по официальной легенде живые существа через такие порталы проходить не могут. Через большие стабильные порталы генерируются предметы, да еще парсы...»

«Кто?»

«Парсы. Животинки такие, я их с Парса Карины скопировала. Немногим больше, чем игрушки, но детям нравятся».

«А, точно. Упоминался какой-то парс в разговоре – я еще удивился знакомому названию. Афх!.. Яни, тут старшенькая девица в одну из младшеньких пальцем ткнула, а та меня в воздух подняла и куда-то потащила. Не руками. Дистанционное воздействие. Судя по ощущениям, что-то вроде гравитационного поля типа тех, что Мио использует. Они что, девианты? Почему у них эффекторы какие-то странные?»

«В каком-то смысле девианты, но я не использовала типовую модель эффектора. У меня свои методы. Ли́ка...»

«Да?»

«Ли́ка, ты шалопай. Безответственный мальчишка, так и не повзрослевший».

«Угу, я в курсе. Ты уже говорила. Раз тысячу, наверное».

«Ли́ка, я в тебя верю, несмотря ни на что. Мне нужно подумать, что делать, и я не знаю, чем обернется твое появление в Академии. Но я очень надеюсь, что ты не напортачишь. Ли́ка, я провожу там важный эксперимент. Чрезвычайно важный – в том числе для будущего человечества. Дети и преподаватели в Академии... они нэмусины».

«Нэмусины? Откуда ты набрала столько спящих, чтобы целую школу из детей организовать? Я думал, что большинство для рекреации выбирает возраст не ниже двадцати. Восемнадцати в самом крайнем случае. А этим девчонкам лет четырнадцать-пятнадцать. И потом, откуда у тебя столько любителей такой тупой ролевой игры?»

«Не все в Академии нэмусины, разумеется, только четыре десятка персон. Остальные – искины поддержки. Но они не простые нэмусины... не могу объяснить на ходу. Просто не уверена, как. Ли́ка, постарайся хотя бы ничего не испортить. Попробуй разобраться сам – и ничего не сломай, ладно?»

«Яни, ты меня пугаешь. Что за эксперимент? Что я должен делать и что не должен? И потом, ты же знаешь, у меня шоссе ХИ-06 на самом ответственном участке застряло, у Каварского ущелья – денег нет, мост не достроен, рабочие бузят. Я там днюю и ночую. Сваи под дополнительные секции пилонов нужно срочно заливать, пока шурфы очередным оползнем не завалило, переброска тросов застопорилась на самом интересном месте, техника потихоньку разукomплектовывается... У меня нет особой возможности в игры играть».

«Ли́ка, мне нужно подумать. Если не понимаешь, что делать, просто имитируй бессознательность, пока не оглядишься».

«Да ты хоть в общих словах пояснишь можешь?»

«Сам поймешь. Тебе все равно придется изображать потрясенного юнца... я правильно догадываюсь, что ты туда влез в своей стандартной ракуэнской маске подростка? Если удивление окажется ненаигранным, тем лучше».

«Яни! В ухо плюну!»

«Ну, я и говорю – недоросль. Пожаловаться Каси, что ли? За отсутствием Дзи она одна тебя в руках держать умеет».

«Все равно плюну, пусть даже меня Каси до смерти изобьет. Яни, ты уверена, что я ничего не сломаю в твоём драгоценном эксперименте?»

«Я уже ни в чем не уверена. Площадка должна была еще какое-то время работать на пятикратной скорости, и если Координатор решила замедлить несущую и позвать меня, значит, что-то идет не по плану. Просто веди себя поаккуратнее, хорошо? Я знаю, ты любишь детей. Ты справишься».

«Угу, люблю. Особенно на приличном расстоянии. Яни, я и так на части разрываюсь. Я ничего не могу гарантировать».

«Сделай что сможешь. Я разбросаю дела и присоединюсь».

«У меня утренняя летучка через пять минут вот-вот начнется. А всерьез две точки концентрации сознания я еще ни разу не поддерживал, и сейчас начинать не собираюсь. Ладно, попытаюсь провести встречу пошустрее. Но, Яни, если хочешь сотрудничества, вводи меня в курс дела как можно быстрее».

«Не сейчас. Ли́ка, раз уж так все сложилось – мне нужно твое непредвзятое мнение».

«О чем?»

«Обо всем. О детях в первую очередь. Извини, но прав супервизора в Академии-Си ты не получишь, только типовой статус наблюдателя. Я не дам тебе даже возможности напрямую выяснить, кто из них нэмусин, а кто – кукла».

«Ничего себе запросики! Яни, как бы тебе намекнуть поделикатнее – я за последнее время слегка привык к возможностям Демиурга, в том числе в виртуальности...»

«Твоей проекции дан особый статус. Если нужны какие-то персональные навыки, можешь подключить, система позволит, но не более того. Перед девочками в своем любимом стиле выпендриться сможешь, не расстраивайся. Атрибут, в смысле – эффектор, система тебе сгенерирует в ближайшее время, только он несколько нестандартный... Тьфу. Лица, у меня перерыв давно кончился, тут уже Тамша с озабоченной физиономией в третий раз в кабинет заглядывает, раздумывает – будить или еще дать подремать в рабочее время. И Кара по прямому каналу деликатно покашливает. Потом дорасскажу. Отбой».

«Эй! Куда... Тьфу. Ну, Яни, я тебе еще припомню твои фокусы. Получишь ты у меня такое непредвзятое мнение... Конец связи».

– И по статьям питания за весенний период у нас перерасход, – Айсока постучала пальцем по листам плотной белой бумаги, небрежно исчерканной пером.

– Аж на целую тысячу кино, – саркастически усмехнулась Сиори.

– Ты же знаешь попечительский совет – некоторые личности в нем за лишнюю сотню удавятся, а остальные за тысячу родную мать продадут, – нахмурилась проректор по хозяйственной части. – То есть не они, разумеется, а их графы, но не суть важно. Так что ничего смешного, Сира. Конечно, тысяча на фоне двух с лишним миллионов годового бюджета – мелочь, но неприятности нам с тобой за нее устроить могут немаленькие. Если уж запрашивать дофинансирование, то на что-то серьезное – на выпускной бал, например. В общем, пора бы заняться пересмотром основных трат на ближайшие полгода.

– Хорошо. Оставь документы, я посмотрю сегодня вечером, – согласилась ректор. – И иди-ка ты домой. Ты выглядишь усталой в последнее время.

– Ты – не лучше. Как раз тебе-то и надо отдохнуть как следует. У тебя мешки под глазами растут, как ты их ни маскируешь.

– Где мешки? – Сиори вытащила из верхнего ящика стола маленькое металлическое зеркало и взгляделась в него. – Действительно... Утром же кремом все затерла.

– Работаешь слишком много, – назидательно заявила Айсока. – Обязанности ректора на себе тащишь, с Попечительским советом за финансирование воюешь, три предмета ведешь, да еще и моду взяла в последнее время – ночами дежурить. Можно подумать, без тебя тут ну никак не обойтись!

– Ты же знаешь, Айя, в Приграничье дела все напряженнее, – Сиори раздраженно бросила зеркальце на стол. – Прорывы стали случаться все чаще. После того, как пришлось рапорт Касарвы о переводе подписать, у нас с кадрами полный швах. На сотню кадетов всего пять воспитателей, считая меня и вычитая тебя. Господи Всевышний, мне бы сюда хотя бы еще двоих толковых мужиков, пусть хоть лейтенантов, хоть вчерашних выпускников, но командовать приученных! На всю Академию – один офицер-мужчина. Дисциплина прямо на глазах разваливается. И девочки на износ работают, я просто не могу самоустраниться. А если еще и Грампа сумеет от нас сбежать, совсем худо станет.

– Грампу мы не отпустим на совершенно законном основании – нечего инвалидам в Приграничье делать. А если ты с нервным срывом свалишься, лучше дела точно не пойдут, – Айсока пожала плечами. – Тебе обязательно нужно больше отдыхать. Не работать с четырех утра до полуночи, а просто расслабляться хотя бы пару часов в сутки. Книжки читать, что ли, или в город ходить гулять.

Она через стол дотянулась до руки Сиори и накрыла ее кисть своей ладонью.

– А еще ты бы нашла себе мужика, Сира. Не воспитателя, не военного, даже не мужа – просто мужика для постели. Ты же еще женщина хоть куда, многим двадцатилетним сто очков вперед дашь. Все легче станет.

– Какого мужика? – изумленно посмотрела на нее ректор. – Тебе мою отставку увидеть не терпится?

– И ничего страшного. Зачем тебе Меч, Сира? Когда и где ты его в последний раз для дела использовала? Только грызешь себя постоянно, что сидишь в безопасной столице, а не сражаешься в Приграничье. Все не можешь себе простить свою инвалидность. Нет, ректору Академии вовсе незачем иметь Атрибут. Грампы с Саомиром в качестве тренеров вполне достаточно, а если их не хватит, Исука и Клия подсобят. У меня же нет Атрибута, и я не расстраиваюсь. У тебя совсем другие задачи, нежели свою драчливость демонстрировать. Другие Защитницы в твоём возрасте давным-давно в отставку ушли и мужем с несколькими детишками обзавелись...

– Нет уж, спасибо. Мне нравится думать, что в случае чего я хоть как-то смогу защитить своих учениц. Инвалид или нет, но драться я еще могу. И потом, какой мужик? Айя, мне сорок два года, и из них двадцать я училась и работала в Академии, а еще десять – служила в армии. Я ни о чем другом даже думать не умею. Да где я его найду, ты хоть подумала? Хватать на улице первого встречного и в гостиницу тащить?.. И вообще, кто бы говорил! Самой за пятьдесят, а ни мужа, ни даже, как ты выражаешься, мужика для постели так и не завела ни разу в жизни.

– Вот потому и говорю тебе, что сама дурой была и не хочу, чтобы ты мои ошибки повторяла, – отрезала Айсока. – Сира, может, все-таки вернуться к идее нанять гражданских преподавателей?

– В закрытый интернат военного типа? Я тебе уже сказала – ты с ума сошла такое предлагать. Хватит того, что вся обслуга из гражданских.

– Хотя бы для предметов общего назначения. Физкультура, точные науки, да верховая езда, в конце концов!..

– Нет. Не обсуждается. Айя, все, закончили разговор. Времени почти девять, я после отбоя хочу еще по дормиторию пройти. И у меня лекция завтра с утра, а я еще материал не вспоминала.

– Загонишь ты себя, – проректор по хозяйственной части покачала головой, поднимаясь. – До смерти загонишь. Сира, я тебе серьезно говорю – если не перестанешь на износ работать, я сама перед Попечительским советом вопрос о гражданских преподавателях подниму. Я не хочу с тобой ссориться, но и помереть от напряжения тебе не позволю.

– Ладно, ладно, – отмахнулась Сиори, тоже выбираясь из кресла. – Иди отдыхать. Мне ты все равно ничем...

Кубирин у нее на шее слегка завибрировал.

– Грампа вызывает, извини, – ректор дотронулась пальцем до кольца на шее, и камень у нее под подбородком слегка засветился синим. Ее губы неслышно зашевелились. – Что? – внезапно в голос сказала она. – Где вы? Иду немедленно.

Она убрала с кубирин пальца и расширенными от удивления глазами посмотрела на Айсоку.

– Айя, похоже, спать нам сегодня ночью не придется. У нас ЧП. Грампа сообщила, что кадет Мира Аттэй самовольно сунулась в псевдопортал – тот, который вчера вечером в парке возник – и умудрилась вытащить через него пятнадцатилетнего мальчишку непонятно откуда. Они в спортзале. Идем, быстро.

Айсока только охнула, зажав рот ладонью.

Ректор подавила искушение преодолеть путь бегом – во-первых, Айсока за ней не поспела бы, а во-вторых, пересудов среди кадетов избежать бы точно не удалось. На улице Сиори с трудом заставляла себя сохранять невозмутимый вид – по освещенной желтыми фонарями аллее, пользуясь последними минутами перед сном, группами гуляли кадеты, и демонстрировать им свою панику было совершенно незачем. Впрочем, войдя в вестибюль, она все-

таки не выдержала и последние несколько шагов пробежала. За ручку двери в главный зал она ухватилась в тот момент, когда над Академией зазвучал глубокий музыкальный гонг отбоя.

В зале перед Грампой вытянулись во фронт второкурсницы – две с нашивками третьих сержантов и одна – второго. Все трое щеголяли мятой формой, усыпанной маленькими продолговатыми листиками сумахи, и перепачканными землей коленками. У всех троих на лицах застыло перепуганно-обреченное выражение, в глазах стоят слезы, готовые в любой момент выплеснуться бурными потоками. Как же их зовут? Старшая по званию... очень знакомая мордочка. Мира Аттэй, да. Одна из немногих простолюдинок в Академии. Вторая, кажется, Хана... Хана Север. Наследная вайс-баронесса. Третья... из головы вылетело.

И мальчишка. Голый, в одних облегающих трусах, почему-то с карманами, мальчишка лет пятнадцати, русоволосый и худой, все ребра пересчитать можно. Совершенно незнакомый, не кадет, в чем ректор могла бы поклясться. Его безжизненное тело распростерлось на стоящей у стенки скамье, одна рука безвольно свесилась на пол.

– Госпожа Сиори! – Грампа тоже вытянулась и отдала честь. Почему-то она стояла с активированным Атрибутом, и ее булава, хотя и в минимальном размере, слегка покачивалась в воздухе над правым плечом. – Докладывает лейтенант Грампа Белогривая! Двадцать минут назад...

– Стоп! – Сиори подняла ладонь, и воспитатель осеклась. Ректор несколько раз глубоко вздохнула, восстанавливая дыхание, затем захлопнула дверь в спортзал и заблокировала щеколду ключ-перстнем. – Теперь докладывай. Только без надрыва в голосе и без формальностей, мы не на попечительском совете.

– Да, Сира. Двадцать минут назад я патрулировала парк перед отбоем. На всякий случай я прошла мимо огороженного вчера псевдопортала. Я заметила, что в одном месте скрытый барьер нарушен...

Сиори едва не поморщилась раздраженно. Кадетам вовсе не полагалось знать, что стандартное ограждение включало в себя не только бумажную ленту, но и дополнительные компоненты, невидимые для всех, кроме преподавателей Академии. Грампе вовсе незачем было упоминать о них в присутствии детей. Ну да ладно, не до того.

– ...и решила проверить. Нарушители, – лейтенант кивнула в сторону девочек, – пробрались не по тропе, а через кусты, и потому я не разглядела их следы сразу. Потом я услышала крик, бросилась к порталу и обнаружила Миру Аттэй лежащей на земле. Ее Атрибут был активирован, но через несколько секунд исчез. Над ней стоял мальчик, – она показала взглядом на тело на кушетке. – Из дальнейшего разговора выяснилось, что Мира самовольно попыталась призвать через портал парса, а мальчик – уроженец иного мира и не имеет никакого представления о том, куда и каким образом попал. Я не успела выяснить, происходит ли он из одного из известных торговых миров или же откуда-то еще – он потерял сознание. Мы перенесли его сюда, и я вызвала тебя. Все.

– Так... – Ректор запустила пятерню в волосы, пытаясь собраться с мыслями. – А зачем тебе Атрибут? Чудовища?..

– На всякий случай. Нельзя исключать шанс, что мы имеем дело со своеобразным Прорывом, и мальчик на самом деле – замаскированный человекообразный демон. Мне приходилось читать о таких случаях в Приграничье. И то, и другое маловероятно, тем более что мальчик явно разумен и не агрессивен, но я решила перестраховаться.

Сиора переглянулась с Айсокой. Действительно, Прорыв на цивилизованных землях – предания минувших веков. Но и живое существо, кроме парса, прошедшее через портал, всегда относилось только и исключительно к категории чудищ. Молодец, Грампа, сразу просчитала варианты. И что она перенесла чужака в пустой спортзал, а не в медпункт к Клие, тоже очень кстати. Хладнокровие и сообразительность лейтенанта явно заслуживали поощрения, и к этому вопросу следовало вернуться – хотя и чуть позже.

– Понятно. Спасибо, Гра, – кивнула ректор. – Теперь послушаем непосредственных виновниц. Кадеты, вы в нарушение всех правил Академии проникли к псевдопорталу и провели с ним действия, абсолютно запретные для учеников. Вы признаете свою вину?

Несчастливая троица понуро кивнула.

– Так точно, госпожа полковник, – угрюмо буркнула Мира, уставившись в пол. – Я признаю. Я во всем виновата. Хана и Бохака ни при чем, я их подговорила.

– Кто кого подговорил, мы еще разберемся, – нахмурилась Сиори. – Кадет Мира, я правильно поняла, что ты самостоятельно и без подготовки пыталась провести ритуал Призыва? Ты знаешь, что его выполняют только в присутствии опытных клириков?

– Да, госпожа полковник.

– И вам, безусловно, рассказывали, почему Призыв допускается только через проверенные порталы?

– Да, госпожа полковник. Я виновата.

– Рада, что ты не пытаешься отрицать вину. Теперь расскажи мне в точности, что именно ты сделала.

– Я... – девочка замялась. – Я просто хотела позвать парса. Я засунула в псевдопортал руки и позвала его вслух. Я ничего больше не делала, честно!

– И ты больше ничего не можешь сказать? – холодно спросила Сиори. – А если подумать хорошенько?

– Я... госпожа полковник ректор... честно, ничего!

– Зачем и как ты активировала свой Атрибут? – Сиори хлестнула ее голосом. – Кто авторизовал? Отвечай, быстро! Не думать!

– Я не вызвала Атрибут! – отчаянно крикнула Мира.

– Лжешь! Госпожа Грамп своим глазами его видела! Говори правду! Ну?

– Я не могла! Мне никто не давал авторизации! – из глаз Миры потекли слезы. – Я не активировала Атрибут! Я...

Она осеклась.

– Я плохо помню, – тихо сказала она. – Мне было очень больно. Кубирин меня обжег, я дышать не могла. Я... кажется, я видела свою глефу. Но я ее не вызвала!

– Она говорит правду, Сира, – проговорила за спиной Сиори Айсока. – Она не могла самостоятельно активировать Атрибут без внешней авторизации. Никто не может, кроме воспитателей Академии. На том держится вся система.

– Но, тем не менее, ее Атрибут проявился, – обернулась к ней ректор. – Без авторизации. Если только Гра не ошиблась... Ты понимаешь, что это означает для нас? Для всех Защитников? Попечительский совет... да какой совет, Даоран с Конклавом просто с ума сойдут!

– Понимаю, – кивнула Айсока. – И, возможно, куда лучше тебя. Сира, нам нужно срочно переговорить наедине – как только мы решим, что делать с мальчиком.

– Надеюсь, ваше «что делать» не включает в себя распиливание на кусочки и захоронение в разных частях парка? – деловито поинтересовался звонкий мальчишеский голос. – А то я с таким подходом в корне не согласен!

Иномирянин, как оказывается, уже не лежал, а сидел на скамье, скрестив ноги и ничуть не смущаясь устремленными на него ошалевшими взглядами шести пар глаз.

– Ну что вы на меня так смотрите? – поинтересовался он. – Я уже давно в себя пришел. Слушайте, может, и меня в курс дела заодно введете? А то все всё понимают, один я, как дурак, глазами хлопаю. Госпожа, которая с большими крестами в петлицах, ты ведь здесь главная? Может, ты мне объяснишь, что там у вас насчет атрибутов и авторизаций случилось и как я вообще сюда попал?

Сиора с резким щелчком зубов подобрала отвисшую челюсть.

– Извини, молодой господин, я не заметила, что ты уже очнулся, – тщательно контролируя голос, произнесла она. – Я – ректор Академии Высокого Стиля полковник баронесса Сиори Сэйсона. Я действительно здесь главная. Как ты себя чувствуешь?

– Па... кхм. Май Куданно к твоим услугам, госпожа ректор. Рад знакомству, прошу благосклонности. Извини, если у вас не так принято представляться, я здесь всего-то минут тридцать, еще не освоился. Так что там насчет атрибутов?

Сиори медленно, чтобы не испугать, подошла к скамье и присела на корточки, чтобы не разговаривать с мальчиком сверху вниз. А ведь он голый и, наверное, озяб, мелькнула у нее мысль. Да и неприлично в присутствии девочек. Срочно нужно найти ему одежду.

– Господин Май, – успокаивающе сказала она, – я понимаю, что ты смущен и, возможно, испуган. Но ты находишься в полной безопасности. Тебе никто не причинит вреда. Тебя, разумеется, не собираются распиливать на кусочки. Ты среди друзей, понимаешь? Мы тебе все объясним, но сначала нужно решить более насущные проблемы. Ты голоден? Замерз? Плохо себя чувствуешь?

– Только один вопрос, госпожа ректор, – мальчишка поднял вверх палец. – Уж на него-то ты сможешь ответить быстро. Проблемы, в которые я... мы сообща вляпались, они какого рода? Технологические? Финансовые? Политические? Мое внезапное прибытие не спровоцирует появление карательных отрядов для тотальной зачистки местности от свидетелей?

Сиори почувствовала, что ее челюсть снова медленно отвисает. Пятнадцатилетний мальчишка задает подобные вопросы? Да он и слов-то таких в своем возрасте знать не должен! И он совершенно очевидно не испуган и даже не растерян. Голова склонена чуть набок, взгляд внимательный и вдумчиво-изучающий, и в зрачках словно бы посверкивают крохотные веселые искорки. Действительно ли ему пятнадцать? Или в его мире люди попросту выглядят куда моложе, чем в Сайлавате? Но ведь даже для взрослого человека внезапный перенос в иной мир должен стать шоком!

– Никаких карательных отрядов, разумеется, – наконец ответила она. – Политические проблемы, да. И технологические, если так можно выразиться.

Краем глаза она наблюдала за Грампой. Лицо той осталось каменным. Молодец лейтенант. Однако же мальчишка может попасть в серьезные неприятности, если вдруг начнет ТАК болтать языком при посторонних.

– Вы трое! – Сиори повернулась к девочкам. – Сейчас вы в сопровождении госпожи Грампы вернетесь в dormitorio. Никому ни слова о том, что произошло и где вы задержались. Придумайте, что сказать соседкам по комнатам...

– Мы все в одной комнате живем! – робко пискнула Хана.

– Тем лучше. Гра, позаботься о том, чтобы их не внесли в журнал нарушителей. На обратном пути зайди в каптерку и прихвати рабочий комбинезон и нижнее белье для мальчика. Без объяснений, просто сошлешься на меня. А ты, молодой господин...

Она лихорадочно думала. В домик для гостей мальчика, разумеется, поместить нельзя, слуги обязательно заметят. К ней в апартаменты? Нет, там тоже слуги, и в других подходящих местах – тоже. Существование прищельца должно остаться тайной – пока, разумеется, она не сможет поговорить хотя бы с несколькими членами попечительского совета. Остается единственное место, где можно содержать человека и которое сейчас пусто. Очень не хочется, но, похоже, выхода не остается. Хотя бы на нынешнюю ночь...

– Прости меня, молодой господин, но сегодня тебе нельзя показываться на людях. Пока что я помещу тебя на гауптвахту. Там не очень удобно, но зато пусто, и ты сможешь отдохнуть и прийти в себя. Тебе принесут постель и еду, а завтра...

– Вот еще! – фыркнул Май, вскакивая на ноги. – Госпожа Сиори, я ценю твою заботу, но сидеть под замком целую ночь я не намерен. Раз у вас тут целая Академия, значит, под боком город. Я видел огни сквозь кусты. Надеюсь, там не каждый человек на счету? Патрули на

улице паспорта не проверяют? Я до утра по улицам поболтаюсь и местность изучу, а к завтраку вернусь.

– Нет, молодой господин, – качнула головой ректор, тоже поднимаясь с корточек. – Боюсь, не получится. Во-первых, пройти через врата Академии незамеченным невозможно. Во-вторых, тебе необходима защита...

– Перебьюсь без защиты, – нахально перебил мальчишка. – А попробуете силой на губу засунуть – начну кричать во весь голос, что насилуют и девственности лишают. А я громко кричу, все вокруг услышат.

Сиори вздохнула. И что с ним делать? Нет времени на глупые препирательства с невоспитанным ребенком. Возможно, она его обидит, но сейчас не до сантиментов.

Камень у нее в кубирине коротко блеснул синим. Она вытянула руку, чтобы коснуться головы иномирянина. Если только он не слишком отличается от местных, то мирно проспит до завтрашнего полудня. Только дотронуться указательным пальцем до виска... что?!

С неожиданным проворством мальчишка уклонился от ее руки. Только что он стоял прямо перед ней – и вот уже, проскользнув между Сиори и Грампой, стоит в паре саженей.

– Ну нет, госпожа Сиори, так дело совершенно точно не пойдет, – укоризненно сказал он. – Не знаю, что ты со мной собралась сделать, но я, как уже говорил, не согласный. Я, между прочим, кусаться умею. И плевать. Плевком в ухо попадаю с полусажени, честно предупреждаю.

Со стороны девочек раздался странный звук. Ректор бросила в их сторону быстрый взгляд – нет, наверное, показалось. Все трое по-прежнему стояли с унылыми похоронными физиономиями, и заподозрить кого-то из них в хихикании казалось решительно невозможным.

– Господин Май, – решительно сказала она. – И все-таки – мы не можем тебе позволить свободно гулять по городу – во всяком случае, сегодня. Мы твои друзья, пусть ты и не веришь, но у тебя быстро найдутся и враги. И тогда тебе придется плохо по-настоящему.

– С такими друзьями и врагов не нужно, – широко ухмыльнулся наглый мальчишка. – Госпожа Сиори, если ты хочешь меня захомутать, то сначала поймай. У вас здесь что? – он обвел взглядом зал. – Спортплощадка? Сумеете меня поймать честно, без ваших чудных эффекторов – пойду с вами тихо и куда скажете. Не сумеете – выпускаете меня на волю, и я гуляю сам по себе, как кошка, до самого утра. А утром тихо и без шума возвращаюсь в ваши дружеские объятия. Как тебе?

– Молодой господин, я не могу...

– А я и не прошу тебя лично, – похоже о воспитанности мальчишка знал лишь понаслышке. – Я с бабушками не воюю. Пусть она попробует, – он мотнул головой в сторону Грампы. – Только спорим, что обломается?

Сиори и Грампа дружно зашипели от возмущения.

– Да я тебя... – яростно начала лейтенант.

– Что ты себе... – в унисон с ней повысила голос полковник.

– Сира, – от спокойного голоса Айсоки обе женщины вздрогнули и осеклись. – Если господин Май согласен, что после своей поимки подчинится нам без скандала, следует принять его условия. Ты ведь не сомневаешься в способностях Грампы?

– Я сомневаюсь, – подал голос малолетний нахал. – У моей сестрички зеленая повязка, и то я по очкам выигрываю как минимум раз из четырех, когда она не жульничает. А мой опекун давно рукой махнул и заявил, что я для него слишком шустрый и увертливый, а он для меня слишком стар. А он, между прочим, бывший диверсант и капитан спецотряда. Так что сегодня ночью я иду гулять по окрестностям.

– Сира, можно? – почти взмолилась воспитатель, яростно сверкнув глазами из-под челки пшенично-желтых волос. – Я его даже не покалечу, обещаю!

Сиори взялась за голову. За что ей такое наказание? Если уж кадеты умудрились протащить через портал живого иномирянина, почему бы ему не оказаться тихим покладистым пареньком, перепуганным до смерти и беспрекословно ей подчиняющимся? Что он там сказал – опекун? Он что, сирота и безотцовщина? Наверное, совершенно отбившийся от рук и не уважающий старших, да как бы еще и не малолетний преступник. Господь всемогущий, за что?!

– Господин Май, – устало сказала она, – у меня выдался тяжелый день. И завтра предполагается ничуть не более легкий... предполагался до твоего появления. А с учетом тебя – я даже не знаю, доживу ли я до вечера. Очень тебя прошу – не надо...

– Нет! – отрезал мальчишка, снова широко улыбнувшись. – Или она меня ловит два раза из трех, или я иду гулять.

– Хорошо, – сдалась Сиора. – Гра, пожалуйста, спеленай его поаккуратнее. И, кстати, шох! – она выбросила вперед правую руку с вытянутым указательным пальцем, и камень ключперстня коротко мигнул. Камень в кубирине лейтенанта в унисон отозвался неяркой вспышкой. Висящая над ее плечом булава ярко засветилась и растаяла в воздухе. – Ты очень меня обяжешь, если обойдешься без Атрибута.

– Разумеется, Сира, – кивнула лейтенант. – Малыш, не дергайся, иначе я тебя сильно помну.

В следующую секунду она рванулась к мальчишке. Человек, никогда не видевший Защитника в действии, не подозревает, с какой скоростью он может двигаться, даже если его Атрибут неактивен. А Грампа с момента ее появления в Академии тринадцать лет назад даже простым кадетом числилась среди лучших. Иномирянин просто не имел никаких шансов уклониться.

И когда ее руки схватили воздух, а ладонь оказавшегося сзади пришельца звонко шлепнула воспитателя по левой ягодице, обтянутой форменной юбкой, Сиори почувствовала, что ее челюсть медленно опускается на грудь уже в третий раз за последнюю четверть часа.

– Медленно, – констатировал нахальный Май, стоя в трех шагах от воспитателя. – Один – ноль. Слушай, подруга, мне кажется, или ты меня всерьез не воспринимаешь? Кстати, а попка у тебя ничего, упругая. У тебя какие планы на сегодняшний вечер? Я согласен переночевать у тебя...

Новый бросок Грампы с трудом разглядела даже сама Сиори. На сей раз мальчишка, однако, не сделал ни малейшей попытки уклониться, и в результате оказался заграбастан лейтенантом в стальной захват объятий.

– Сегодня вечером я бы с удовольствием тебя выпорола, – тяжело дыша, заявила лейтенант, – и не посмотрела бы, что ты из другого мира!

– Ум-м! – пробурчал мальчишка, утыкаясь лицом ей в грудь. – А здесь у тебя тоже ничего, мягонько так. И бедра ничего себе...

Его ладони и в самом деле скользнули по означенным частям тела воспитателя, и та, придушенно пискнув, невольно дернулась. Мальчишка ужом вывернулся из ослабевшей хватки, и лейтенант, попытавшись его перехватить, каким-то непостижимым образом потеряла равновесие и опрокинулась на спину, судорожно взмахнув руками и лишь в последний момент времени успев компенсировать падение отхлопом.

– Извини, – издевательски поклонился юный наглец, глядя на нее сверху вниз. – Я к садомазо довольно прохладно отношусь, так что порка отменяется. Два из трех, между прочим, в мою пользу. Попробуем три из пяти? Или четыре из семи?

Лейтенант тихо зарычала. Она неторопливо поднялась на ноги, сбросила туфли и застыла, вглядываясь в своего неожиданного противника.

– А вот теперь мне страшно, – прокомментировал тот. – Госпожа Сиори, а она меня целиком не проглотит? В ваших краях людоедство случайно не...

Грампа прыгнула, и на сей раз мальчишка ускользнул от нее неожиданным нырком вперед. В полете он выбросил руку в сторону, и по полу коротко простучал костяной дождь из

пуговиц. На сей раз лейтенант, неожиданно запутавшись в собственной юбке, успела среагировать правильно. Она ушла в пережат вперед, развернувшись по ходу дела, и оказалась на ногах еще до того, как Май успел подняться на ноги. Впрочем, он и не торопился.

– А белье у вас какое-то отстойное, – разочарованно сказал он, переводя взгляд с валяющейся на полу юбки на багровеющую воспитательницу, судорожно пытающуюся прикрыться руками. – У нас в таком только зимой ходят, и то мало кто. Хотите, нарисую, как правильно одеваться нужно?

На сей раз Грампа зарычала в голос, и ее кубирин мигнул вспышкой огня еще до того, как Сиори успела открыть рот, чтобы остановить творящееся безобразие. В ее вытянутой руке возникла булава, и лейтенант разъяренной фурией метнулась вперед.

– Грампа, стой! – крикнула Айсока. Сиори, словно в каком-то дурном сне наблюдала, как булава лейтенанта летит к опершемуся на один локоть мальчишке. Левая рука иномирянина вскинулась, чтобы защититься от удара – удара, разносящего в пыль средних размеров валун и насквозь пробивающего панцирь жука-носорога.

Вскинулась – и внезапно от пальцев до самого плеча превратилась в пук извивающихся ярко-оранжевых щупалец. Огненные змеи ударили лейтенанта в грудь, оплели ее тело и вздернули в воздух, подвесив яростно бьющуюся Грампу в полусажени над полом. Одно щупальце перехватило и отбросило в сторону булаву, равнодушно повисшую в воздухе.

И тут же локоть мальчишки подкосился, и он с задыхающимся хрипом навзничь свалился на пол, схватившись за шею правой рукой. Под его ладонью ярко засияло и тут же потемнело огненное кольцо. До того безмолвные девочки дружно ахнули.

– Не может быть! – потрясенно пробормотала Айсока. – Просто не может быть! Самопроизвольная инициация – без контроля клириков, без авторизации, без исследования Силы? Невероятно... Сира, останови их! Быстро!

– Шох! – гаркнула наконец-то оправившаяся от потрясения Сиора, выбрасывая вперед руку. Она чувствовала, что на сегодня ее способность удивляться исчерпана полностью. Даже если мальчишка окажется Воплощением Господним, она и бровью не поведет. Драку совершенно точно следовало остановить – но подействует ли ее приказ на мальчишку?

В течение двух ужасно долгих ударов сердца ничего не происходило. Потом щупальца, выпустив Грампу, растаяли в воздухе, и булава последовала за ними. Лейтенант, спружинив ногами, приземлилась в нескольких шагах от иномирянина. Припав на левое колено, она настороженно вглядывалась в мальчишку, лежащего на спине, тяжело дышащего и по-прежнему сжимающего горло правой рукой, из-под которой виднелось охватывающее горло кольцо кубирин. Почему-то Сиори никак не могла разобрать его цвет.

– Нифига ж себе! – наконец пробормотал Май, глядя в потолок. – Ну, Яни, я тебе...

Он замолчал. Потом одним гибким пружинистым движением поднялся на ноги и медленно подошел к лейтенанту.

– Госпожа Грампа, спарринг окончен, – сказал он сухим тоном, в котором не осталось и следа былой глумливости. – Похоже, я немного переиграл. В моем мире нагота и секс – вполне обыденные вещи, а вот у вас, похоже, нет. Я не рассчитывал на такие бурные эмоции и не намеревался всерьез оскорблять и унижать тебя. Приношу свои нижайшие извинения. Могу я помочь тебе подняться?

Он оторвал руку от горла и протянул ее Грампе. Та, однако, не пошевелилась.

– Твой кубирин! – пораженно сказала она. – Невероятно...

– Мой что? – переспросил мальчишка. – Ошейник? Кстати, госпожа Сиори, что вы со мной сделали? Откуда на мне взялась эта жгучая гадость?

Он повернулся, и Сиори почувствовала, как сердце пропустило удар. В ровном желтом свете настенных шаров она наконец-то разглядела его кубирин как следует.

Не серебряный кубирин Щита.

Не золотой кубирин Меча.

Серебряный с тонкой золотой спиралью, обвивающей его по всей длине.

И с двумя камнями: черным и белым.

– Двойной кубирин Таэллы... – онемевшими, словно чужими губами прошептала она. –

Откуда...

Ослабевшие колени отказались ее поддерживать, и она, даже и не пытаясь бороться, медленно опустилась на пятки, закрыв лицо ладонями. Все. Это не просто скандал с иномирянником. И не просто самопроизвольная инициализация Защитника.

Это, вполне возможно, конец такого хрупкого и непрочного двенадцатилетнего перемирия и новый виток опустошительной гражданской войны.

И каким бы ни вышел итог, основная вина в конечном итоге ляжет на нее.

– Госпожа Сиори, – мальчишеский голос заставил ее вздрогнуть. Она отняла ладони от лица и взглянула на него. Пришелец стоял в двух шагах и задумчиво разглядывал ее, чуть склонив голову. – Я окончательно перестал понимать что-либо. Но я не имею в виду ничего плохого. Прошу меня простить за доставленные неприятности.

Осторожно-успокаивающие интонации в его голосе казались совершенно не ребяческими. Так мог бы говорить взрослый человек, всерьез озадаченный бурными детскими слезами посреди невинной игры и не знающий, как успокоить расстроенного ребенка. Именно таким тоном полагалось бы сейчас разговаривать ей.

– Я не собираюсь идти в город. Я просто шутил. Судя по твоему настроению, сейчас ты, госпожа ректор, не в состоянии давать пояснения. Значит, отложим их на потом. Если мое присутствие доставляет неприятности, то я могу просто укрыться в парке до утра – или до того момента, как понадобится. Или, если хочешь, помести меня на гауптвахту, я не возражаю. Ага?

– Господин Май, – Сиори потерла лоб. – Ты действительно ставишь меня... всех нас в очень неловкое положение. Кубирин, возникший у тебя на шее – очень могущественный артефакт. Атрибут же, который ты только что продемонстрировал, вообще не имеет аналогов в истории. Как только о них станет известно широкой публике, твоя жизнь окажется в опасности.

Она встряхнулась и поднялась на ноги.

– Господин Май, ты попал в жестокий и недружелюбный мир. Страна десятилетие балансирует на грани гражданской войны. Ты можешь оказаться той спичкой, которая спровоцирует пожар. Я не могу объяснить сейчас всю сложность ситуации, но если мы в ближайшее время не найдем способ отправить тебя домой...

Она покачала головой.

– Уже поздно. Нужно устроить тебя на ночь. Я должна хорошо подумать, что, кому и как говорить завтра. Мне действительно очень жаль, что я вынуждена поместить тебя в неподходящие условия, но выбора попросту нет.

– Мне все равно, – пожал плечами мальчишка. – Мне самому нужно несколько часов, чтобы выспаться. Губа так губа, лишь бы никто на нервы не действовал.

– Подождите, – сказала Айсока. – Сира, на ночь его можно устроить у меня. Ты же знаешь, ко мне слуги не заходят. Его никто не увидит.

– У тебя? – Сиори приподняла бровь. – У тебя отнюдь не королевские апартаменты, вы стесните друг друга. И потом, мужчина...

– Ох, Сира! – звонко засмеялась Айсока. – Я давно вышла из возраста, когда меня мог бы скомпрометировать мужчина в моей комнате, тем более – пятнадцатилетний мальчик. Заодно я подберу ему форму по размеру. С кубиринем в рабочем комбинезоне он будет выглядеть подозрительнее огненного дракона, а я единственная, кто может незаметно изъять форму из каптерки.

– Хорошо, – согласилась ректор. – Пусть так. Господин Май...

– А конфеты у тебя есть, госпожа? – деловито поинтересовался пришелец, и Сиори растерянно сморгнула. Весь его взрослый вид куда-то испарился, и он снова выглядел нахальным и невоспитанным мальчишкой, ни в грош не ставящим взрослых.

– Нет, господин Май, – улыбнулась проректор. – Но с ужином мы что-нибудь придумаем.
– Вот и здорово.

Мальчишка повернул голову и бросил насмешливый взгляд на Грампу, уже влезшую в туфли и юбку и рукой придерживающую лишившийся пуговиц разрез на боку.

– Между прочим, госпожа, меня можно не стесняться. Шорты, – он постучал пальцем по своим коротким трусам, – у нас летом за консервативную офисную одежду сходят. А в спортзалах народ вообще голым занимается, если только защитная одежда не требуется. Хотя дизайн женского белья у вас определенно нуждается в доработке.

Грампя снова покраснела, но ничего не ответила.

– Да, и еще. – Мальчишка медленно шагнул вперед, к по-прежнему стоящим навтыжку девочкам. – Напомните, кто из вас меня сюда заташил? Ты? – он ткнул пальцем в плечо Миру.

– Я, господин, – скованно откликнулась та. – Прости, я не...

– То есть, – перебил ее мальчишка, – получается, я теперь твой... как его... – Он наморщил лоб. – А! Фертрат! Точно, фертрат. Типа, магический демон-слуга из другого мира. Ну и что ты намерена со мной делать, хозяйюшка? – вдруг грозно рявкнул он.

– Я-а... – пролепетала Мира, бросив отчаянный взгляд на Сиори. – Я не...

– Нифига! – мальчишка покачал у нее перед носом указательным пальцем. – Ты меня сюда приволокла буквально за шкурку. А мы в ответе за тех, кого приручили. Не получится отмазаться, даже и не пробуй. Теперь ты должна меня кормить, поить, гладить по шерстке и рассказывать сказки на ночь. Сегодня, так и быть, морально привыкай к мысли, а с завтрашнего дня придется заботиться обо мне на полную катушку. Иначе зачахну с тоски и сдохну у твоего порога. Ясно, кадет?

– Так точно! – испуганно дернулась девочка. – Ой... – Она опять бросила умоляющий взгляд на Сиору, и та, хоть и предельно вымотанная, с трудом удержалась от улыбки. Ну что за гость свалился им на голову! Что же, по крайней мере, с ним не соскучишься. И, похоже, он далеко не глуп для своего возраста.

– Вот и замечательно, – заявил Май. – Тебя ведь Мира зовут? А я Май. Только я в одном сериале видел, еще в детстве, что контракт с фертратом следует закрепить поцелуем. Иначе призыв силы не имеет, и фертрату придется вернуться домой.

Он резко наклонился вперед, заключил девочку в объятия и поцеловал ее в губы.

Вопреки подсознательному ожиданию Сиори Мира не стала визжать и вырываться. Суровая выматывающая школа Грампы, страшно не любившей насильников, дала свои плоды. От неожиданности девочка широко распахнула глаза и неподвижно замерла. Но уже две секунды спустя ее предплечья взлетели вверх и резким ударом изнутри разомкнули кольцо объятий. Ее колено вонзилось мальчишке в пах, и тот дернулся от боли, сгибаясь, а Мира, отступив на шаг назад, хорошо поставленным ударом правой вскользь достала его в скулу. Мальчишка взмахнул руками и, не удержавшись, уселся на задницу, хлопая глазами.

Мира растерянно взглянула на него, потом на Сиори, и ее лицо залил густой румянец.

– Ой... – снова сказала она. – Я... прости, господин Май, я не хотела... я рефлекторно...

– Эксперимент прошел удачно, хотя и слегка болезненно, – пробормотал Май. Он потер скулу, поморщился и поднялся. – А что делать? Непредвзятый взгляд требует жертв. Тяжелая же рука у моей новой хозяйки, однако... Ну, бьет, значит, любит. Госпожа Айсока, поскольку контракт успешно заключен, мы можем пойти к тебе.

– Тогда на сегодня закончим, – устало сказала Сиори, подавляя глубоко непедагогичное желание истерично рассмеяться. – Гра, отведи девочек в дормиторий. Айя, рассчитываю на

тебя. Если что, я на квартиру возвращаться не собираюсь, в своем кабинете сосну. Зови немедленно и в любое время, если нужно.

– Хорошо, – кивнула проректор. – Господин Май, пойдем со мной.

Она подошла к двери в раздевалку, коснулась засова ключ-перстнем, снимая блокировку, и вышла.

– Спок ночи, народ! – мальчишка махнул рукой, озорно подмигнул сначала Грампе, а потом Мире, и вышел вслед.

– Нахал! – буркнула Грампа, сердито поддергивая сползающую юбку.

Сиори иронично посмотрела на нее, и воспитатель смущенно потупилась.

– Тебе то же самое распоряжение, – сказала ректор, вовремя вспомнив, что насмеяться над воспитателями, пусть даже за дело, перед кадетами не стоит, и проглотив ехидную реплику. – Если во время дежурства случится что-то странное, даже по мелочи, немедленно извещай меня. После случившегося я даже Прорыву не удивлюсь.

– Так точно! – лейтенант отдала честь.

– Вольно. Все свободны, – скомандовала Сиори и вышла из зала. Уже в вестибюле она запоздало сообразила, что даже не спросила иномирянина, откуда он прибыл. Если из известного мира – одно. Тогда есть надежда не только вернуть его домой, но и установить совершенно новые торговые отношения. А вот если из совершенно чужого... Хотя... привычной жизни пришел конец, а в намечающемся глобальном кавардаке – какая разница?

– А у тебя здесь и в самом деле тесно, госпожа, – озабоченно проговорил мальчишка, переступая порог комнаты. – Повернуться негде. Ты уверена, что я тебя не стесню? Я и в самом деле прекрасно переночую в кустиках в парке.

– Нет нужды, господин Палек, – качнула головой Айсока, закрывая за собой дверь в микроскопическую прихожую. – Нам с тобой вполне хватит места.

– О! – молодой Демиург с интересом взглянул на проректора. – С кем имею честь? Ты Координатор?

– Как ты догадался?

– Даже проснувшийся нэмусин, помнящий мой псевдоним из реальности, не смог бы привязать его к этой маске. Возраст не тот, а имя вполне обычное. Кроме того, Координатор просто обязан выйти на связь немедленно после моего появления – если не из вежливости, то для протокола, так что пауза и без того неприлично затянулась. Мы знакомы?

– Да.

Тело Айсоки приподнялось над полом, окуталось золотистой дымкой и резко изменилось. Вместо полной невысокой женщины возрастом далеко за пятьдесят перед Палеком возникла узкоглазая девочка-подросток со светло-оливковой кожей, черными волосами до плеч, разноцветными – красным и зеленым – глазами, в белой кружевной блузе и облегающих кожаных штанах наездницы до колен. На ее груди засияла золотая брошь с фиолетовым сапфиром, а в волосах блеснула небольшая бриллиантовая диадема.

– Бокува, – констатировал Палек. – Привет-привет, давно не виделись. Я думал, ты должнаешь Ракуэн шлифовать.

– Отлаженной на данный момент виртуальности достаточно для поддержки не менее двадцати миллионов нэмусинов, – сообщила Художница, трансформируясь обратно в Айсоку. – С учетом поступления примерно миллиона новых нэмусинов в год запас мощности пока есть. Опять же, с появлением проснувшихся нэмусинов мы больше не нуждаемся в привлечении Операторов из реального мира – ни для чистки ландшафта, ни для архитектурных целей, и сейчас расширение жизненного пространства может идти куда быстрее, чем раньше. Основные усилия брошены на решение социологических вопросов. Формирующиеся микросообщества проснувшихся пока что не набрали критической массы для самоподдержания. Они недоста-

точно стабильны и не могут существовать без постоянной коррекции. Но здесь моих навыков не хватает – я строитель по своей природе, а не психолог и не социолог. Госпожа Яна попросила меня помочь с Академией-Си, и я решила, что польза для меня и для нее окажется взаимной. Она получает контролера и Координатора, а я – нужный опыт.

– Вот как? Интересно, почему она меня о помощи не попросила? Бокува, давай, рассказывай все с самого начала.

– Во-первых, не Бокува, а госпожа Айсока. Мне все равно, но если ты проговоришься на людях, нехорошо получится. Во-вторых, с самого начала не могу. Госпожа Яна передала мне четкие инструкции не раскрывать определенного рода информацию никому. Вообще никому. Если сочтет нужным, сама расскажет. После понижения несущей я еще не общалась с ней и других указаний не имею. Поэтому – вот.

Она вытянула руку ладонью вверх, и над ней появились две бумажных книги в кожаных переплетах.

– Первая ссылка – императивная история на момент пуска сцены, вторая – краткое изложение культурного и политического контекста на текущий момент. Для вхождения в тему вполне достаточно.

– Ладно, почитаю, – кивнул Палек, взяв книги из воздуха. – Но не сразу. У меня, знаешь ли, в реальности рабочий день в разгаре, дел по горло. Сейчас отговорился плохим самочувствием, но долго на самотек дела бросить не могу. Вечером почитаю... здесь уже утро наступит. Система счета времени здесь та же, что и в реальности?

– Да.

– Великолепно. Бок... Тьфу, госпожа Айсока, и все-таки – что в здешней площадке такого особенного? Одним словом?

– Одним словом не получится. Ты знаешь, что такое индекс социального давления?

– Ну, не такой уж я и дремучий! – обиделся Палек. – Знаю, разумеется. Описывает степень мотивации индивидов к активной деятельности.

– Можно сказать и так. В Академии-Си индекс равен тридцати.

– Сколько?! – ахнул Палек. – Тридцати? Да вы с Яни что, офонарели? Ни на одной площадке выше пяти не поднимается! Да даже проснувшимся выше пятнадцати не дают. Вы здешних немусинов невротиками сделать хотите? Или на стрессоустойчивость их проверяете?

– Господин Палек, – спокойно произнесла Бокува-Айсока, – здесь многое покажется тебе странным. Поверь, так надо. Нэмусины здесь очень необычные. Больше сказать не могу, извини.

Палек с шипением втянул воздух.

– Конспираторы... – пробурчал он. – И, главное, от кого? От меня, от родного... ну, пусть сводного брата! Я ей еще припомню! Айсока, ректор – Сиори, да? – нэмусин, не кукла. Та златовласка с большой дубиной – тоже. И девчонка, Мира. Да или нет?

Координатор посмотрела на него, заколебавшись.

– Представление в спортзале ты устроил для того, чтобы проверить их реакции? – спросила она.

– Да. Не забывай, я сам несколько площадок в Ракуэне настраивал, да и психологии по верхушкам нахватался. Ни одна кукла не способна демонстрировать поведение, выходящее за рамки заданных шаблонов. Даже небов вроде тебя подловить можно, если знать особенности личности. Все трое протестированных продемонстрировали слишком широкий диапазон реакций и агрессивности. Кукол так не программируют, да и для искинов поддержки нехарактерно. Так да или нет?

– Хорошо. В конце концов, держать тебя в полном неведении не просто нечестно, но и опасно для окружающих. Подтверждаю, твои догадки верны. Только прошу – не делай так больше. Не нужно провокаций. Сексуальная тематика здесь табуирована в тех же рамках, что

и на Восточном материке, и на домогательства мальчиков к девочкам смотрят очень неодобрительно.

– Я же говорю – эксперимент, – Палек пожал плечами. – Сдалась мне эта мелочь пузатая! Домогательства, тоже мне! И вообще, я женатый и степенный человек, Каси подтвердит. Айсока, и все-таки, что у меня за блокиратор на шее – или как вы этот ошейник называете? Откуда он взялся и как связан с любопытными щупальцатыми добавками к моей проекции? И как его снимать?

– Ошейник называется «кубирин», и в штатных условиях он не снимается. В качестве вспомогательной задачи здесь отрабатывается одна из возможных моделей контроля за эффе́кторами в реальном мире. Кубирин дает дополнительные способности Защитника: атакующее оружие ближнего боя – у Меча и защитное силовое поле – у Щита. Цвет кубирина – золотой и серебряный соответственно. Мечи обычно женщины, поскольку они от природы менее агрессивны, Щиты – мужчины. Но случаются и исключения – госпожа Клия, например, местный директор медицинской службы и воспитатель по совместительству. В кубирин встроена система визуального контроля статуса в виде цветного камня, цвет играет чисто декоративную роль...

– Эй! – Палек замахал руками. – Я верю, что ты можешь про... кубирины рассказывать часами. Можно конкретнее? Мне-то он зачем? Я не запрашивал.

– Твой кубирин... – Бокува задумалась. – Кубирины генерирует артефакт под названием «Глаз Бога» – он расположен здесь совсем рядом, мы в зоне его непосредственной реакции. Его назначение отнюдь не исчерпывается контролем за Защитниками, но сейчас не суть. Почему Глаз сработал, понятно – спортзал внутри радиуса активации, а твой повышенный статус требует кубирина. Другое неясно. У тебя одновременно способности и Щита, и Меча. Такой артефакт в императивной истории носит название «двойного кубирина Таэллы», в действительной истории ни разу не задействовался, и почему система выдала тебе именно его, хм... При назначении Атрибута она анализирует индивидуальные особенности психоматрицы, которые у твоей проекции попросту отсутствуют... я поняла. Твой канал связи закрыт для запроса расширенной информации, психоматрица для анализа, разумеется, недоступна. По результатам работы системы оба накопительных регистра оказались нулевыми, и ни одна чаша весов не перетянула. Ошибка в программировании, временная заглушка в ветвлении, так и не доработанная до конца. Похоже, Глаз Бога оказался не рассчитан на работу в условиях нулевой информации...

– Стоп! – Палек поднял руку. – Любезная моя госпожа Айсока, я поплыл. Верю, что ты можешь много часов подряд рассказывать о местной механике, но я все-таки человек. Я ухватил общую идею, но у меня, кажется, перегрузка. Слишком много информации. Давай так. Я временно отключусь и займусь делом, а вечером – вашим утром – подключусь обратно и просмотрю твои материалы. Я положу проекцию где-нибудь в уголке и оставлю на автопилоте. Лучше меня не дергать, но если что-то срочное, зови по прямому каналу, подключусь.

– Хорошо. В шкафу матрас и простыни, сделай себе постель. Ко мне крайне редко кто-то заходит, но нарушениями достоверности лучше не рисковать. А я пока пойду в каптерку и подберу тебе одежду. Можно создать с нуля, но кое-кому покажется слишком подозрительным.

– Тяжело у вас, – хмыкнул Палек. – Тридцать баллов – м-да. Кстати, а ты Щит или Меч? Какой-то у тебя кубирин... бесцветный.

– В соответствии с легендой я много лет назад получила в бою тяжелую травму и фактически не являюсь Защитницей. Я не могу проявлять свой Атрибут и очень не люблю говорить о нем, а остальные стараются мне не напоминать. Я даже авторизовать кадетов не могу – речь о специальном механизме, позволяющем Защитнику использовать Атрибут только с разрешения контролера. Формально я могу использовать кубирин лишь для дистанционных переговоров в пределах Академии. Моя официальная роль – проректор по административно-хозяйственной

части. Фактически я отношусь к обслуживающему персоналу, к той же категории, что и слуги, хотя ректор, госпожа Сиори, ко мне прислушивается и в воспитательных вопросах. Кстати, слуги здесь поголовно куклы с жестко заданной логикой, так что их можно не домогаться.

– Язва. А ты директор АХЧ, значит? Самоуничтожение – путь к просветлению? – фыркнул Палек. – Ну, вам с Яни виднее. Все, я укладываюсь.

– Я на склад, – Координатор взялась за ручку двери, но остановилась и обернулась. – Господин Палек, госпожа Сиори и без того перегружена. Постарайся не доставлять ей лишних неприятностей.

– Договорились. – Молодой Демиург открыл шкаф и принялся в нем копать. – Постараюсь изо всех сил, авось и выживет. А теперь отбой. Вечер – паникер, утро – утешитель. Правда, кто вас разберет, какое именно утро и кого должно утешать...

– Госпожа Грампа, докладывает дневальная по дормиторию Тмина Расстояние! – Дневальная, вскочив из-за стола, вытянулась в струнку. – Происшествий нет, но к отбою не явились трое ка...

Она осеклась и захлопала глазами, увидев Миру, Хану и Бохаку, гуськом входящих в караулку вслед за лейтенантом.

– Вольно, – устало отмахнулась воспитатель. – Тмина, подожди в коридоре. Закрой за собой дверь и не подслушивай, ясно?

– Так точно, госпожа лейтенант! – отчеканила Тмина. – Есть подождать в коридоре.

Она быстро подошла к двери и вышла в коридор, напоследок окинув всех взглядом, в котором читалось неприкрытое любопытство. Еще бы – не каждый день воспитатель является после отбоя с тремя кадетами, причем все четверо выглядят так, словно их кошки драли.

– Вы трое, – сухо сказала Грампа, вылезая из потрепанной юбки и копаясь в шкафу в поисках ниток и иглы. – Госпожа Сиори приказала не вносить вас в журнал нарушителей за опоздание к отбою. Однако она ничего не говорила насчет прочего. Про игры с порталом я забуду – они не моего ума дела, наверняка разбором займется попечительский совет. От него вам достанется и без меня.

Она взяла форменную пуговицу, присела на диван и принялась споро ее пришивать.

– Однако же нарушение ограждающего барьера является серьезным дисциплинарным поступком. Каждой за него три наряда вне очереди. Плюс за непотребный внешний вид – еще по наряду. И только попробуйте мне пропускать занятия или не делать домашнее задание! Все понятно? – она вскинула угрюмый взгляд.

– Да, госпожа Грампа! – унылым хором отрапортовали нарушительницы.

– И чтобы к завтрашнему утру форма была чистой, целой и отглаженной, иначе схлопочете еще по наряду. – Воспитатель обкусила нитку и принялась за вторую пуговицу. – Свободны.

– Да, госпожа Грампа! – снова грустным эхом откликнулись девочки. Они гуськом вышли из караулки – Хана приложила палец к губам, предупреждая вопросы Тины – в тусклом свете дежурных светильников поднялись на третий этаж спального корпуса, прошли тихим сейчас коридором и ввалились в свою комнату, темную и пустую. В окно светила карабкающаяся на небо полная луна. Мира захлопнула за собой дверь, привалилась у ней спиной и облегченно вздохнула.

– Живы, слава Всевышнему... – пробормотала она.

– И с четырьмя нарядами вне очереди, – язвительно огрызнулась Хана. – И все по твоей вине!

– Ты сама подзуживала!

– А ты и рада!..

– Девочки, не ссорьтесь! – Бохака обняла подруг за плечи. – Мы все виноваты. Сами за ограждение полезли. Ой... – она поежилась. – Знаете, что самое плохое? Мы видели, как госпожа Грампа дралась с тем мальчишкой. Она же нам теперь не простит!

– Что не простит? – удивилась Мира.

– Что мы видели, как какой-то мальчишка ее по полу валял, – досадливо поморщилась Хана. – Мира, ты вообще-то умная, но иногда дура душой! Ее же никто никогда победить не мог, хоть с Атрибутом, хоть врукопашную.

– И как он ее... – внезапно Бохака прыснула. – Как он ее... как он... лапал!

– И как юбку с нее содрал! – хихикнула Мира. – Госпожа Грампа в одних трусах! И как в грудь ей тыкался! Рассказать кому – не поверят!

Бохака отвесила ей подзатыльник.

– Дура! – сурово сказала она. – Кому рассказать? Ты что, не понимаешь? Мы должны помалкивать в тряпочку обо всем. И про то, как к порталу лазили, и про мальчишку, и про то, как они в зале дрались. Ты что, не поняла еще, во что мы вляпались?

– А во что? – удивилась Мира. – Здорово же все получилось! Другие из портала парсов вытаскивают, а я – живого человека. Я теперь, наверное, знаменитой стану!

– Или прирежут тебя, чтобы другим неповадно! – зло сказала Бохака. – Ты что, не слышала, что госпожа Сиори сказала? Дело гражданской войной пахнет.

– Да из-за чего?!

Бохака отошла к своей кровати, села на нее прямо поверх покрывала и отвернулась к окну. Мира с Ханой непонимающе уставились на нее.

– Вы что, никогда не слышали про двойной кубирин Таэллы? – наконец спросила девочка. – Вы вообще читаете то, что по внеклассному чтению задают?

Подруги переглянулись.

– Ну, я что-то такое вроде бы... – неуверенно сказала Мира.

– «Вроде бы»! – передразнила Бохака. – Таэлла Комоцукай – не только легендарная основательница Цетрии, но и одна из первых Защитниц, забыли? Когда в пятьсот семьдесят втором она нашла останки одного из ковчегов, в котором наши предки путешествовали между звезд...

– Опять ересь рассказываешь, – нахмурилась Мира. – Не ляпни при людях. Услышит отец Ахо, опять на час заведет шарманку о путеводном сиянии, что вело нас через порталы.

– Плевать я хотела на вашу глупую религию! – зло огрызнулась Бохака. – В соответствии с Уставом, между прочим, Церковь не имеет власти на территории Академии, и свобода взглядов тут разрешена. Я из Мейсары, и не стыжусь этого! А отца Ахо вашего, придурка жирного!..

– Да ладно, ладно, я пошутила, – замахала руками Мира. – И что? В ковчеге?

– А в ковчеге много всякой всячины. У нас в некоторых книжках пишут, что и Глаз Бога там же нашли, а вовсе он не с неба спустился. Ну, неважно, главное, что Таэлла прошла инициацию прямо там же, в ковчеге. И у нее проявился в точности такой же кубирин, как у того мальчишки. Правда, Атрибут совсем другой – Громовое Копье и Щит Порядка. С его помощью она потом воевала и объединяла графства, и ей никто противостоять не мог. И почти тысячу лет после нее Сайлават жил единым государством, пока десять лет назад война не началась.

– Ну и что? – Мира запрокинула голову, взглянув на светильник, и коснулась пальцами кубирин. И тут же, охнув, ухватилась за плечо Ханы, чтобы устоять на ногах.

– Что с тобой? – подруга подхватила ее за талию, совсем как пришелец в парке. – Тебе плохо?

– Я, оказывается, вымотана, – пожаловалась Мира. – Даже свет включить не могу. Словно пять часов подряд с Мечом тренировалась. Включи, а?

Хана подняла голову, и матовый шар под потолком замерцал, разгораясь.

– Да уж, досталось тебе, – озабоченно сказала она, подводя Миру к стулу. – Ты не напрягайся. Не каждый день из порталов всяких нахалов вытаскиваешь. Бо, так что с войной?

– А то, что кубирин Таэллы в гражданской войне – такое оружие, за которое кому угодно шею свернут, – угрюмо пояснила Бохака. – Если верить легендам, Таэлла в одиночку с десятью Мечами дралась и всех удельвала. А ведь тогда кубирини еще толком использовать не умели. Госпожа Сиори правильно сказала, мальчишку этого теперь каждый граф себе заполучить захочет. И тогда одна из сторон получит перевес, и война снова начнется.

Она обняла себя руками и нахохлилась.

– Ты боишься, что наши графства начнут воевать друг с другом? – тихо спросила Хана.

Бохака дернула плечом и не ответила.

– Ну, мы пока что ничего поделывать не можем, – философски заметила Мира. – Что сделано, то сделано. Давайте форму в порядок приведем, и спать.

Она скинула китель и принялась отдиравать от него мелкие веточки, впившиеся в сукно словно крючками.

– Ага, – согласилась Хана. Она села на другой стул и тоже принялась чистить одежду. – Слушай, Мирка...

– Ну?

– А что ты почувствовала, когда тот нахал тебя целовал? Приятно было?

Мира отложила китель и, преодолевая слабость, поднялась. Она доковыляла до своей кровати, взяла подушку и запустила ей в подругу.

– Еще раз вспомнишь, и я тебе не хуже госпожи Грампы лохмы повыдергаю, – хмуро сказала она. – Вот только попробуй кому-нибудь рассказать!

– Твое счастье, что вся история – секрет, – хихикнула Хана, до которой подушка так и не долетела. – А то бы я всем-всем-всем растрезвонила!

Мира только вздохнула. А что, в самом деле, она почувствовала? Ей уже пятнадцать, а ее впервые в жизни поцеловали по-взрослому! Хотя... ей, как и всем остальным Защитницам, все равно целоваться не придется до самой отставки. Так что какая разница? Она вернулась к стулу и снова принялась вытаскивать из кителя занозы.

А все-таки... наверное, ей было приятно.

11.02.867, древодень. Четыре Княжества, Каменный Остров

– Следующий! – офицер-пограничник за стойкой махнул рукой. Карина быстро прошла пять шагов от стоп-линии до стойки и положила на нее пластинку своего паспорта. Псевдоним, которым она иногда пользовалась при демонстративном пересечении границы, в том числе и катонийской, уже стал весьма известным в узких кругах, но значения это уже не имело. Ни сегодня, ни вообще. Вероятно, она использовала его в последний раз. Она машинально подняла руку, чтобы поправить длинноволосый парик, но вовремя спохватилась и вместо того сняла темные очки.

– Карха Камэй... – скучающе прочитал офицер со своего терминала. – Цель въезда в Четыре Княжества?

– Кратковременная деловая поездка.

– Какие-то вещи при себе имеются?

– Нет. Только ручная кладь, – она продемонстрировала сумочку.

– Вот как? – офицер изучающе посмотрел на нее. – Госпожа Камэй, ранее тебе запрещался въезд в Княжества по каким-либо причинам?

– Нет, господин, – коротко ответила Карина, оглядываясь по сторонам. Интересно, ее что, не встречают? Ее легенда вовсе не рассчитана на детальный допрос. Если честно, то и легенды-то никакой нет. Неужели Дворцовая охрана могла так проколоться?

– А если проверить? – офицер подвигал стилем в сенсорном поле, взглядываясь в терминал. – Что за?..

Вероятно, он как раз смотрел на пометку «Недостаточен уровень доступа», которую должна выдавать база данных МВС при попытке запроса рядовым погранцом, но проверить догадку не пришлось. Неприметный человек в черном костюме и черных же очках быстро прошагал за рядом турникетов, приблизился к офицеру сзади, склонился к его уху и что-то прошептал, одновременно подсунув под нос удостоверение. Пограничник вздрогнул, бросил на неизвестного короткий взгляд и протянул Карине паспорт.

– Приятного пребывания в Четырех Княжествах, госпожа Камэй, – сухо сказал он, нажимая на кнопку.

– Спасибо, господин, – Карина водрузила обратно на нос очки, взяла документ и прошла за открывшийся турникет.

– Граф Исаяя Обрыв, Дворцовая охрана, – человек в костюме показал ей удостоверение. – Я твой сопровождающий, госпожа Камэй. Прошу за мной.

В молчании они миновали багажные транспортеры, прошли через зал прилета и спустились на подземную стоянку. Небольшая серая машина с зеркальными стеклами и спецномерами ДО тихо заурчала мотором. По звуку и вибрациям чувствовалось, что двигатель автомобиля способен потягаться в мощи и скорости с иным гоночным болидом. Мужчина в костюме неспешно вывел машину в проход, и в хвост ей тут же пристроился огромный черный джип с такими же спецномерами.

– Госпожа Мураций, Повелитель передает тебе свои наилучшие пожелания, – негромко сказал охранец, маневрируя между рядами. – Он сожалеет об обстоятельствах, вынудивших тебя приехать экстренно и инкогнито, и заверяет, что мы готовы выполнить все твои пожелания.

– Прошу передать Повелителю Сайрату мои ответные заверения в своем уважении. Я сожалею, что доставила вам неприятности своим скоропоспешным визитом, – в тон ему откликнулась Карина.

Охранец кивнул и не ответил.

До города ехали молча. Судя по всему, провожатый и без комментариев прекрасно знал, куда ехать. Откинувшись в кресле, Карина вспоминала как восемь лет назад она вот так же инкогнито попыталась попасть в страну и чуть было не поимела на том крупные неприятности. Вспомнив, как моталась ночью по Каменному Острову в поисках катонийских проституток, она ностальгически улыбнулась. Всего восемь лет прошло. Ну, восемь с половиной. А кажется – целая жизнь. Тогда все делалось полукустарно и на коленке, сейчас же она явно попала в деловито крутящиеся шестеренки отлаженного государственного механизма. Жаль, что ее встретила не Ольга. Впрочем, она наверняка сейчас тоже у Масарика.

Правила дорожного движения охранец демонстративно игнорировал. Он включил завывающую сирену и несся так, что Карина задействовала форсированный контроль ближнего окружения, но все равно невольно вздрагивала при каждом маневре. Джип с охраной не отставал. За полчаса они долетели до района, в котором жил Масарик, и там машины вынужденно сбавили скорость. Впрочем, и городские пробки не слишком-то их задержали. В Катонии за выкрутасы типа обгона по встречной полосе через двойную сплошную линию или игнорирования светофоров если и не задержала бы полиция, то точно съели бы журналисты. Но здесь такое, похоже, было в порядке вещей. В прошлые визиты ее возили в официальном кортеже по пустым улицам, видимо, заранее очищая их от машин, но сейчас на подобное хамство собственным гражданам она хозяевам, к счастью, времени не оставила.

Крематорий располагался на границе большого парка, серого и облетевшего по зимнему времени. На парковке в глубине двора, обнесенного высокой чугунной изгородью, стояло всего с полдесятка автомобилей. Карина удивилась – она ожидала, что на похоронах фигуры такого масштаба народу окажется куда больше. Если и не из сочувствия к родственникам, то хотя

бы из соображений престижа. Либо она все-таки мало что понимает в княжеской внутренней политике, либо... либо Масарик не захотел устраивать представление.

Провожатый довел ее до двери, но внутрь не пошел, оставшись на невысоком крыльце. Карина с усилием потянула на себя тугую дверь и вошла в полутемный зал. Несколько человек обернулись к ней. Ольга коротко кивнула, и Масарик развернул свое инвалидное кресло, пытаясь разглядеть ее лицо против света. Она подошла к нему, сняла темные очки и склонилась к лицу, положив руку на плечо.

– Марик... – тихо произнесла она.

– Кара, – откликнулся тот, накрывая ее руку своей.

– Я соболезную. Твой отец...

– Тс-с, – Масарик приложил палец к губам. – Кара, мы еще поговорим. Я очень признателен, что ты сумела появиться. Я отказался от попа – ненавижу пустые слова и заученно-траурный тон, да и отец всегда был атеистом. Все, кто хотел, уже простились с ним. Если хочешь...

– Конечно, Марик.

Карина медленно подошла к открытому гробу. Сторас Медведь лежал со скрещенными на груди руками. Его лицо выглядело наощенным, глаза и щеки запали. Мертвый, он совершенно не походил на жесткого, холодного и ироничного директора Службы Внешней Разведки, каким она знала его заочно. У них так ни разу и не нашлось повода встретиться лично, но она несколько раз наблюдала его через перманентно располагающуюся в его кабинете камеру. Она коснулась пальцами его лба, потом своих губ и низко поклонилась.

– Он был хорошим человеком, – проговорила она в пространство. – На удивление хорошим для своего поста. Не добрым, не мягким – именно хорошим: честным, пекущемся о деле и профессионалом до мозга костей. С его смертью Четыре Княжества понесли воистину невосполнимую утрату.

Она хотела сказать что-то еще, но, минутой молча постояв у гроба, передумала. Любые слова в этом зале окажутся фальшивыми и никому не нужными. Она вернулась к Масарику и встала около его кресла, снова положив руку ему на плечо.

– Госпожа Перекат, мы закончили, – сказал тот, обращаясь к невнятно-расплывчатой фигуре в темном углу. – Завершайте церемонию.

Женщина – Карина на мгновение глянула в расширенном диапазоне – кивнула и нажала кнопку на пульте. Заиграла тихая печальная музыка, и гроб, дрогнув на платформе, медленно пошел вниз. Несколько секунд спустя над ним сомкнулись створки. Присутствующие потянулись к выходу. Проходя мимо Масарика, они кланялись ему, приложив руку к сердцу. Тот кивал в ответ.

– Ну, вот и все, – вымученно-бодро сказал он, когда они остались втроем. – Осталось дождаться урны с пеплом. Пойдемте в комнату ожидания.

Не дожидаясь ответа, он развернул кресло и с легким жужжанием покатил к двери в соседнюю комнату. Та автоматически распахнулась, пропуская его внутрь. Карина с Ольгой, переглянувшись, последовали за ним.

Посреди небольшого помещения с несколькими диванами и покрытым толстым ковром полом Масарик Медведь остановился. Низкие тучи ползли над городом, угрожая дождем, а то и снегом, и комнату заливал серый унылый свет под стать месту.

– Итак, ты все таки приехала, Кара, – сказал он ровно. – Я же сказал, что незачем...

– Есть зачем, – возразила та, стаскивая парик и темные очки. – Марик, я хочу сказать тебе и Онке кое-что, что невозможно передать по официальным каналам. О твоём отце.

Она опустила на диван и неуверенно посмотрела на Ольгу.

– Здесь нет подслушки, – сообщила та. – Я ничего не вижу в стенах. Разве что лазерный микрофон звук со стекол снимает, но вряд ли – не то место.

– Все чисто, – кивнула Карина. Их и в самом деле не подслушивали. Просто она внезапно почувствовала, что сказать несколько простых слов куда как сложнее, чем она предполагала. Возможно, не стоит? – Марик, я не знаю, как объяснить... В общем, у нас есть сведения, что смерть господина Стораса не была естественной.

– Ну, если уж даже у вас есть такие сведения... – грустно улыбнулся Масарик.

– Мы знаем, – лицо Ольги приняло жесткое выражение. – Яд, который ему подсунили, очень редкий. Его следы невозможно обнаружить, если не искать направленно. Но мы втайне провели второе вскрытие – мы нашли очень хорошего судебного патологоанатома. Точнее, Павай нашел через старые связи, еще с тех времен, когда он в АКР работал. Тот человек – эксперт по ядам.

– «Сладкая смерть».

– Да, Кара. Она. Соединение выделяется из сока «сизой метелки», растущей только в Южном Сураграше. Вероятно, убийцы хотели, чтобы в случае раскрытия убийства волна пошла в вашу сторону.

– Сволочи! – Карина опустила на диван, закрыла лицо ладонями и привычным жестом потерла глаза. – Марик, я даже не стану заверять тебя, что мы не имеем никакого отношения к делу...

– Разумеется, Кара, – мягко улыбнулся Масарик. – Я и в мыслях не держал ничего похожего.

– Я не могу вам помочь найти убийц. Я не знаю, кто они. Но если появятся хоть какие-то зацепки, мы поможем всем, чем возможно. «Сизая метелка», я выясняла, растет только в определенных местах и сырьем для производства яда является лишь в определенные периоды. Дор уже ведет расследование, и если агенты убийц оставили хоть какие-то следы, мы их найдем.

– А стоит ли? – голос Масарика казался безразличным. – Кара, не проходит и полгода после смерти прежнего Верховного Князя, как отца убивают. А до того он последовательно и неуклонно теряет свое влияние, и об его скором уходе не сплетничает только ленивый. А отец намеревался бороться до конца и в добровольную отставку не собирался, и все о том знали. Кто стоит за убийством? Я не знаю, но фигура – или фигуры – может оказаться самой серьезной.

– Неважно! – сквозь стиснутые зубы процедила Ольга. – Мне бы только выяснить...

– И что? – резко спросил Масарик. – Убьешь его? А если его просто подставят? А если ниточки дергает сам Верховный Князь?

– Повелитель Сайрат? – изумленно переспросила Ольга.

– Да. Не удивлюсь, во всяком случае, – Масарик криво усмехнулся. – Онка, время моего отца ушло вместе с прежним Верховным Князем. А он не смог бы жить на пенсии старым бесполезным бездельником. Никакая месть его не оживит – зато может серьезно навредить тебе. А вот такого я уже допустить не могу. У меня не слишком много друзей, чтобы терять их походя.

Ольга пожала плечами.

– Я не малолетняя дурочка, – холодно сказала она. – Я не собираюсь лезть на рожон очертя голову...

Прожужжали моторчики дверей, и в раздвинувшиеся створки прошла женщина в траурном белом платье и с профессиональным выражением скорби на лице. Судя по эн-сигнатуре – уже не та, что стояла в зале.

– Господин Медведь, – начала она, протягивая небольшую урну с пеплом. – Соболезную вашему горю...

– Спасибо, – перебил ее Масарик. – Считайте, что ваша задача выполнена. Оставьте нас еще ненадолго, и мы уйдем.

Он склонился вперед и взял урну, поставив ее на колени.

– Разумеется, господин Медведь, – кивнула женщина. Она повернулась и вышла.

– Ладно... – Ольга махнула рукой. – Что попусту воздух толочь? Поехали к тебе. Гром обещал к вечеру в город вернуться. Его опять куда-то погнали в формальном качестве члена княжеской семьи, он не сумел отвертеться. Очень переживал, что не успеет к похоронам, но клялся, что появится на поминках.

– Нет, – резко сказал Масарик, и Ольга с Кариной недоуменно посмотрели на него. – Прости, Онка, – его тон смягчился. – Кара, – прожужжал мотор, и Масарик дотянулся до ее руки. – Спасибо, что приехала. Я хотя и отговаривал тебя, для меня твое появление многое значит. Очень многое. Но сейчас я хочу, чтобы ты уехала. Мне нужно побыть одному: переосмыслить жизнь, финансовые дела упорядочить, с нотариусом и адвокатом пообщаться, все такое. И поминки я устраивать не собираюсь. Мне тяжело находиться на людях, нужно прийти в себя. Да и журналисты, если пронюхают о твоём появлении, мне житья идиотскими вопросами не дадут. Не обижайся, ладно? Жаль, что ты проделала такой путь впустую, целых полсуток в дороге, но... Кара, я сволочь и свинья, знаю, но я не могу общаться с тобой в таком настроении.

– Марик, ты уверен? – встревоженно спросила Карина. Она чувствовала исходящую от Масарика тяжелую свинцовую усталость напополам с безысходной тоской. Как бы он руки на себя не наложил!

– Не бойся, самоубийством кончать жизнь не собираюсь, – внезапно улыбнулся мужчина, словно прочитав ее мысли. – Более того, я, пожалуй, все больше склоняюсь к мысли принять твое предложение. Ну, то, о месте в вашем бюрократическом аппарате. Надеюсь, оно все еще в силе? Теперь, когда отца нет, меня больше ничего не ограничивает.

– Марик, я – все мы – с огромной радостью тебя примем, – Карина с трудом подавила желание обнять его, прижавшись к его широкой сильной груди. – Как только решишься, сразу же звони.

– Обязательно. А теперь, девочки, я домой. Не провожайте меня. Счастливо добраться до дома, Кара. Извини, ладно?

Он махнул рукой, развернул кресло и выехал из комнаты.

– Я ожидала чего-то подобного, – грустно сказала Ольга. – Он в последнее время становится все больше и больше нелюдимым. Ну ничего, Гром с Веткой вернутся, и мы его совместными усилиями приободрим. Не хочешь задержаться у нас?

– Нет, Онка. Я и не намеревалась оставаться надолго. Я возвращаюсь домой.

– Самолет скоро? В аэропорт подвезти? Или ты хочешь... в воздухе раствориться, ага?

– С ума сошла! Ты хоть представляешь, сколько народу мое пребывание в стране непосредственно обеспечивает?

– Э-э... сколько? Вон джип торчит, СБ СВР. Там пятеро, твоя персональная охрана. Или нет?

– Онка, – Кара слегка улыбнулась, – я точно не считала, но по дороге сюда развлекалась слежкой за местностью. Двести персон – как минимум. Восемьдесят из СБ СВР, если судить по сертификатам в удостоверениях, полсотни из Дворцовой охраны и примерно семьдесят из Министерства... как его, внутренней безопасности, уж и не знаю, что они вдруг встряли. Крематорий в двойном кольце оцепления, четыре траурных кортежа моего отъезда ожидают, на крышах снайперы табунами сидят. У Дворцовой охраны еще и два штурмовых вертолета вон за теми домами деликатно барражируют, чтобы мою скромность ненароком не травмировать. А на борту у них, между прочим, ракеты нескольких типов: противотанковые, с термобарическими зарядами и типа «воздух-воздух», хоть сейчас на линию фронта. А теперь представь, что я внезапно исчезаю. Они же все сразу свихнутся. Нет уж, приехала я публично, и уезжать придется так же. Самолет через четыре часа, до того я посажу тело в укромном уголке особого зала и изображу глубокий здоровый сон. Но в аэропорт подвези. Я кое-что хочу тебе рассказать по дороге.

– Ничего себе... – ошарашенно пробормотала графиня. – А почему меня об охране никто не предупредил? Ладно, поехали.

Когда они выехали с двора крематория, Карина спросила:

– Как у вас дела с Терелоем?

– А? Да как обычно. Неделю назад я опять о свадьбе вспомнила. Так он помялся-помялся и сбежал от меня по горам лазить, как и в прошлый раз. Сказал, что шаг слишком серьезный, он подумать должен. Гордый... – вздохнула Ольга. – Слишком гордый. Нищий плебей пытается окрутить богатую аристократку – похоже, именно так он на вещи смотрит. Ума не приложу, как его переубедить. Мне уже, ох, тридцать семь, детей или сейчас заводить надо, или никогда. Если я за ним еще пару лет погоняюсь, рожать опасно станет.

– Не торопись, – посоветовала Карина. – Качественную беременность мы тебе хоть в шестьдесят обеспечим. А ему дай свыкнуться с мыслью. Мужики – они такие, им свобода дороже всего остального. Особенно при вашей монастырской морали. У вас, кажется, скоро годовщина встречи?

– Ага, – Ольга ностальгически улыбнулась. – Два года. Между прочим, как раз в том маленьком парке, который мы проехали пару минут назад. Я не рассказывала? Я от охраны сбежала от тоски и пошла бродить по улицам. А те гопники, похоже, решили, что слабую девушку каждый может обидеть. И тут Терелой встрял – с работы возвращался. Пока я глазами хлопала и млела от удовольствия – все-таки не каждый день тебя защищают не по долгу службы, а по зову сердца – ему успели навалить как следует, в том числе ногами. Потом, конечно, я очухалась и доступно продемонстрировала им, что такое гипеметаболизм в сочетании с первой категорией. А Теру пришлось ко мне домой везти, от грязи отчищать и ссадины перекисью промывать. Тоже мне защитничек – давно за сорок, а так и не научился понимать, когда надо драться, а когда – делать ноги.

В ее голосе скользнули нежные нотки, так нехарактерные для суровой главы Сураграшского департамента.

– Ну ладно, а у тебя-то как? – спохватилась она. – Никого себе еще не нашла?

– Мне нельзя, – качнула головой Карина. – Я же объясняла. Ой, а знаешь, что Цу учудила на днях? Она давно ругалась, что у нее в лаборатории половину сотрудников СОБ завербовала как осведомителей, практически всех – грубым шантажом. Работать невозможно – все страдают угрызениями совести, глаза отводят, кучу времени на печальные размышления тратят. Так она собрала коллектив в один прекрасный вечер и заявила, что ей все равно, кто, кому и как на нее стучит, что она всех сексотов знает поименно и что ее это не кольшет. И что если кому-то по какой-то причине некомфортно работать под ее руководством, то пусть катятся, но уж если останутся, то все эмоции пусть оставляют за стенами универа.

– И что? – с любопытством переспросила Ольга.

– Трое лаборантов уволились на следующий день. И один аспирант попытался сбежать. Но она к нему домой приехала – уж и не знаю, как она ему мозги вправляла, но он вернулся и с тех пор работает нормально. А потом она явилась в окружное управление СОБ и набила морду особо активному следователю, который по ней работал. Буквально набила – дала в глаз кулаком, после чего манипуляторами в окошко на третьем этаже вывесила и как следует потрясла. Бедняга аж обделался с перепуга. У нее уже официально первая категория, так что она больше не стесняется силу демонстрировать. Поскольку у нее дипломатический иммунитет и своя папка в «Камигами», скандал, разумеется, замяли, а СОБ притихла и ее сотрудников дергать перестала. До поры до времени, разумеется. Через годик-полтора обязательно новый инициативный деятель нарисуетя.

Ольга от души засмеялась.

– Хотела бы я на морду следака посмотреть в тот момент! Чего еще новенького?

Карина помолчала.

– Онка, ты подставляешься, – наконец сказала она. – Своими аналитическими отчетами, я имею в виду.

– Что? – озадаченно переспросила директор Сураграшского департамента.

– Ты зря пытаешься подавать события в выгодном для нас свете. Тебя могут перепроверить – и перепроверяют. Не следует ставить себя в положение ненадежного источника информации. У тебя слишком много недоброжелателей, а мы можем тебя прикрывать только до определенного предела.

Какое-то время Ольга думала.

– Значит, вы все-таки шарите в наших базах... – полувопросительно проговорила она.

– Да. Извини. Мы должны знать, что происходит у нашего могущественного серверного соседа. Кроме того, – Карина улыбнулась, – у нас самих таких аналитиков, как у тебя, просто нет. А положение дел знать хочется. Онка, я признательна тебе за поддержку. За то, что ты принимаешь наше положение близко к сердцу. Но ты все-таки государственный чиновник, и тебе в первую очередь следует думать об интересах своей страны. Не нужно больше приукрашивать реальность и намекать на несуществующие тенденции, ладно? Ты удивляешься, почему тебя в известность об охране не поставили – вот именно потому. Ты потихоньку теряешь доверие. Кстати, я у тебя в машине три жучка спалила в самом начале – поостерегись говорить лишнее где ни попадя. И не забывай носить браслетик, что я подарила, он о прослушке предупредит.

– Как скажешь... – пробормотала Ольга. – Только почему ты сказала про отчеты лишь сейчас? Я уже много лет факты причисываю.

Настал черед задуматься Карине. Через лобовое стекло она молча смотрела на проносящиеся мимо улицы Каменного Острова.

– Потому что тебе следует вставить в очередной отчет предупреждение о моем скором уходе, – наконец откликнулась она.

– Что? – графиня Лесной Дождь ошеломленно взглянула на нее, резко вильнув рулем от неожиданности. Сбоку возмущенно засигналили. – Ты о чем?

– Я ухожу, Онка. Мы уже несколько месяцев готовим почву. Слухи о разногласиях в правительстве, которые до вас доходили в последние месяцы, тщательно срежиссированы. Разумеется, у меня нет никаких трений ни с Мати, ни с Дором, так что никакого военного переворота на самом деле не намечается. Просто мы проверяем, кому может захотеться нас подтолкнуть. А я... я устала. Я больше не хочу оставаться Кисаки.

– Не понимаю. Кара, приукрашиваю я реальность или нет, но у вас и в самом деле потихоньку налаживаются дела. Может, просто отпуск возьмешь? В свете предстоящих местных выборов вполне можно подать как нежелание давить на людей своим авторитетом...

– Дела налаживаются. Только я уже не нужна. Я вообще никогда не была особенно нужна. Так, символ. Принцесса на троне, ничего особенно не решающая. За меня всё всегда делали другие. Я только указания с умным видом давала, в первые годы – вообще исключительно с голоса Дзи и Семена. Знаешь, столько лет прошло, а я так и не понимаю, почему меня слушаются.

– Глупости, – у Ольги досадливо дернулся уголок рта. Она нажала кнопку круиз-контроля, ткнула пальцем в высветившийся в дисплее значок аэропорта, отодвинула руль и повернулась к Карине. – Раз ты мои отчеты ценишь, то цени и личное мнение: без тебя не вышло бы никакой Сураграшской республики. Развалилась бы местность на пару десятков мелких даже не государств, а незаконных территорий. Пришел бы в свой черед новый Дракон, и вся история с маякой началась бы сначала. У тебя превосходно получается. Ты не просто символ. Ты – цемент, объединяющий страну.

– Не знаю, – Карина пожала плечами. – Может, и объединяю немного. Только... Онка, я меняюсь. Меняюсь в самую худшую сторону. Я недавно осознала, что потихоньку становлюсь холодной злобной стервой, обожающей подчинять себе людей. Недавно на одном рабо-

чем совещании я буквально в пыль растерла одного паренька – наверное, ты о нем знаешь, Тахх Тамурат, администратор из Комитета здравоохранения. Молодой, но очень способный. В прошлом году закончил у вас в Княжествах университет по специальности «Деловое управление и контроль». Он предложил поправки по системе аттестации местных врачей – у них вечно с Гэкаем трения на почве того, что раньше развивать, муниципальную или центральную медицину. А я то ли не с той ноги встала, то ли еще что, но мне они жутко не понравились. Ну, я и сорвалась...

– Со всеми случается, – философски пожала плечами Ольга. – Я тоже иногда на своих ругаюсь, как алкоголик в уличной пивнушке.

– Не «случается». Я испытывала удовольствие, когда его проект разносила. Я как-то даже упивалась своим умом и сообразительностью, своим всезнанием. А потом, вечером, я снова о совещании вспомнила, ну и... Так паршиво мне уже очень давно не становилось. Хоть иди вешайся.

– Что, дельные поправки оказались?

– Серединка на половинку. Здоровое зерно имелось кое-где, в системе бонусов, например, за профилактические обследования, кое-что и в самом деле чушь. Неважно. Я не должна, не имею права так срывать на людях. И ведь не в первый раз. Помнишь, я говорила, что Демурги не могут забывать? Я просмотрела свои воспоминания за последний год, вытесненные в первый круг. Двадцать четыре раза. Целых двадцать четыре раза, оказывается, я сорвалась таким образом. По разу в период, а иногда и чаще. Срывалась – и сама не замечала. И в последнее время я начала испытывать отвращение от лечебных сеансов. Бесконечные лица, жалобы, стоны... Для меня пациенты из людей в мясо превратились, от которого избавиться нужно поскорее. Дзи предупреждал, что рано или поздно такое случится, что и власть портит, и всеобщим благодетелем выступать быстро надоеет, но я как-то не видела, что меняюсь в плохую сторону. Теперь заметила. Не хочу.

– Вот значит как... – Ольга бросила мимолетный взгляд в боковое окно, дотянулась до руля, прижала пальцем триггер ручного контроля и лихо подрезала идущий в соседней полосе автомобиль, перестроившись в средний ряд. На приборной панели возмущенно пискнул сигнал опасности столкновения, но она не обратила на него никакого внимания. Идущий сзади как приклеенный джип охраны горласто затрубил, еще дальше отгоняя незадачливого водителя, и перестроился следом. Ольга усмехнулась и снова отпустила руль. – Кара, если ты твердо решила, не мне тебя отговаривать. Хотя я считаю, что ты глупость делаешь.

– Возможно. Но мне надоело спасать человечество. Я каждый день оглядываюсь назад, пытаюсь вспомнить, чем занималась. И ничего в памяти не откладывается. Ага, я могу поднять поминутный журнал, только в нем – тут бумажки переключивала из стопки в стопку, там скучала на совещании о каких-то мелочах, здесь встречалась с важными людьми, от которых только зевать и хочется... Вари – физик Овари из Крестоцинского университета – полгода назад звал меня на торжественную презентацию своего нового монстра – гравискальпеля, совмещенного с гравизором, фактически мой старый эффлектор в миниатюре. Я даже на три дня вырваться не смогла, а ведь он мне там отдельную благодарность озвучил за помощь в работе. Хорошо, Тома помогла, от моего имени выступила. Все чем-то полезным заняты – Мати и Дурран муштруют армию, Дор и Мух – уголовную полицию, Цу в своем университете гравитацию изучает – уже девятый год обещает, что вот-вот, максимум чрез полгода, обязательно к нам переберется. Яни и Каси развивают систему начального образования. Лика увлеченно строит дороги и мосты, а теперь еще и носится со своим новым проектом горной ГЭС. Суэлла с ним не менее увлеченно дерется за финансирование на свой разлюбленный Синхайский ГОК, на сущие гроши уже умудрилась фундаменты трех цехов поднять. Рабочие на стройке в нее поголовно влюблены, готовы вкалывать даже бесплатно. Би страну связью обеспечивает, кабели через горы тянет, а параллельно в Катонии и Княжествах на премии нарывается за наработки

в области искусственного интеллекта. За собственные разработки, оригинальные, не у Старших слизанные. У всех интересные и продуктивные занятия, все после себя оставляют что-то нужное и полезное людям, и только я... чиновница и символ перемен, будь они неладны. У меня даже Комздравом заниматься времени не хватает, а на что оно уходит? Да ни на что. На бумажки и скуку на заседаниях.

Карина устало потерла щеки.

– Не хочу. Вот не хочу, и все тут. В конце концов, я врач. Я лечить должна, а не бумажки перекладывать. Да и как от врача от меня толку мало – с гравискальпелями и гравизорами любой хирург то же самое умеет, что и я, а квалификация у меня уже почти вся потеряна. Триш вот совсем плох, поседел весь. Ему шестьдесят четыре, у него серьезные проблемы с ногами из-за старых ран, и Тома не знает, как ему помочь, не выходя за рамки достоверного. Боюсь, он и года не протянет. Блин! Как же я ненавижу это слово – «достоверно»!

– Не переживай раньше времени, – посоветовала Ольга. – Орки – они живучие. Вон, Макс Миссуре уже семьдесят стукнуло, с тросточкой ковыляет, а его все еще молодежь с поста директора по развитию «Копей» выжить не может...

Какое-то время они ехали в молчании. За окнами замелькали окраины, и мини-кортеж вырвался на шоссе к аэропорту.

– И когда ты собираешься уходить? – наконец спросила Ольга.

– Не знаю. Еще не решила. Как только представится подходящий случай.

– Не боишься, что без тебя все развалится?

– Нет. Остальные пока что при деле. А мертвый герой в качестве значка на знамени куда как полезнее, чем живой.

– Мертвый? Кара, ты ведь не собираешься...

– Трагическая гибель – оптимальный способ уйти. Лишний центр влияния ликвидируется одним махом, потенциальный источник напряжения убирается, и вообще. Недаром у тарсачек старая королева умирала с приходом новой. Поставят мне памятник, насочиняют массу глупых историй для детишек младшего школьного возраста, и появится у Республики Сураграш своя легенда. Пусть их, мне не жалко. А я зато из фокуса внимания уйду. Ты не волнуйся, я не собираюсь на полном серьезе умирать, у меня в Катонии запасной аэродром есть. Отдышусь там несколько лет, разберусь с жизнью и вернусь в Сураграш врачом-добровольцем.

– Мы еще увидимся, Кара?

– Да, конечно, – кивнула Карина, еще сама не зная, лжет ли она или говорит правду. – Обязательно. Онка, я только тебя хотела попросить – ты поосторожнее, ладно? Теперь, когда господин Сторас Медведь и старый Верховный Князь мертвы, у тебя политической поддержки стало куда меньше. А когда я уйду, еще хуже получится. Тебя теперь подсаживать начнут, а ты в подобные игры так и не научилась играть. Наши тебе помогут, но в мое отсутствие... Аккуратнее, ладно?

– Я не одна, Кара. У меня есть друзья. Один Гром чего стоит! Родной брат Повелителя – та еще величина.

– Вот если бы ты с самим Сайратом дружила! А так... Гром в политике как младенец, даром что какой-то там в очереди наследник престола. Физик он хороший, а вот интриган – такой же, как я: способен очевидного не замечать, пока всей физиономией не влипнет. Онка, я себя последней сволочью чувствую, что тебя одну бросаю. Ты не обижайся, ладно?

– Нет, разумеется. Кара, я же сказала – у меня много друзей. Твоих друзей в том числе.

– Да, – горькая усмешка появилась на губах Карины. – Марик, Гром, Ветка, Цом, Берела, Павай, Трепа, Макса, Туруша, Тарамаш... Тридцать четыре человека, пять орков и три тролля, я как-то подсчитала. На всех уровнях друзья, от княжеской фамилии до спецслужб и крупных предпринимателей. Кое-кто даже готов умереть за меня, если потребуется. Ты, вероятно, не осознаешь, но ты, если использовать термины Старших, часть моей сети влияния. Можно ска-

зять, ее координатор в Княжествах. Я бессовестно пользуюсь вашей дружбой, но ничего не даю взамен. Ваше расположение ко мне просто опасно для вас всех. Я вас под удар ставлю даже независимо от своего желания. Я просто не готова вас поддерживать, не умею и не знаю, как. Это еще одна причина уйти как можно быстрее.

– Твоя способность находить повод для чувства вины меня всегда поражала, – иронически улыбнулась Ольга. – И из-за господина Каххараги страдаешь, и сегодня, когда смотрела на Марику, грызла себя изнутри за то, что он мучается, а ты ему помочь не можешь. Демиург ты или нет, а эмоции у тебя на физиономии написаны ясно, как в книге. Ох и дурочка же ты, Кисаки Сураграша! Люди к тебе тянутся вовсе не потому, что ты Демиург или диктатор целой страны. Ты никогда своих не предаешь, вот что главное. Меня иногда так и подмывает рассказать о твоей настоящей природе Марику. Он-то точно поймет. Авось бы да вправил тебе мозги. Дурацкий, доложу тебе, твой запрет...

– Онка, – помолчав откликнулась Карина, – я же тебе сразу сказала: я тебя никак не ограничиваю. Я прошу тебя никому не раскрывать мою нынешнюю природу. Прошу – не запрещаю. Я верю в твое благоразумие и твою ответственность. Ты – наш друг. Если ты полагаешь нужным передать кому-то какую-то информацию, выбор за тобой. Никаких санкций не последует. И сейчас я только могу тебя просить, очень убедительно, но лишь просить – не надо Марику знать о Демиургах. Я тогда ему вообще в глаза смотреть не смогу. Я же вижу, что он мечтает избавиться от паралича, но дурацкие понятия о чести не позволяют. Сейчас он подсознательно может себя оправдывать тем, что я предлагаю незнакомое и потенциально опасное лечение. А каково ему будет знать, что я чуть ли не всемогуща и что не могу ошибиться?

– Балда! – вздохнула Ольга. – Не расскажу, не переживай. Кара, мой тебе совет: перед тем, как решить окончательно, возьми отпуск на пару периодов и как следует отдохни от дел. Заодно оценишь, насколько без тебя справляются. А там уже и решай.

– Я подумаю, – кивнула Карина. – Но и ты в следующую сводку вставь указание на мой возможный уход в ближайшем будущем. И перестань ретушировать наши публичные трения, они специально на публику срежиссированы. Если останусь, хуже не станет, а если уйду, тебе лишние очки. Онка... я не знаю, у меня такое паршивое ощущение, что я вас всех предаю. Может, я не имею права уйти? Я должна остаться, да?

– Дура! – резко ответила Ольга, и Карина вздрогнула. Таким тоном подруга с ней еще никогда не говорила. – Кара, кончай бред нести. Мы не дети, чтобы пещься о нас постоянно. У нас свои головы, и свой путь в жизни мы выбираем без твоей помощи. Ты что, не понимаешь, что пытаешься заботиться о других, как курица-наседка, ты их оскорбляешь? Твоя манера подставлять плечо под каждую проблему, – уже мягче добавила она, – за столько лет так и не изменилась. Пора бы повзреть. Ты мне красиво рассказывала, что Демиурги с трепетом пекутся о свободе воли людей – вот и дай нам ее проявить. Мы давно не малые дети и вполне можем постоять за себя и без твоего участия. Не знаю, твоя мы сеть влияния или нет, но любой клан, который попытается с нами схватиться, сильно пожалеет.

Она извиняющаяся улыбнулась.

– Не бери в голову сторонние материи и не пытайся тащить на себе весь мир. Мне не хочется тебя терять, но если ты полагаешь, что пришло время, действуй.

– Спасибо, Онка, – Карина дотянулась до ее плеча и слегка сжала его. – Я все равно вас не брошу, ты не думай. Отдышусь, подумаю, как снова вписаться в мир, и вернусь так или иначе. А до того Мио проследит, чтобы у Верховного Князя не возникло на твой счет разных странных идей. Ладно, хватит о грустном. Давай-ка о чем-нибудь повеселее. Что там с организацией соревнований по фигурному пилотажу? Яни подобрала десятерых ребят с первой категорией, они уже тренируются. Как думаешь, к середине весны реально согласовать хотя бы время?

– Да я думаю, что не только время, – смену темы графиня восприняла с явным облегчением. – Но знаешь, что? Мы через десять минут в аэропорт прибудем. Раз уж мы встретились,

давай кое-какие рабочие дела обсудим? Ты свой официальный визит пятого числа отменять собираешься?

– Ни в коем случае.

– И все материалы у тебя, госпожа богиня, наверняка под рукой. Что насчет поработать немного?

– Ладно. Только сейчас там час пик, сложно укромное место найти.

– Там залы спецобслуживания есть, если ты не забыла. А если потребуется, я и главного директора аэропорта из его кабинета вытряхну, – азартно усмехнулась Ольга. – Заодно и терминалом попользуюсь. Насчет же пилотажа – у меня уже есть предварительное согласие от двух закрытых стадионов...

03.07.1433, огнедень. Цетрия, Академия Высокого Стиля

Разъяренное чудовище ревет, приближаясь со страшной скоростью. Его глаза сияют в ночи словно умирающие солнца. Маленькая девочка у него на дороге, в ее руках набухает шар бело-красного пламени, но он бессилен перед сплошной броней демона. У чудовища свои дела, ему не интересен ребенок, оно даже не замечает помеху – но еще немного, и огромная лапа втопчет девочку в дорожную грязь. Сиори бежит, отчаянно раздвигая руками плотный, как кисель, воздух, пытается дотянуться, достать, отшвырнуть – но уже знает, что не успеет. Она никогда не успевает. Но она должна успеть. Должна! А рев все громче, и гигантские стальные зубы чудовища скалятся в издевательской ухмылке, и его пылающие глаза слепят, слепят, слепят...

– Сира! – ее осторожно тронули за плечо, и ректор Академии Цветов дернулась в кресле и вскинулась, едва не выпав на пол. – Сира, время...

– Ох, Айя, перепугала ты меня, – пробормотала Сиори, протирая пальцами глаза.

– Всю ночь не спала, да? – осуждающе спросила проректор по хозяйственной части.

– Да нет, пару часиков прихватила, – Сиори широко зевнула. – Зато со всеми нужными членами совета успела переговорить. Не знаю, насколько успешно – сложно рассчитывать на хорошее отношение человека, которого посреди ночи из постели вытаскиваешь, но переговорила.

Она встала и вошла в крохотную уборную, в которую вела неприметная дверца по левую сторону ее стола. Пустив ледяную воду, принялась плескать ей в лицо.

– С кем именно? – Айсока встала в дверях.

– Серен Такай, отец Сумарто, Сэйсота Цукура, Теорочин Перилла, Пристин Кузарра, Тассар Пешт. С Хо Китой не вышло – он еще вчера из города уехал, но слуга, который подошел к шару, пообещал разыскать до утра и обеспечить явку на совет. И отец Ахо – его слуга наотрез отказался будить.

– Хорошо. Остальные шестеро все равно только поддакивают. Сира... – Айсока заколебалась.

– Да? – Сиори взяла махровое полотенце и начала яростно растирать им лицо.

– У тебя опять кошмары?

– Нет, – Сиори перестала вытираться, скрыв лицо в полотенце. – С чего ты взяла?

– Я тебя много лет знаю. И мне очень не нравится твое состояние в последнее время. Клия говорила, что ты у нее снотворное просила...

– Язык у Кли слишком длинный, – с досадой заявила Сиори, бросая полотенце на вешалку. – И о врачебной тайне понятие она имеет весьма отдаленное. Вот уволю – будет знать, как о начальстве сплетни распускать!

– Не в Клии дело, Сира. Ты загоняешь себя, я тебе уже много раз говорила. Научись расслабляться. Что тебе снилось? Опять чудовище и ребенок?

– Они... Слушай, Айя, кончай читать мне морали. Между прочим, на территории Академии это моя прерогатива. – Сиори открыла пудреницу. – Подожди минуту, приведу себя в порядок, и двинемся. Совет уже в сборе?

– Десять минут назад половина еще не подтянулась. Остальные с таким интересом обсуждают новости, что можешь еще хоть час не появляться, все равно не спохватятся.

– Приди вовремя, и все опоздают. Но опоздай хотя бы на пять минут, и окажется, что все ждут только тебя, – пробормотала ректор. Она вышла из уборной, перед большим зеркалом одернула блузу и форменную юбку, надела парадный китель с полковничьими крестами и еще раз критически осмотрела себя. – Ну, вроде не очень страшно выгляжу. Где мальчик?

– Вместе с тремя провинившимися сидит в приемной и читает книгу.

– Книгу?

– Я утром дала ему учебник истории. Ох, слышала бы ты комментарии, которые он выдает по поводу исторических деятелей, особенно про столпов Церкви! Уши вянут.

– Ну, в его возрасте свойственно ниспровергать авторитеты, – усмехнулась ректор. – Хоть в чем-то он нормальный мальчишка. Пойдем. Ох... Совсем забыла, – она взглянула на настенные ходики. – У меня же лекция через двадцать минут должна начаться. Надо отменить...

– Уже, – невозмутимо сообщила Айсока. – Я позаботилась. Первый курс пришел в восторг – пока Саомир не сообщил, что в освободившийся час объявляются кросс по парку и индивидуальная физподготовка. Впрочем, они все равно рады – летним утром бегать на свежем воздухе куда приятнее, чем сидеть в душной аудитории. Когда я уходила, командиры отделений уже начали распоряжаться.

– Дети... – снова улыбнулась Сиори. – Ну, я никогда не питала иллюзий насчет популярности истории среди молодежи. Пойдем.

Май Куданно в новенькой кадетской форме с пустыми петлицами вполоборота сидел у окна в небольшой приемной ректорского кабинета. Он поджал под себя ногу, облокотился на спинку диванчика, положил подбородок на локоть и задумчиво наблюдал, как по дорожке между кустов рысцой трусят группки кадетов, первокурсников и второкурсников вперемешку. Рядом с ним на диване валялась книга в невзрачной коричневой обложке. На противоположном диванчике сидели три давешние девочки, испуганно прижавшиеся друг к другу и явно чувствующие себя не в своей тарелке.

– Утро, Сиори, – он бросил на ректора мимолетный взгляд, слегка дернул плечом – видимо, так обозначив приветствие – и вернулся к созерцанию улицы. – Оригинальная у вас спортивная форма, я бы сказал. Глухие штаны и майки с длинными рукавами по летнему времени жуть как актуальны. В шубах их гонять не пробовали? Заодно и жир сгонять помогает.

– Обращаться к ректору Академии следует «госпожа Сиори», – ледяным тоном поправила его Айсока, расправляя плечи. – А еще лучше – госпожа полковник. Не забывайся, молодой господин.

Последние слова она с нажимом выделила голосом.

– А? – мальчишка приподнял бровь. – А, ну да. Прошу прощения, госпожа Сиори. Ну что, топаем на ваш попечительский совет? Посмотрим, как они обо мне собираются попечаться.

– На твоём месте, господин Май, я бы не вела себя столь дерзко и самоуверенно, – сухо сказала ректор. – Все-таки твоя судьба там решается. Некоторые члены попечительского совета одновременно являются представителями графств в Цетрии и имеют немалый политический вес. Постарайся вести себя скромно и вежливо. Разнузданное панибратство вряд ли кто-нибудь оценит.

– Я буду паинькой, – пообещал Май, вскакивая и расцветая широкой радостной улыбкой. – Обещаю, что ни одно животное в ходе эксперимента не пострадает. Девчата, подъем! Судьба стучится к нам в двери, как в барабан!

Девочки по краям только вздрогнули и крепче прижались к своей товарке, сидящей в середине – Мире Аттэй, вспомнила Сиори. Зато Мира только гордо фыркнула и гордо вздернула подбородок.

– А ты вообще помалкивай, фертрат, – язвительно сказала она, освобождаясь от подруг и тоже поднимаясь. – Тебя не спросили! Госпожа полковник, докладывает второй сержант Мира Аттэй...

– Вольно, – отмахнулась Сиори, поправляя под мышкой папку с подготовленными материалами и черновиком доклада. – Пойдемте. Предупреждаю, не вздумайте врать и выкручиваться. Вас обязательно поймут на лжи, и станет только хуже.

Цепочкой – впереди Сиори, за ней мальчишка с книжкой, потом девочки и, наконец, замыкающая процессию Айсока – они прошли по коридору учебного корпуса и спустились на первый этаж, к залу попечительского совета. Из дверей им навстречу выскользнули две служанки с пустыми стаканами и графинами на подносах. Не дав створкам захлопнуться за ними, Сиори, словно бросаясь в воду, вошла в зал и, сделав два шага остановилась под прицелом двенадцати пар глаз.

– Доброе утро, господа, – ровно поздоровалась она. – Прошу прощения за задержку. Вы четверо, садитесь туда, – обернувшись к кадетам и мальчику, она кивнула в сторону стоящего у стены ряда стульев.

– Доброе ли утро, госпожа Сиори? – язвительно осведомился отец Ахо. Представитель Святой Церкви от срединных графств выглядел страшно довольным. Словно кошка, которая поймала давно прятавшуюся от нее мышь. Он что, надеется сегодня свалить ее, используя инцидент как повод?

– Вполне доброе, отец Ахо, – все так же ровно сказала она, проходя к своему месту во главе подковообразно расставленных столов. Айсока в своих мягких туфлях неслышно скользила чуть позади. – Мне приходилось видать и похуже. Итак, господа, сегодня я собрала попечительский совет для обсуждения экстраординарного события, случившегося в Академии вчера вечером. С кем-то из вас я успела переговорить лично, но на всех времени не хватило – прошу великодушно меня простить. Ночь оказалась слишком коротка. Однако всем должны были доставить письменное изложение случившегося...

– Прошу прощения, госпожа ректор, но мы бы предпочли услышать историю еще раз, – вклинился вайс-граф Серен Такай.

Представитель графства Цветов и председатель совета, как всегда, выглядел строгим и подтянутым. Его безукоризненный сюртук был застегнут на все пуговицы, из-под него виднелся серый жилет поверх белой рубахи с отложным кружевным воротником. Пробор на голове выглядел безукоризненно-ровной линией, а под столом, загляни туда Сиори, наверняка бы обнаружили брюки с идеально отглаженными стрелочками (по остроте пригодными для нарезания хлеба) и столь же безупречно начищенные ботинки. Вайс-граф вообще всегда выглядел настоящим воплощением безукоризненности, и сейчас его невежливость выдавала нешуточное внутреннее бурление чувств.

– Я прошу прощения, что действую так формально, – извиняющемся добавил он, – но, думаю, все согласятся, что событие действительно из ряда вон выходящее. За всю историю Академии в ней не случалось ничего подобного. А поскольку пресветлый рыцарь канцлер, с которым я успел связаться, ожидает максимально детальный отчет, чем подробнее мы обсудим вопрос, тем лучше. Даже если придется повториться два, три или десять раз.

– Рыцарь вайс-граф на удивление сдержанно формулирует свои мысли, – проворчал барон Сэйсота Цукура. Представитель Мейсары, в противовес Серену, казался встрепаным и невыспавшимся. Поскольку с ним вчера Сиори общалась первым, наверняка он всю ночь говорил по своему звенящему в ушах радио. – Я бы сказал, что ничего подобного не случилось за всю историю Сайлавата.

– За всю историю Сайлавата после прихода наших предков через портал, – педантично поправил его отец Сумарто. Второй представитель Церкви казался вполне отдохнувшим, но довольством, как его срединный собрат, не лучился. Сиори попыталась определить его настроение – и не сумела. Бишоп с равным успехом мог оказаться и в хорошем, и в плохом настроении. Сумарто не отличался религиозным фанатизмом, как Ахо, и его вполне можно было убеждать. Но если он по какой-то причине начинал упираться...

– Господа, я предлагаю не вдаваться сейчас в религиозные дискуссии, – возвысила она голос, предупреждая ответную реплику Сэйсоты. – Позвольте мне изложить все так, как понимаю я, после чего мы выслушаем непосредственных участников инцидента. Кадет Мира Аттэй, выйди на середину.

Дождавшись, пока девочка встанет по стойке смирно в основании подковы, она начала говорить:

– Итак, господа, достоверно известно лишь одно: вчера вечером кадет Мира Аттэй и две ее подруги попытались самовольно провести ритуал Призыва парса, как она его понимала, через псевдопортал, возникший в парке на территории Академии...

Разумеется, в течение ближайшего получаса несчастную Миру затерроризировали вопросами почти до потери сознания. Ее снова и снова заставляли повторять все с самого начала, подробно описывать свои ощущения в момент самопроизвольной активации Атрибута и исследования портала руками, вспоминать мельчайшие подробности мыслей и чувств, которые мелькали у нее в голове... Если до того Сиори и подумывала о дополнительном наказании, то сейчас, глядя на ее полные слез глаза, отказалась от мысли. Несчастливая уроженка захолустной патриархальной Феерии наверняка уже сто раз прокляла тот момент, когда ей в голову пришла сумасбродная идея.

Особенно усердствовали в допросе представители Святой Церкви и Серен. Бишоп Ахо отпускал дурацкие комментарии и всем своим самодовольным видом и победоносным выражением лица словно давал понять окружающим, что уж он-то предупреждал о последствиях работы женщины ректором Академии. Впрочем, внимания на него по традиции обращали мало. Серен и отец Сумарто педантично и скрупулезно вытягивали из девочки такие детали, о которых она и сама-то наверняка успела забыть, а прочие представители графств сверлили ее взглядами, изредка переводя их на скромно сидящего рядом с двумя другими девочками Мая. Мальчик вел себя на удивление сдержанно, сидя чинно и тихо. Он рассеянно листал книгу, пробегая страницы взглядом и ни на одной не задерживаясь дольше пяти секунд. Стоячий воротник кителя он наглухо застегнул еще в коридоре, скрывая кубирин, и теперь ничем не отличался от прочих кадетов Академии.

Наконец полуобморочную, с подгибающимися коленками Миру отпустили на место. Допрос ее подруг завершился быстро и не дал ничего дополнительного. Они и в самом деле остались лишь свидетелями. И вот настал тот момент, которого Сиори боялась больше всего.

– Молодой господин... Май Куданно? – отец Сумарто сверился со своими записями. – Мы хотели бы поговорить с тобой. Пожалуйста, выйди на середину зала.

– Без проблем, – пожал тот плечами, откладывая книгу на подоконник и поднимаясь. – При условии, что вместе со стулом. Мою хозяйшку вы чуть до смерти не заговорили. Но она-то ладно, злостная нарушительница, хоть сейчас на плаху, а я в чем провинился?

– Хозяйшку? – Серен Такай взглянул на него острым взглядом из-под насупленных косматых бровей.

– Угу, – кивнул мальчишка, выволакивая на середину зала стул и опускаясь на него. Руки он заложил за голову, скрещенные ноги вытянул вперед и, казалось, ни капельки не смущался. Впрочем, почему «казалось»? – Она меня призвала. Теперь она мой мастер, а я ее фертрат.

– Кто? – переспросил отец Сумарто, нахмурившись.

– Фертрат, – охотно пояснил Май. – Подручный мага. Обычно фертраты имеют разные полезные свойства. Фея, например, умеет замки открывать и ловушки обезвреживать, летучая мышь – только ловушки обнаруживать, взламывать ей нечем, а у пса и дикого кабана плюсовая атака, у пса – колющая, у кабана – дробящая. Или вот хорек – классный разведчик с высоким спасброском от обнаружений. Очень полезная в хозяйстве зверюшка, особенно на начальных уровнях.

– Значит, у вас в мире маги пользуются услугами подручных фертратов? – осведомился отец Ахо. – И от кого же происходит их сила? От Всевышнего? Или от сил зла?

– Да нет, – досадливо пожал Май плечами. – У нас вообще нет магии. И магов – тоже. Я про игровые системы рассказываю. Ролевые игры и все такое. Знаете, когда кости двадцатигранные бросают?

– При чем здесь игры? – рыкнул священник, и Сиори с трудом подавила ухмылку, услышав в его басы растерянные нотки.

– Ну, я же в магический мир попал, верно? Шары ваши на потолке светящиеся, дальносвязь всякая типа «точка-точка», учебник вот ваш по истории... Значит, у вас есть маги, а у магов есть фертраты. Тогда я – ейный фертрат, – он ткнул пальцем в Миру. – А она моя хозяйюшка, пусть и мелкая и недоросшая.

– Маги в нашем мире вне закона, отрок! – отец Ахо воздел к потолку жирный палец с золотым перстнем. – Их сила – той же природы, что и чудовища, непрерывно атакующие границы Земли Обетованной. Только вои-священники и паладины Святой Церкви...

– Я думаю, религиозные доктрины мы можем оставить на потом! – резко оборвал его Хо Кита. Усы представителя Восхода сердито встопорщились.

– Поддерживаю, – кивнул Тассар Пешт, представитель Крайзера. – Ввести мальчика в курс дела мы еще успеем. Сейчас у нас другая задача. Господин Май, оставим досужие разговоры про фер... как их? Неважно, оставим их в стороне. Объясни, каким образом ты попал сюда.

– Гуляю я утречком в парке по аллее, – охотно сообщил Май, – никого не трогаю, дышу воздухом. До школы еще времени куча, торопиться некуда. Чувствую – пелефон тархтит в кармане...

– Что тархтит? – удивился Драка Моттомо.

– Пелефон. Такая штука, чтобы на расстоянии говорить. Вот как у вас переговорные шары, только маленькие, плоские и говорить с кем угодно можно. Я его достаю, принимаю вызов, и вдруг – бабах, взы-взы, кукареку, глаза в кучку, и я стою на какой-то непонятной поляне. Пелефона нет, аллеи нет, я в одних шортах, а передо мной – на ходу помирающая девица и пара ее подружек. Потом появляется еще одна златовласая девица, постарше и пофигуристее, и начинает их строить по стойке смирно, размахивая здоровой шипастой дубинкой. У меня башка окончательно идет кругом, я падаю в обморок, прихожу в себя в каком-то спортзале...

Мальчик на мгновение заколебался и бросил на Сиори нерешительный взгляд.

– Рассказывай все до конца, – устало сказала она. – Полностью. Включая, э-э-э, спарринг с госпожой Грампой.

– Прихожу в себя в спортзале, – невозмутимо продолжил Май, – те трое девиц стоят навытяжку, а четвертая, златовласка, которая их раньше строила, докладывает двум новым дамочкам... прошу прощения, госпоже Сиори и госпоже Айсоке о происходящем. Госпожа Сиори, услышав всю историю, решила для надежности спрятать меня в какой-то подвал или сейф, чтобы враги не добрались. Поскольку я лично хотел пойти прогуляться в город, у нас возник конфликт интересов, и госпожа Грампа решила меня поймать. Она немного погонялась за мной, а потом у меня вдруг вместо руки нарисовались какие-то щупальца, а вокруг шеи – ошейник типа того, что у остальных. После того госпожа Сиори меня испугалась оконча-

тельно, и в результате я – совершенно добровольно, заметьте! – провел ночь в комнате госпожи Айсоки, почитал книжки, помучил ее вопросами, напялил на себя вашу дурацкую форму и пришел сюда. Все.

– Господин Май, расстегни, пожалуйста, и опусти воротник, – приказала Сиори, с трудом преодолевая искушение закусить губу. О том, что в результате самопроизвольной инициации мальчик заполучил кубирин, она уведомила всех. О том, КАКОЙ кубирин у него появился, она умолчала. Правильно ли? Или, в конце концов, она ошиблась?

По губам мальчишки скользнула легкая непонятная улыбка. Он неторопливо встал и, явно рисуясь, медленно расстегнул пуговицу на воротнике. Затем – еще несколько верхних пуговиц. Потом одним резким движением он распахнул китель, приспустив его с плеч, и неподвижно замер.

Дружный вздох пронесся по комнате. Два овальных камня, черный справа и белый слева, в серебряном с золотом кубирине словно магнитом притянули все взгляды. Отец Ахо, Сэйсота Цукура и Пристин Кузарра вскочили на ноги. Остальные словно окаменели.

– Знамение Божье! – выдохнул отец Ахо. – Двойной кубирин Таэллы явился снова! Это знак, что еретики...

– Тихо! – рявкнул отец Сумарто, вскакивая. – Всем молчать!

Его коллега бросил на Сумарто недовольный взгляд, но тираду свою оборвал.

– Госпожа полковник, – голос отца Сумарто зловеще понизился. – Почему ты не сказала сразу, что за кубирин получил иномирец?

– Потому что не сочла нужным давать кому-то преимущество, – холодно сказала Сиори. – Прошу прощения у присутствующих, но мы столкнулись с проблемой, которая касается и каждого графства по отдельности, и Сайлавата в целом. Прошу всех сесть и успокоиться.

– Протестую! – воскликнул Зинзин Курой, тоже вскакивая на ноги. – Здесь какой-то трюк Церкви, направленный против северных графств! Равновесие нарушено...

– Рыцарь вайс-граф! – резко парировал отец Сумарто. – Я утверждаю, что Святая Церковь ни в моем лице, ни в лице отца Ахо ничего не знала о кубирине Таэллы до сего момента! Я присоединяюсь к госпоже ректору и прошу всех успокоиться и сесть. Сейчас же!

Члены попечительского совета запереглядывались и зароптали, но вставшие все-таки с неохотой опустили на свои места. Мальчишка-иномирец, который теперь уже откровенно ухмылялся, сбросил китель, оставшись в одной рубашке, повесил его на спинку стула и тоже сел.

– Прошу всех присутствующих помнить, что они взрослые люди, и вести себя подобающе, – Сиори еще немного понизила градус в своем голосе. – Да, мы имеем дело с двойным кубиринцем Таэллы. Но необычная ситуация – не повод для грызни и скандала. С равновесием и прочими политическими материями пусть разбирается Даоран, они вне нашей компетенции. Предлагаю также оставить в стороне вопросы веры и технологии. Нашей задачей является разбор ситуации и предоставление ему максимально полной информации.

– Боюсь, вопросы технологии оставить в стороне не получится, – нахмурился Серен Такай. – Госпожа Сиори, я должен задать несколько вопросов уже тебе. Первое. Каким образом произошла инициализация? Опиши подробно.

– В процессе... ловли молодой господин Май продемонстрировал недюжинную прыткость, уклоняясь от госпожи Грампы. В горячке она активировала свой Атрибут и попыталась нейтрализовать мальчика с его помощью...

– Нейтрализовать? – переспросил Серен. – Атрибутом лейтенанта Грампы, как мне помнится, является булава, с помощью которой в Приграничье она однажды в одиночку уничтожила огненного дракона, хотя и сильно пострадала по ходу дела. О чем она думала...

– Я ее довел, – сообщил со своего места иномирец, и представитель графства Цветов перевел на него недовольный взгляд. – У меня такой талант – доводить людей до истерики. А ваша Грампа сама еле-еле из детского возраста вышла. В общем, оставьте ее в покое, я виноват.

– Молодой господин Май, – жестко сказал Серен, – я допускаю, что в твоём родном мире иные правила вежливости, но у нас дети молчат, пока взрослые сами не зададут им вопрос...

– Как скажешь, – пожал плечами Май. – Однако, думаю, вам все интересно узнать, что я чувствовал в момент... как ее? Активации? А, инициации. Интересно?

– Продолжай, молодой господин, – быстро сказал Тассар Пешт, прежде чем Серен успел заткнуть рот молодому нахалу. – Мы слушаем. Итак, что же ты чувствовал?

– Словно горячая волна накатила, – мальчик снова пожал плечами. – Горло словно раскаленной удавкой сдавило, фильтры срабо... э-э, в глазах потемнело. А рука вдруг длинная-длинная стала и какая-то гибкая. Прихожу в себя – валяюсь на полу, на шее ошейник, из плеча вместо руки щупальца растут, в количестве пяти штук, и вашу Грампу над полом держат. Потом Сиори... госпожа Сиори пальцем в меня ткнула, и щупальца пропали. Вот, рука снова на месте, – он продемонстрировал вполне нормальную левую руку. – Щупальца воспринимались как очень длинные и гибкие пальцы.

– Самопроизвольная инициация... – задумчиво проговорил отец Сумарен. – Для нее требуется, чтобы человек находился не далее двух верст от Мировой Сферы. Территория Академии в этот радиус укладывается. Но всегда требуется первоначальная подготовка кандидата, пост, всенощное бдение, молитвы... или медитация, – добавил он, покосившись на Сэйсоту, – специальный ритуал...

– В истории известны случаи самопроизвольной инициации, – напомнила Сиори. – Особенно когда Защитники еще только-только начали появляться. Первые Защитники, включая саму Таэллу – сплошь подтверждения тому. Глаз Бога укрыт за пределами столицы именно для того, чтобы не подпускать к нему слишком близко людей, не допущенных к ритуалу посвящения. Молодой господин Май Куданно не проходил тестирования, однако он прошел живым через портал. Следует предположить, что в нем есть нечто особенное, что позволяет ему стать и Защитником в том числе. Настолько особенное, что и кубирин он получил необычный.

– Его кубирин поддается обычным методам контроля? – встревоженно поинтересовался барон Свайт Миссах. – Его можно принудительно деактивировать? И, что важнее, можно ли активировать его самопроизвольно, как вчера?

– Кубирин можно деактивировать. Что же касается активации, то... Господин Май, – Сиори наклонилась вперед, – со вчерашнего вечера ты пробовал... м-м... снова вызвать щупальца?

– Ага, – кивнул мальчишка после короткой паузы, бросив взгляд через плечо Сиори – туда, где неслышной мышкой сидела Айсока. Сиори подавила искушение оглянуться. – Ничего не вышло. А может, я неправильно что-то делал? Щас попробую...

Он вскинул руку.

– Нет! – крикнула Сиори, покрывшаяся холодным потом, и Май удивленно посмотрел на нее. Он что, не понимает, что если ему не требуется санкция, его и в самом деле немедленно упрячут в самый глубокий подвал Цетрии, а то и сразу прикончат? Ах, да. Действительно, откуда иномирцу разбираться в местной политике? – Не стоит, – добавила она тоном ниже. – Господин Май, ты еще не умеешь контролировать свой Атрибут и можешь кого-нибудь ранить. Здесь слишком тесно.

– Ну, как скажешь, – Май с индифферентным видом опустил руку. – Слушайте, господа и дамы, если у вас ко мне еще есть вопросы, спрашивайте. Если нет, я бы пошел воздухом подышать. Кондиционера у вас нет, окна не открываются, одежда ваша у нас за зимнюю бы сошла... – он подергал рубашку на груди, пропуская внутрь воздух.

– Я думаю, что нам действительно следует кое-что обсудить в закрытом кругу, – внезапно сказала Айсока, и на сей раз Сиори все-таки оглянулась. Проректор по хозяйственной части никогда не говорила на совете. Что у нее на уме сейчас? – Господин Май, девочки – подождите за дверью. Кадет Мира Аттэй, проследи, чтобы господин Май никуда не ушел.

– Секундочку! – вскинулся отец Сумарто. – Мы еще не закончили опрос...

– Идите! – приказала Айсока, полностью проигнорировав его реплику.

– Подслушивать можно? – деловито осведомился мальчишка, поднимаясь и забирая с подоконника книгу.

– Господин Май!.. – сквозь зубы процедила проректор.

– Шучу, шучу! – замахал тот руками. – Эй, девчата, нас выгоняют. Идемте.

Кадеты нерешительно встали. Мира посмотрела на Сиори, и та кивнула. Гуськом девочки подошли к двери, Хана с усилием распахнула тяжелую створку, и все трое вышли. Май Куданно направился за ними. Однако возле двери он остановился, и обернулся.

– Я надеюсь, никому и в голову не придет мысль отчислить госпожу Миру Аттэй из Академии, – произнес он совсем другим тоном, чем раньше: сухим, высокомерным, с резкими предупреждающими нотками. – Если вдруг так случится, я очень обижусь. Очень.

Он выскользнул в щель между створками, и дверь с мягким стуком захлопнулась.

– Однако мальчишка – нагле-ец! – протянул Серен. – Или родной мир у него такой, или просто воспитан плохо. Можно подумать, мы поддадимся на его угрозы.

– Когда сидишь на бочке с порохом, искры высекают не стоит даже в шутку, – откликнулась Айсока. – Я не слишком-то много с ним общалась, но, похоже, он по какой-то причине чувствует себя ответственным за происшествие. На санкции в отношении Миры он и в самом деле может обидеться. Как он поведет себя тогда – один Всевышний знает.

– Вопрос об отчислении кадета Миры Аттэй не стоял с самого начала, – тряхнула головой Сиори. – Мы все знаем, что негласно поощряем детей вступать в мелкие авантюры, чтобы вырабатывать самостоятельность. За историю Академии она далеко не первая, кто играл с псевдопорталом. Вреда не случилось ни разу, а что на сей раз ей повезло – или не повезло – не ее вина. Сейчас нам нужно решить два вопроса: готовы ли члены попечительского совета подписать консолидированный отчет для рассылки графам и что делать с мальчиком. Начнем, думаю, со второго. Есть предложения?

– Первое предложение, – немедленно заявил отец Ахо, – временно, до завершения расследования, отстранить ректора Академии от должности.

– Что? – поразились Сиори.

– Ты сама призналась, что руководство Академии негласно поощряет «авантюры», – с удовольствием заявил священник. – Вместо того, чтобы поддерживать дисциплину среди кадетов и укреплять их в вопросах веры, ты их совсем распустила. Я всегда говорил, что женщине не место на таком ответственном посту, и...

– Укреплять в вопросах веры предполагается также кадетов из северных графств? – язвительно осведомился Хо Кита. – Надо понимать, ты своей властью отменил соглашение о перемирии? Или кто-то уполномочил тебя говорить от лица всей Святой Церкви? – последние слова он выплюнул, словно грязное оскорбление.

– Явление кубирина Таэллы, известной Защитницы веры, доказывает...

– Отец Ахо, разумеется, выражает только свое мнение, – громко сказал бишоп Сумарто, и его коллега недовольно замолчал. – Как справедливо заметила госпожа Сиори, политические вопросы вне нашей компетенции. Вопрос о назначении ректора Академии – в том числе. Их решает Даоран, очередное заседание которого, безусловно, пройдет в самое ближайшее время. Что же до плана действий... В другой ситуации я бы сказал, что нам следует подробно допросить мальчика обо всех обстоятельствах. В первую очередь о его мире. Вне зависимости от того, кто какой веры придерживается, следует признать, что пришелец может оказаться опас-

ным. Даже не в силу своей личности, а в силу концепций и идей, которые общеприняты у них, но могут оказаться неприемлемыми у нас. Однако даже после краткого разговора я должен согласиться с госпожой Айсокой. Нежданно мы угодили на бочку с порохом, и кремь с кресалом в лице нашего юного гостя, как хорошо заметно, начинают искрить даже от короткого разговора.

– Что мешает дисквалифицировать его? – осведомился представитель Пиласты. Саори всегда недолюбливала Матта Топорога за тупость, и сейчас ее неприязнь получила очередную порцию растопки. – Простенький ритуал – и ни кубирин, и ни проблемы. А потом можно и концы в воду... вместе с мальчишкой.

– Любое действие такого рода нарушит перемирие, – нахмурился Сэйсота. – Это я вам обещаю как полномочный представитель Северной коалиции в Цетрии. Вопрос с убийством даже не обсуждается. С дисквалификацией – тоже. Мы просто обязаны если не сделать его союзником в борьбе с чудовищами, то хотя бы тщательно изучить кубирин Таэллы. Тебе что-то непонятно, рыцарь барон?

– Как услышал, что магии в том мире нет, так сразу решил, что он потенциальный союзник еретиков-механистов? – скривился Матт. – Не боишься, что дети падки на необычное, и Святая Церковь покажется ему более привлекательной?

– Один человек, тем более – ребенок, пусть даже с кубирин Таэллы, не сможет решить исход гражданской войны, на чьей бы стороне он ни сражался. Если он вообще захочет сражаться в чужом мире – непонятно за кого и непонятно зачем. – Сэйсота раздраженно хлопнул ладонью по столу.

– Меня волнует другое, – покачал головой председатель совета. Серен Такай выглядел необычно мрачным и задумчивым. – Сегодняшнее шаткое равновесие между Северной и Южной коалициями основано на примерно равных возможностях вновь иницируемых кубирин. Если вдруг окажется, что кубирин Таэллы может появляться и у других детей, появляется шанс, что одна из сторон получит заметное преимущество. И тогда гражданская война вспыхнет с новой силой. Я не могу такого допустить. В общем, доведу до всех свою позицию: до тех пор, пока мы тщательно не проанализируем инцидент со всех точек зрения, технологической прежде всего, я наложу вето на любое решение о новых инициациях Защитников. Пусть даже нам придется отменить набор следующего года или вообще закрыть Академию. Я еще не обсуждал с рыцарем канцлером свою точку зрения, но уверен, что он меня поддержит. А поскольку бои в Приграничье выводят Защитников из строя одного за другим, в наших общих интересах не допустить крайних вариантов.

– Логично, рыцарь вайс-граф, – кивнула Сиори. – Хотя ты опять углубился в политические дебри, я с тобой полностью согласна. Кроме того, я впервые видела такую сильную болевую реакцию на инициацию. Вполне возможно, что кубирин Таэллы при проявлении способен убить иницируемого. А после первой же смерти кандидата будущее Академии сразу же окажется под вопросом.

Она прокашлялась.

– Если предложение отца Ахо о приостановке моих полномочий на повестке дня не стоит... – она сделала паузу и обвела взглядом попечительский совет, давая возможность высказаться, – то я предлагаю вернуться к самым насущным вопросам. Что делать с мальчишкой?

– А что делать? – удивился Пристин Кузарра. – Вполне очевидно. Юноша, только что получивший кубирин и не прошедший обязательного курса тренировок, может находиться только в одном месте – в Академии. Во избежание лишних вопросов касательно его статуса зачислить его на первый курс на общих основаниях, да и дело с концом. Правда, середина учебного года, но... инициацию он уже успешно прошел, а успеваемость по учебной программе нам сейчас не важна. В подвал под замок его сажать я бы поостерегся – мало ли на какие сюр-

призы он еще способен, и озлоблять его без лишней нужды не следует. Пусть учится, а тем временем Даоран решит, что с ним делать.

– Финансирование? – озабоченно осведомилась Айсока.

– От имени графа Поравии пресветлого рыцаря Нанасары Дзимасия заявляю, что мы готовы оплачивать его обучение. Ставка, полагаю, стандартная – пятьсот кино в период.

– Нет, погоди, Пристин, – остановил вайс-барона Серен. – Насчет обучения в Академии, хотя бы временного, никто не возражает... – он сделал паузу, – но поскольку речь идет о вопросах общегосударственной важности, полагаю, что оплатить его должна королевская казна. Прецедентов до того не случалось, но и иномиряне у нас раньше тоже не появлялись. Я переговорю с рыцарем канцлером на сей счет. Полагаю, возражений ни у кого нет, но формальности нужно соблюсти. Итак! – председатель поднял ладонь. – Кто за предложение о зачислении молодого господина Мая Куданно в Академию? Прошу голосовать.

Наверняка он просто изображает, что читает. Нельзя же, в самом деле, прочитывать страницу за страницей за пять секунд!

Мира исподтишка косилась на непонятого мальчишку, сидевшего рядом. В коридоре возле зала попечительского совета стояло всего пять стульев. Хотя загадочный пришелец и сел с краю ряда, все равно его можно коснуться вытянутой рукой. Девочке было боязно и страшно любопытно одновременно. Ночь она проспала как убитая, хотя и боялась, укладываясь, что проворочается с боку на бок до рассвета. С утра же их ее вместе с Ханой и Бохакой сразу после завтрака вызвали к госпоже ректору, и от плохих предчувствий она могла размышлять только на одну тему: чем заняться после того, как ее с позором выгонят из Академии и лишат кубирину. Все мечты о дворянстве, разумеется, пойдут прахом. Возвращаться назад, в приют в Феерии? Ни за что. И потом, она уже достаточно взрослая, следующей весной ей исполнится шестнадцать. И тогда ее все равно выгонят и оттуда. Значит, нужно найти дешевое жилье – и работу. А она даже не знает, как их искать. Средств у нее почти нет, только тысяча сироганов, отложенных из карманных денег, и делать она ничего толком не умеет. Возможно, ей удастся наняться репетитором в какую-нибудь богатую семью. Говорят, иметь в услужении кадета Академии, пусть и отчисленного, даже престижно. Или же она может записаться в армию простым солдатом, не Защитницей. Ее вряд ли пустят сражаться с чудовищами, но почерк у нее хороший, и она сможет стать писарем где-нибудь в штабе в опасной местности... И тогда у нее все равно останется шанс совершить подвиг. Интересно, ее прямо сегодня выгонят? Хорошо бы да, а то еще четыре наряда подряд выполнять придется.

Она снова покосилась на пришельца. Тот по-прежнему листал книжку – как-то механически, бегло просматривая каждую страницу, но ни на одной не задерживаясь. Книжка, которую до появления госпожи Сиори он читал примерно в середине, уже почти закончилась. Нет, ну неужели он и в самом деле с такой скоростью читает? И запоминает? Она робко открыла рот и тут же закрыла. Заговорить с ним первой? Страшно.

Словно прочитав ее мысли, мальчишка перелистнул очередную страницу – она оказалась последней – хмыкнул, захлопнул книгу и повел плечами, потягиваясь.

– Забавная у вас история, – сказал он. – Какой-то салат из всего сразу. Суть я понял, в деталях разберемся потом. Ну что, девчата, давайте знакомиться по-настоящему. Вчера как-то все скомканно получилось. Меня зовут Май. Фамилия – Куданно, но у нас принято звать человека по имени. Ты, хозяйюшка, – он ткнул Миру пальцем в плечо, – Мира Аттэй, ага?

– Какая я тебе хозяйюшка? – буркнула Мира, отворачиваясь.

– Опять забыла? Ты же меня призвала. Теперь я твой фертрат, а ты моя хозяйка. Мы же, кажется, еще вчера договорились. Помнишь? Или еще раз поцеловать для освежения памяти?

– Ха! – Мира гордо вздернула нос, покраснев, однако, от неприличного воспоминания о его теплых сухих губах. – Мало я тебе врезала? Еще раз могу, если понравилось. Я, между прочим, лучше всех на нашем курсе дерусь.

– Домашних животных бить нельзя! – мальчишка назидательно поднял палец. – А фертратов – особенно. Они становятся нервными и плохо спят. Их надо воспитывать лаской, конфетами и добрым словом. У тебя конфеты есть?

– Вот еще! – буркнула Мира. – Были бы – сама бы съела.

– Жмотина, – констатировал Май. – Ты, – он ткнул пальцем в Бохаку, – как тебя... Ба... Бо...

– Бохака, – подсказала та. – Бохака Цициния. Я из Крайзера.

– Крайзер... – Май наморщил лоб. – Северное графство? Рассадник механистической ереси, бывшая вотчина прогрессивного графа Тэйна и все такое?

– Ага. Только сейчас нашего графа зовут пресветлый рыцарь Сима Ёко. Он племянник рыцаря Тэйна. А она, – Бохака показала на Хану, – Хана Север, из Систерии. Не перепутай – с севера я, а Хана Север – она.

– Ни за что не перепутаю. Слушайте, а у вас тут правда аристократы водятся? Настоящие графы, бароны и так далее?

– А то! – покровительственно откликнулась Бохака. – Я, между прочим, наследная вайс-графиня. А Хана – баронесса. А ты дворянин? Я ничего такого в виду не имею, – поспешно добавила она. – В Академии вообще запрещено титулы использовать и даже упоминать. Не говори, если не хочешь.

– Эй, хозяйшка! – Май снова ткнул Миру пальцем в плечо. – А ты кто? Графиня?

– А я просто мещанка! – зло сказала Мира. – И из приюта! Меня в три года подбросили. Доволен? Что ты вообще ко мне привязался?

– Кто к кому привязался, мы выяснили еще вчера, – весело хмыкнул Май. – И постановили, что не я к тебе, я ты ко мне. Мира, ты чего ерепенишься? Я тоже детдомовский. Меня, правда, не подбросили, а официально у родителей отобрали, когда мне пять лет исполнилось, но все равно.

– Ну и гордись до пенсии! – огрызнулась Мира.

– Детдомовский – у вас так приютских называют? – поинтересовалась Бохака. – А что ты вчера про опекуна говорил? И про сестру?

– Про какую сестру? – озадачился Май.

– Ты сказал, что у твоей сестры зеленая повязка, а для опекуна ты слишком шустрый, – педантично напомнила Бохака. – У вас в приютах опекуны вместо воспитателей?

– Э-э... ну, вообще-то меня в десять лет усыновили, – Май поскреб в затылке. – Так что у меня есть две сводные сестрички и опекун.

– А приемный отец? – подозрительно сощурилась Бохака.

– Вот опекун и есть приемный отец, – Май широко зевнул, явно не настроенный развивать тему. – Слушайте, девчата, тут в учебнике много чего про Защитников написано. В компании с паладинами Святой Церкви поддерживают мир и порядок в Сайлавате, борются с монстрами, все такое. Я только не пойму – от кого защищают? И что там с северными графствами? Оттуда ведь Церковь в шею погнали.

– Тихо! – зашипела на него Хана. – Ты чего орешь во все горло? Услышат – по шее получишь!

– Не понял, – нахмурился Май. – А что не так с Церковью?

– Все так с Церковью, – буркнула Мира. – С тобой не так. У вас что, совсем Церкви нет?

– У нас много чего есть. Только не в таком странном виде. На Западном континенте есть Церковь Единого с кучей самых разных завихрений, есть разные языческие боги, у нас всякие глупые секты появляются – кто-то Единому по-своему поклоняется, кто-то инопланетян ищет,

кто-то духам природы подношения организует. Но о всех говорить можно. У вас что, Церковь обсуждать вообще запрещено?

– Слушай, Май, – Бохака поправила очки. – Для начала просто держи язык за зубами. Иначе за пять минут наговоришь такого, что за всю жизнь не расхлебаешь. Чтобы ты понимал – на Севере считают, что людям должна служить наука, а на Юге – что Господь Всемогущий дал людям магию, чтобы те жили счастливо и не копались где не просят. На Севере исследуют суть вещей, а на Юге наука считается механистической ересью. А в Академии учатся кадеты и с Севера, и с Юга. Чтобы драки не начинались, здесь все споры о религии и науке запрещены. Желаящие помолиться могут сходить в соборы в Цетрии – это город рядом с Академией и столица графства Цветов.

– Вообще-то Цетрия – еще и столица Сайлавата, – добавила Хана. – Но принцессу все равно никто не слушает. Ее даже в графстве Цветов никто не слушает, всем канцлер управляет.

– Стоп! – Май поднял руку. – Еще раз, и помедленнее. В учебнике написано, что Сайлават – королевство, и им управляет король. Или королева. Откуда принцесса? Она что, малолетняя?

– Ха, она вообще старая! – пренебрежительно фыркнула Хана. – Ей уже двадцать семь. Ее отец двенадцать лет назад умер. Вскоре после того, как старый Даоран предательски взорвал граф Тэйн, который якобы для переговоров...

– И вовсе не так! – шепотом закричала Бохака. – Граф Тэйн прилетел для переговоров, а Даоран его предал! А бомба...

– Стоп! – мальчишка замахал руками. – Кончайте, пока и в самом деле не подрались. Понятно, что кому как выгодно, тот так и рассказывает. Про принцессу доскажите. Значит, ее отец умер? Тогда ее, кажется, Даоран должен был возвести на престол, когда ей пятнадцать исполнилось? Так в книжке написано.

– А они не возвели, – пожал плечами Хана. – Она в зале заседаний сидела, когда там все взорвалось. Ее вроде бы как сильно оглушило, и она с тех пор странная. Новый Даоран решил, что ее дееспособной пока считать нельзя, и назначил канцлера ее опекуном. С тех пор канцлер правит графством Цветов, а страной не правит вообще никто, потому что графам никто не указ, даже канцлер.

– Как все запущенно... – пробормотал Май. – То есть девицу банально затиснули в угол, чтобы под ногами не путалась. Государственный переворот втихую. Ну ладно, так что там насчет Защитников? Они кого и от кого защищают? И, кстати, что там Сиори упоминала про гражданскую войну? Кто, с кем и из-за чего? погоди, – остановил он раскрывшую рот Бохаку, явно вошедшую во вкус. – А что у нас Мира молчит, как партизан? Эй, хозяйшкa! – он потыкал Миру пальцем в плечо. – Между прочим, воспитывать фертрата – твоя прямая обязанность. А то попадет он под дурное чужое влияние, не перевоспитаешь потом. Расскажи про Защитников.

– Отстань, – угрюмо зыркнула на него Мира. – Что привязался? И без тебя тошно.

– Опять «привязался»? А что тебе тошно-то? Тухлую пироженку съела?

– Дурак! – Мира от возмущения даже повысила голос. – Сам ты тухлый! Ты что, совсем тупой? Меня сейчас, наверное, отчислят! Чего ты ко мне лезешь?

– Тебя не отчислят, – серьезно сказал Май. – Я их предупредил, чтобы не вздумали, а с меня сейчас пылинки сдувать станут. По ушам тебе точно навешают в воспитательных целях, но не отчислят. Ну-ка, посмотри мне в глаза!

Он ухватил ее руками за плечи и повернул к себе. Мира набычилась и угрюмо взглянула на него исподлобья.

– Не-а, не так! – качнул головой Май. – Так на препода смотрят, когда не знают, что по билету отвечать. Посмотри нормально. А?

Он широко и заразительно улыбнулся, и Мира почувствовала, что ее губы против воли раздвигаются в несмелой улыбке. Она тут же дернулась, вырываясь из хватки Мая, и отвернулась.

– Похоже, воспитательный процесс нужно делать двусторонним, – констатировал Май. – Придется и фертрату хозяйку учить.

– А что ты все время себя фертратом называешь, а ее хозяйкой? – ревниво поинтересовалась Хана. – Ты что, серьезно, что ли?

– Вполне. Она же меня вытащила.

– А хочешь, иди ко мне в фертраты? – Хана лукаво улыбнулась. – У меня конфета есть, я ее с деньдня припрятала. Мира, он ведь тебе не нужен?

Она пихнула подругу локтем в бок.

– Забирай, – буркнула та. – Хоть всего целиком.

– Э, нет! – Май воздел палец. – Так не пойдет. Мы, фертраты, как известно, однолюбы, хозяев не меняем. А то много бы нашлось желающих кусочком сахара чужих любимцев смаковать. Извини, Хана, но тут облом. Если хочешь, я и тебя поцелую в обмен на конфету, но только когда хозяйюшка не видит. А то еще ревновать начнет и опять по морде даст. И хорошо если не палкой. Так что у вас с Защитниками и с гражданской войной?

– Гражданская война у нас чуть не началась двенадцать лет назад, когда Святая Церковь во всеуслышанье объявила северных механистов еретиками и предала их анафеме, а Даоран ее поддержал, – немедленно затараторила Бохака. – Три северных графства – Крайзер, Мейсара и графство Восхода – объединились в коалицию и изгнали епископов со своих земель. Южные графства – Феерия, Титаман и Пиласта – сразу объявили Святой поход, к ним чуть погодя примкнули два срединных – графство Закатных Гор и Поравия. Систерия и графство Цветов пытались держать нейтралитет и предотвратить войну. Только у них плохо получалось, потому что император лежал при смерти, а принцесса Рита еще была несовершеннолетней. В двадцать первом году – в тысяча четыреста двадцать первом – Даоран в урезанном составе, без северных графов, но вместе с Конклавом собрался, чтобы выслушать предложения главы северной коалиции, графа Тейна. Ну, и... – она посмотрела на Хану. – В общем, на заседании что-то взорвалось, Даоран и Конклав погибли в полном составе, Тейн тоже погиб. Началась неразбериха, в трех графствах немедленно началась грызня за освободившиеся графские престолы между наследниками, а потом появились чудовища.

– Кто появился?! – поразился Май.

– Чудовища. Демоны. Огненные драконы. Железные крокодилы. Жуки-носороги. Белые попрыгунчики. Жгучие обезьяны. Уховертки-буравчики. Стальные хорьки. Кроты-переростки. Мухи-жигалки. Огненные шершни. Много всякой гадости, в общем. Внезапно во всех пограничных княжествах начали открываться псевдопорталы, а через них полезли большие и малые демоны. Они начали разорять посеы и разрушать деревни, даже несколько небольших городов уничтожили. Княжествам пришлось заключить перемирие. Теперь северяне снабжают всех огнестрельным оружием и патронами, южане – доспехами, заговоренными мечами и арбалетами, Святая Церковь тренирует паладинов и воев-священников, а Академия по соглашению экстер-рито-риальна, – Бохака с трудом выговорила сложное слово, – и учит Защитников всех графств. И все сражаются в Приграничье, уничтожая чудищ. И мы тоже отправимся бить чудищ, когда закончим Академию через полтора года, – с гордостью добавила Бохака. – Может, наши имена даже в Зал Славы в Мировой Сфере когда-нибудь поместят, рядом с Глазом Бога.

– Чудненько. А что, за пределами Пограничья псевдопорталы не появляются?

– Появляются. Но из них чудища очень редко лезут. В каждом графстве обычно дежурят три-четыре Защитника, отдыхающие от боев. Они и присматривают на всякий случай. А в центральных графствах через псевдопорталы только парсы проходят, и то если призывающему сильно повезет. А больше одной попытки никому не дают.

– Так... – Май почесал в затылке. – Если есть псевдопорталы, то есть и настоящие. А с ними что?

– А через них торгуют. Они большие, там сквозь туман даже иногда силуэты людей видно. Пройти нельзя, словно какая-то упругая завеса держит, и звуки не слышны, но предметы можно протаскать. На тележке с их стороны толкают вещи, а обратно на веревочке утаскивают плату – золотые слитки или серебро. Или наоборот.

– А не обманывают? – деловито поинтересовался Палек. – Что, если вещи взять, а плату не вернуть?

– Ты что? – махнула рукой Хана. – Тогда через этот портал больше никогда никто с той стороны торговать не станет. Так однажды целый город умер – там большой портал стоял, а при нем рынок. И кто-то вот так обманул потусторонников. Торговля прекратилась сразу, и все в городе разорились, а вскоре и портал сам по себе закрылся. С тех пор все порталы принадлежат графам, и при каждом стоит стража. Они тебе, скорее, руку отрубят, чем смухлевать позволят.

– Что же, тоже логично. – Май снова почесал в затылке. – А сколько человек в Академии учатся?

– По сорок на курсе. А всего три курса. Правда, не все до конца доучиваются, многих отчисляют. Кто-то по программе не успевает, у кого-то с Атрибутом не получается управляться, а за некоторых просто платить перестают. У нас, например, уже восьмерых отчислили, трех парней и пять девчонок.

– Итого человек тридцать выпускаются каждый год. Хм. А что, монстров все больше становится?

– Не знаю, – Хана пожала плечами. – А что?

– Если каждый год становится на три десятка Защитников больше, то либо чудищ тоже становится больше, либо Защитников меньше, – объяснил Май. – А... – он нахмурился. – А что, Защитники в боях погибают?

– Таков наш долг – жертвовать жизнью ради других! – важно ответила Бохака. – А имена погибших помещают в Зал Славы. Правда, не всегда погибают. Многие просто получают травмы, и их дисквалифицируют. Тогда их имена тоже в Зал помещают, только на другую стену. Вот госпожа Сиори, например, геройски сражалась, но однажды ее жук-носорог так приложил, что еле выходили. Откачать ее откачали, только она в настоящем бою больше драться не может. Сознание теряет от перенапряжения.

– Ага, и госпожа Грампа – тоже, – поддакнула Хана. – Ей тоже сильно досталось, но она считает, что в полном порядке. Она все время рапорты подает, чтобы ее в Приграничье перевели, а ей все время отказывают из-за инвалидности. И господин Саомир Подберезовик, он проректор по воспитательной части и историю с географией ведет. Он Щит первого класса, но как только сильный удар получает, так сразу в отключку. И госпожа Клия Юмака, она демонологию и медицину преподает, и еще директор медицинской части. Она тоже Щит первого класса, и тоже удары не выдерживает, потому что в Приграничье пострадала. Быть Защитником – почетно и опасно!

– Так... – пробормотал Май. – И Айсока в ту же степь, инвалид со знаком качества. Значит, всех преподавателей в вашей Академии покалечило в Приграничье? И все они рвутся на фронт, а их не пускают?

– Ага, – кивнула Бохака.

– М-да, – Май почесал в затылке. – Значит, и госпожа Грампа не в порядке. А я-то ее доставал... Надо извиниться еще раз, что ли.

– Тогда она тебя точно прибьет своей булавой. Она терпеть не может, когда о ее слабости напоминают.

– Ну, вчера же не прибила... – рассеянно пробормотал мальчишка, думая о чем-то своем.

– Дурак! – неожиданно даже для самой для себя фыркнула Мира. – Ты что, думаешь, что она всерьез с тобой дралась? Она тебя поймать хотела, а не покалечить.

– Ага, то-то палкой своей шипастой размахивала.

– Госпожа Грампа, – ехидно сообщила ему Мира, – своей булавой куриное яйцо с размаху чуть-чуть надкалывает. А когда бросает всерьез, та за полторы секунды пятьдесят саженей пролетает и точно в акаган попадает. Я и то заметила, что она тебя просто пугала, чтобы ты козликком скакать перестал, понял? А ты ее своими щупальцами с размаху...

– Вот как? – Май, прищурившись, посмотрел на нее. – Хм. Ладно, извиниться как следует все равно надо. Она, похоже, хорошая девчонка, незачем, чтобы зуб на меня держала. Кстати, о щупальцах. Они, если я правильно понял, мой Атрибут? Что вообще такое Атрибут? Для чего? Они какие бывают? У меня щупальца, у Грампы – палка с шипастым шаром, а у вас? Мира, у тебя что?

Ответить Мира не успела. Скрипнула дверь в зал, и в щель между створками выглянула ректор по хозяйственной части.

– Прошу всех зайти в зал, – сухо пригласила Айсока.

Мира сглотнула. Вот сейчас-то ей и сообщат, что исключают... или дисквалифицируют... или и то, и другое сразу... Она поднялась и на негнущихся ногах пошла к двери. На плечо ей легла рука, и она обернулась – чтобы нос к носу столкнуться с нахальным мальчишкой.

– Не мандражи, – тихо проговорил он. – Все в порядке... хозяйюшка. Не выгонят.

– Отстань! – Мира дернула плечом, сбрасывая его руку. На сердце, однако, почему-то стало чуточку легче.

Гуськом – Мира впереди, Май с перекинутым через плечо кителем за ней, Бохака с Ханой замыкают шествие – они вошли в зал и выстроились в шеренгу под суровыми взглядами членов попечительского совета. Госпожа Айсока отошла в сторону и села на один из стульев, на котором незадолго до того сидели незадачливые нарушители.

– Кадеты Мира Аттэй, Хана Север и Бохака Цициния! – сурово проскрежетал председатель. – Совет рассмотрел ваше дело и нашел вас троих безусловно виновными в нарушении границ запретной зоны, явно и недвусмысленно обозначенной лентой ограждения. Кроме того, кадет Мира Аттэй безусловно виновна в запретных играх с псевдопорталом, приведшим к тяжким последствиям, в частности – к переносу в Сайлават человека из другого мира. Вы осознаете, что натворили?

Мира обреченно кивнула, глядя в пол. Она чувствовала, что ее вытянутые по швам руки мелко дрожат. Сейчас ей сообщат, что «...и мы приняли решение об исключении», и на том ее обучение и завершится. И мечты стать дворянкой навсегда останутся мечтами. Нет, даже просто в армию с таким клеймом никто ее не возьмет. Кому нужен солдат, нарушающий дисциплину? Пожалуй, она все-таки сумеет найти себе место репетитором. Или учительницей танцев. Но как же все-таки обидно! Парса ей захотелось, идиотке...

– Однако, – тяжело уронил рыцарь Серен, – с учетом беспрецедентной со всех точек зрения ситуации, а также отсутствия злого умысла в ваших действиях мы решили не применять крайних мер наказания. Вас не исключат и даже не оштрафуют. Госпоже Хане и госпоже Бохаке объявляются выговоры с занесением в личные дела. Кадету Мире Аттэй объявляется строгий выговор с занесением, а также устанавливается испытательный срок в три периода. Дополнительные дисциплинарные меры оставляются на усмотрение руководства Академии. Вам все понятно?

Мира тупо подняла взгляд, ничего не соображая. Поначалу смысл слов Серена не дошел до нее, и она несколько секунд смотрела на него, пытаясь осознать сказанное. Потом внезапно, как после вспышки молнии, она поняла.

Ее не исключат. Ее оставят учиться.

В носу резко зашипало, и она почувствовала, как слезы неудержимо пробивают себе дорогу наружу сквозь стремительно влажнеющие глаза. Она шмыгнула раз, другой – и слезы хлынули у нее по щекам, оставляя мокрые дорожки. Она изо всех сил пыталась сдержать рыдания облегчения, но удавалось плохо. Ноги окончательно отказались держать ее, и она упала на колени, скрыв лицо в ладонях.

– Ну вот, довели ребенка до слез, – ворчливо проговорил над ней Май, и ласковая рука провела по ее волосам. – Большие и страшные, справились, да?

Усилием воли Мира заставила себя сдержать рыдания. Она вытерла рукавом лицо и, прерывисто дыша, шмыгнула носом – раз, другой. Госпожа Сиори молча встала со своего места, обошла стол, вытащила из кармана форменного жакета носовой платок и протянула ей. Мира высморкалась и, виновато потупившись, протянула его обратно. Затем встала – Май поддержал ее под локоть, и на сей раз она не стала его отталкивать – и снова вытянулась по стойке смирно.

– Приношу нижайшие извинения, – хрипло сказала она.

– Надеюсь, твои слезы являются признаком искреннего раскаяния, – смягчившимся тоном откликнулся председатель. – Постарайся, чтобы больше таких проблем с тобой не возникло. Теперь ты, господин Май.

– Мне тоже выговор? – озабоченно осведомился мальчишка.

– Господин Май! – предупреждающим тоном проговорила госпожа Айсока.

– Молчу-молчу! – тот взмахнул свободной от кителя рукой. – Только не бей, тетенька!

Ну что за клоун!

– Господин Май Куданно, – председатель, похоже, решил сделать вид, что не заметил очередной выходки иномирянина. – Мы должны принести тебе свои извинения. Мы не знаем, каким образом ты оказался здесь, но вина, безусловно, наша. До сих пор ни разу не случилось, чтобы портал пропускал через себя человека, и мы пока что не знаем способа отправить тебя назад. Поэтому тебе придется пожить у нас какое-то время.

Мира быстро взглянула влево. Противу ожидания Май стоял с совершенно спокойной и безмятежной физиономией и помалкивал. Снаружи, из коридора, донесся звонок на перемену, и почти сразу же раздались звонкие голоса и топот ног.

– Вероятно, наш мир покажется тебе странным и необычным, – продолжил Серен, не дождавшись реакции и, похоже, слегка сбитый с толку. – Однако со временем все разъяснится. Главное, что тебе следует знать: человек, прошедший инициацию и получивший кубирин, должен пройти и курс обучения в Академии Высокого Стиля, где ты сейчас находишься. Иначе он представляет собой угрозу для себя и окружающих. Попасть в Академию очень и очень непросто – каждый год из нескольких сотен кандидатов отбирают только сорок самых лучших. Но для тебя мы, разумеется, делаем исключение. С сегодняшнего дня ты являешься кадетом первого курса Академии и обучаешься за государственный счет.

– Пара уточняющих вопросов! – поднял палец Май. – Прости, господин, я не имел чести быть представленным...

– Я вайс-граф Серен Такуй, представитель графства Цветов и председатель попечительского совета Академии. Спрашивай, разумеется. Только учти, что к дворянам у нас принято обращаться «рыцарь», а к дворянкам – «дама».

– Рад знакомству, рыцарь Серен. Прошу благосклонности. Почему первый курс? Моя хозяйка, госпожа Мира Аттэй, кадет второго курса, судя по нашивке у нее на пиджаке – или как называется штука, которую она носит? Я бы предпочел находиться в одном классе с ней.

– Господин Май, – снова нахмурился Серен, – я был бы признателен тебе, если бы ты оставил свои истории про фер... как там его?

– Фертрата.

– Про фертрата и хозяйку. В нашем мире нет ничего подобного. А учиться на втором курсе куда сложнее, чем на первом. У нас здесь изучают и математику, и физику, и прочие сложные предметы, которые не преподают в обычных школах.

– В *ваших* обычных школах, – усмехнулся Май. – В наших их преподают начиная с первого класса. Насчет сложностей не волнуйтесь – справлюсь. Так что сойдемся на втором курсе.

– Но...

– И второй вопрос, рыцарь Серен. Что от меня потребуется после завершения обучения? В предположении, что я все еще останусь здесь? Как я понял, кадеты Академии обучаются военному делу. А у меня есть принцип – никого не убивать. И он не обсуждается – ни при каких обстоятельствах.

– Похвальный принцип, – кивнул председатель. – Но сегодня основной враг Защитников – неразумные животные, демоны, которые приходят через псевдопорталы из других миров. Если не уничтожать их, они сами станут убивать людей.

– С чудовищами разберемся по ходу дела. Я имею в виду – я не убиваю людей и вообще всех, кто обладает разумом хотя бы по первой категории. Если окажется, что ваши монстры разумны...

– Пока что никаких признаков разумности у них не замечено.

– Вот и здорово. Однако, рыцарь Серен, ваша страна находится на грани гражданской войны по религиозным мотивам. Если вдруг война начнется, чего вы от меня ожидаете? С учетом моего ошейника, разумеется?

– Каждый должен найти Господа в сердце своем и поступить так, как тот повелевает! – напыщенно заявил отец Ахо.

– Если человеческими словами, то я должен поступить по совести? – прищурился Май. – Я не против. Договорились. Но только сразу предупреждаю, что поступать я стану по своей совести, а не по чужой, и не факт, что мои поступки понравятся всем сразу. Рыцарь Серен, у меня больше нет вопросов, требующих внимания совета. Остальное я решу с госпожой Сиори в рабочем порядке.

– Э... да-да, – кивнул явно озадаченный председатель.

Мира хорошо его понимала – в ней самой по ходу дела все возрастало удивление. Что за нахальный мальчишка! Он не только не боится попечительского совета, но еще и ведет себя совершенно как взрослый! И слова взрослые, и тон безо всякого наигрыша и неуверенности, как у подростков, изображающих из себя старших. Да кто же он такой?

– В таком случае, – продолжил Серен, – нам нужно сделать еще кое-что. Каждый инициированный кадет должен пройти проверку и классификацию своих особых способностей. Мы хотели бы провести ее прямо сейчас. Как ты себя чувствуешь, молодой господин? Обычно после инициации люди чувствуют слабость в течение двух-трех дней. Но у тебя я характерных признаков не вижу.

– Я в норме. Где проверять – прямо здесь? – с готовностью осведомился Май.

– Нет, разумеется. Кадетам первого года обучения – и второго, кстати, тоже, – позволено призывать свой Атрибут только в спортзале, где в любой момент можно вызвать защитную завесу. Иначе слишком велик риск, что они покалечат себя или других. Сейчас мы пройдем в спортзал. Госпожа Сиори, я полагаю, нам нужно пригласить госпожу Клию и господина Саомира. Им придется отменить свои следующие занятия, но обстановка того требует.

– Не везет сегодня истории Саламира, – усмехнулась ректор Академии. – Сначала я лекцию отменила, теперь Саомир... Кадеты Мира, Хана и Бохака, вы свободны. Отправляйтесь в свою группу и приступайте к работе по обычному расписанию. Кадет Май...

– Она идет с нами, – мальчишка снова положил руку на плечо Миры, и та замерла, не зная, то ли возмущенно стряхнуть ее, то ли так и оставить. – Она моя хозяйка, так что без нее я никуда. Наша мистическая связь...

– Господин Май! – холодно бросила госпожа Айсока. – Веди себя прилично.

– Уж как умею, госпожа проректор по хозяйственной части, – весело сказал Май. – Кстати, взять с собой Миру и оставить в стороне эту парочку, – он мотнул головой в сторону Ханы с Бохакой, – несправедливо. И опасно – если они лопнут от любопытства, кто кишки с пола подбирать станет? Лично я пас. Ну что, мы идем? Или подождать вас в спортзале?

– Сил моих нет! – вздохнула Айсока. – Господин Май, во-первых, испытания могут оказаться опасными для посторонних. Во-вторых, кадетам придется наверстывать упущенное – переписывать конспекты, сидеть в библиотеке в свободное время и так далее. Ты хочешь для них лишних проблем?

– У нас сейчас демонология, – пискнула Хана, сжавшись в комочек от собственной храбрости. – Госпожа Клия ведет, а она отменит...

Несколько секунд Айсока молча смотрела на нее, потом перевела взгляд на Сиори.

– Пусть идут, – устало согласилась та. – Все равно там сейчас третий курс рукопашным боем занимается. Парой человек больше или меньше, неважно. Пойдемте, господа. Я сейчас вызову Клию и Саомира.

Она постучала пальцем по своему кубируну и немо зашевелила губами. Члены попечительского совета задвигались и начали подниматься, скрипя стульями по каменному полу. Бишоп Ахо, сидевший с краю и первым выбравшийся из-за стола, подошел к Маю.

– Всевышний послал тебе испытание, отрок, – хорошо поставленным густым басом заявил он. – Принять тебе его надобно и пройти с честью...

– Бога нет, – безмятежно перебил его Май. – Его уже пару веков как отменили. Вам разве не доложили?

– Что?! – священник побагровел. – Богохульство...

Он вскинул руки, и в его ладонях появилось угрожающее багровое свечение.

– Брат Ахо, простим молодому господину его неудачную шутку, – кротко сказал бишоп Сумарто, подходя сзади. – В его мире, возможно, все иначе, чем здесь. Молодые люди, пройдемте в спортивный зал.

Бишоп Ахо опустил руки и скривился. Он скользнул по Маю и Мире тяжелым ненавидящим взглядом, от которого девочка невольно сжалась, и пошел к двери, едва не снеся Мая плечом.

– Прошу, молодые люди, – Сумарто сделал вежливый жест в ту же сторону.

Холл учебного корпуса, высокий и гулкий, обычно пустовал. В нем лишь изредка проводились общие построения, когда погода не позволяла проводить собрания на улице. Но сегодня, вероятно, слухи о внеплановом заседании попечительского совета разнеслись по Академии, и в нем под высокими стрельчатыми окнами с цветными витражами, светящимися в лучах утреннего солнца, толпилось не менее полусотни мальчишек и девчонок с первых двух курсов – некоторые в кадетской, а некоторые в спортивной форме. При появлении Мая в сопровождении трех подруг по толпе прокатился дружный ропот. Кадеты вытягивали шеи, чтобы лучше разглядеть невероятный двойной кубирун загадочного новичка. Девочки тихо ахали и перешептывались, мальчишки хранили настороженное молчание. Май вслед за отцом Сумарто быстро шагал по холлу, будто бы не обращая ни на кого внимания, и Мира торопилась вслед за ним, втянув голову в плечи. Она ужасно не любила оказываться в центре общего внимания, и сейчас десятки взглядов жгли ее словно огненными лучами. Ну на кой она сдалась дураку-Маю? Зачем он потащил ее с собой?

– В честь чего собрание? – раздался сзади суровый голос госпожи Сиори. – Ну-ка все...

Ее слова заглушил звонок.

– Ну-ка все живо в классы! – закончила ректор, и Мира с облегчением выскочила на каменное крыльцо в теплый солнечный свет.

В сопровождении всех двенадцати членов попечительского совета, госпожи Сиори, госпожи Айсоки и догнавшей их госпожи Клии Май и девочки дошагали до расположившегося в полусотне саженной спортзала. Размашисто шагающий Май, обогнавший всех, обеими руками толкнул створки входной двери, прошел внутрь и, ни на мгновение не задержавшись посреди вестибюля с выходящими в него дверями раздевалок, уверенно прошел через распахнутые настежь двери в главный зал. Члены попечительского совета и воспитатели так же уверенно прошли за ним. Мира, по ходу дела постаравшаяся отстать в самый хвост группы, на мгновение заколебалась. Вбитая за полтора года привычка входить в зал только босой, без обуви, едва не взяла верх, и она чуть было не сбросила туфли у порога. Однако в последний момент передумала: стоять в одних чулках посреди группы обутых взрослых – глупо по меньшей мере. Она и так сегодня дневальная, отмоем все, что нанесет на подошвах.

Мира шагнула через порог как раз в тот момент, когда к группе рысцой подбежала Грампа в спортивном костюме. Несмотря на явно бессонную ночь дежурства она выглядела свежей и подтянутой.

– Гра, – Сиори махнула рукой, когда инструктор по технике боя попыталась доложить по форме, – прерви занятие. Нам требуется Арена – сейчас же.

– Выгнать всех из зала? – осведомилась воспитатель.

– Незачем. Мы быстро. Нужно проверить способности господина Мая. Просто уберу всех в безопасное место.

– Есть! – лейтенант кивнула и обернулась, громко засвистев в висящий на шее свисток. Необходимости в том не замечалось – весь третий курс, который, судя по всему, как раз нарезал разминочные круги по периметру зала, и так глазел на неожиданных гостей. – Народ, все в партер! Живо!

Партером Грампа, единственная из всех преподавателей, называла скамейки вдоль стен. Третьекурсники сорвались с места и шустро расселись, с напряженным интересом разглядывая неожиданную делегацию.

– Господин Май, – ректор Академии повернулась к мальчишке-иномирянину, – сейчас тебе потребуется пройти несколько тестов. Они совершенно безопасны и ничем тебе не угрожают. Мы выясним обычные пределы твоих возможностей и определим категорию твоего Атрибута. Тест, правда, несколько нестандартный, поскольку у тебя двойной кубирин. В нашей практике не случалось ничего подобного, поэтому мы проверим твои способности и Щита, и Меча.

– Главное, вивисекцию не устраивайте, – пробормотал мальчишка. Он бросил китель, который так и нес в руке, на пол, и принялся расстегивать рубашку.

– Что ты делаешь, господин Май? – удивленно осведомилась Сиори.

– Забочусь о сохранности казенного имущества, – громко фыркнул тот. – Если повторится вчерашняя история, то рукав порвется в клочья. Да и вообще...

Он бросил рубашку на пол поверх кителя, сбросил туфли и носки и выскользнул из штанов. Он остался в одних коротких трусах – тех же, в который появился вчера вечером. Впрочем, возможно, и не трусах. Как Мира ни старалась отвести взгляд, чувствуя потеплевшие от смущения щеки, она все-таки разглядела в них карманы и петли под пояс. Интересно, у них и в самом деле так по улице разгуливают? Фу, стыд какой... Она представила в таких трусах себя – и почувствовала, что покраснела еще сильнее.

Со скамеек донеслось девчачье хихиканье.

– Я готов, – деловито сообщил мальчишка, поводя плечами. – Что делать?

– Госпожа Клиа Юмака – наш главный эксперт по кубиринам. Она все объяснит. Кли, твой выход, – Сиори сделала приглашающий жест.

– Да-да, – кивнула директор медицинской службы, с явным любопытством разглядывая мальчишку. – Молодой господин, сначала несколько вопросов. Ты терял когда-нибудь сознание? Просто так, без повода?

– Нет. У меня всегда нормальное давление и пульс. Госпожа Клия, я кое-что понимаю в медицине. Ты лучше не задавай навоящих вопросов, а спроси прямо. Возможно, я уже знаю ответ.

– Ты самоуверен, молодой господин, – прищурилась капитан. – Хорошо, спрошу иначе. У тебя имеются заболевания сердечно-сосудистой системы? Нервные расстройства? Психические заболевания?

– Нет. Я стопроцентно здоров, госпожа Клия. Настолько здоров, что самому страшно становится, – рот мальчишки еле заметно дернулся в ироничной усмешке. – Я могу гарантировать, что по физическим и физиологическим показателям как минимум не уступаю любому из находящихся в зале.

– Вот как? Прости, но я все же должна проверить. Иди за мной.

Директор медицинской службы вышла на середину спортзала и щелкнула пальцами. Круг Арены бледно засветился, и столб голубого сияния ударил из него в потолок.

– Встань туда, молодой господин, – Клия указала пальцем в столб. – Не бойся, ты ничего не почувствуешь.

Май молча шагнул в сияние. Вокруг него тут же закружились рои зеленых, желтых и белых огоньков. По поверхности столба побежали ряды непонятных белых значков. Минуту Клия вглядывалась в них, потом удовлетворенно кивнула.

– Ну что же, со здоровьем у тебя действительно все в порядке. Ну что же, – директор медицинской службы подняла руку и коснулась поверхности прозрачного столба. По ней побежали новые рои белых значков. – Тогда займемся твоим атрибутом. Первый тест ... хм, начнем с Меча. Госпожа Сиори рассказала мне, что случилось вчера. Я активирую защитную стену вокруг Арены, после чего авторизую тебя на использование особых способностей.

Она сделала несколько шагов назад и оказалась за границей Арены.

– Хом-мита! – пробормотала она, выбрасывая вперед руку с ключ-перстнем.

Голубая колонна замерцала, и вокруг нее вспыхнула ярким светом белая окружность на деревянном полу. Раздалось легкое гудение. Саомир приблизился к Клие и встал по левую руку. Он переглянулся с ней, слегка кивнул, и за их плечами замерцали, сгущаясь, плащи-Атрибуты: оранжевый с черными пятнами у проректора по воспитательной работе и фиолетовый с багровыми прожилками у директора медслужбы.

Мира следила за происходящим, затаив дыхание. Она, разумеется, сама проходила такое же испытание. Однако она была слишком взволнована, когда стояла в шеренге первокурсников, ожидая своей очереди, так что в памяти ничего, кроме того волнения, не отложилось. Она почувствовала, что голубое гудение притягивает ее как магнитом. Она наклонилась вперед, всем телом потянувшись к нему. Ноги сами по себе сделали шаг, второй...

Что-то больно щелкнула ее по носу, и она ойкнула, придя в себя. Проректор по хозяйственной части мягко отстранила ее, заставив отступить.

– Не подходи слишком близко, – предупредила она. – Иначе завеса загипнотизирует тебя.

– Зачем? – растерянно спросила Мира.

– Чтобы освободить испытуемого от волнения и ненужных эмоций и полностью высвободить его потенциал. Не волнуйся за господина Мая. Все в порядке.

– И вовсе я за него не волнуюсь! – фыркнула Мира.

– Господин Май, ты меня слышишь? – громко осведомилась госпожа Клия. – Скажи «да», если слышишь.

– В ушах звенит, а так все нормально, – глухо откликнулся мальчишка. – Я что-то должен сделать?

Клия растерянно оглянулась.

– Он не теряет контроль над собой, – негромко сказал в пространство барон Пристин Кузарра. – Уникально...

– Продолжай, Клия, – махнула рукой Сиори.

– Господин Май, я авторизую тебя на использование способностей кубирина. Цан! – директор медицинской службы снова выбросила вперед руку.

Сначала по группе членов попечительского совета, а потом по сидящим на скамьях кадетам прокатился ропот. Мира растерянно оглянулась на Хану с Бохакой, с затаенным дыханием наблюдавших за происходящим. Почему ничего не произошло?

– Госпожа Сиори, – удивленно спросил председатель попечительского совета. – Ты уверена, что вчера вечером мальчик действительно проявил особые способности?

– Возможно, завеса не действует на него, а потому он не может раскрепоститься и позволить Атрибуту проявиться самостоятельно, – задумчиво ответила ректор. – Плохо. Он не сможет запомнить необходимое ощущение.

– Господин Май? – на сей раз отчетливо растерянно произнесла Клия. – Ты не чувствуешь ничего необычного?

– Нет. А что, должен? – переспросил тот.

– По команде твой Атрибут должен активизироваться. Ты чувствуешь себя в точности как всегда?

– Я чувствую себя...

Яркая алая вспышка магической завесы ударила с такой силой, что Мира зажмурилась и быстро закрыла глаза руками. Во тьме перед ней поплыли цветные круги. Когда она наконец осмелилась чуть-чуть приоткрыть один глаз, на Арене происходило что-то невероятное.

Густая мешанина светящихся изнутри желтым мельтешащих щупалец билась изнутри о защитную завесу. Там, где они входили в соприкосновение со стеной, мелькали яркие алые вспышки. Стена протестующе взвизгивала и заметно выгибалась наружу. За непрерывным мельтешением мальчишка-иномирнин оказался почти неразличим, но Мира все же заметила, что сегодня щупальца росли у него из обоих плеч, и их число, казалось, увеличилось многократно. Щупальца взлетали вверх, почти достигая потолка спортзала, и водопадом обрушивались обратно.

И так же внезапно, как началось, все успокоилось. Мальчишка стоял совершенно спокойно, и оба камня его кубирина переливались радугой цветов. Хотя щупальца никуда не пропали, они безжизненно обвисли, резко уменьшились в длине и теперь едва достигали коленей. Он с интересом изучал ошарашенную Клию.

– Вот, примерно так, – сказал он. – Или от меня что-то другое ожидалось?

Щупальца с левой стороны медленно поднялись вверх и вперед и раскрылись светящимся цветком, одновременно прекрасным и отвратительным. Пять штук, автоматически отметила про себя Мира, как и вчера. Всего, значит, десять.

– Первая категория, однозначно, – Сиори неторопливо подошла к завесе и с любопытством уставилась на мальчишку. – Господин Май, ты вполне можешь контролировать свои... м-м, придатки?

– Более-менее, – щупальца с правой стороны Мая тоже поднялись и раскрылись вторым цветком. Потом обе группы переплелись и раскрылись десятилучевым венчиком. Венчик задрожал и расплылся желтым полупрозрачным диском в полторы сажени в диаметре.

– Что скажешь, Кли? – поинтересовалась Сиори.

– Чтоб я сдо!.. кхм, удивительно. – По внешней поверхности завесы снова заструились непонятные значки, и Клия подошла к ней вплотную, почти уткнувшись носом. – Девяносто четыре. Я бы сказала, примерно на четверть сильнее любого Меча, который я видела. Господин

Май, диск, который ты сформировал, похож на одну из разновидностей Щитов. Сосредоточься. Я протестирую его на прочность. Готов?

– Всегда готов! – Май широко ухмыльнулся. Без рук, с торчащими из плеч огрызками щупалец, он выглядел жутковато.

Клия положила руку на завесу, и та, рассерженно зажужжав, ударила в диск небольшой синей молнией. Что-то громко взвизгнуло. Значки по завесе побежали с удвоенной скоростью. Щелкнула вторая молния, потом третья.

– Все, – Клия убрала руку. – Действительно, Щит поверхностной разновидности. Девяносто единиц. Возможно, выдержит и больше, но рисковать не станет. Поздравляю, Сира, у нас еще один новый рекорд. Предыдущий трехлетней давности был, кажется, семьдесят два. Двойной кубирин – и двойной Атрибут огромной силы. Обрати внимание, – она ткнула пальцем в группу значков слева от себя, – мальчик совершенно не истощен усилиями. Пределы его выносливости еще нужно устанавливать, но, думаю, сейчас не обязательно.

Она повернулась к попечительскому совету.

– У меня все, – слегка поклонилась она. – Если ни у кого нет вопросов, мы закончим.

– Вопросы только-только появляются, – отец Сумарто сжал губы в тонкую линию. – Но задавать их сейчас незачем. Давайте освободим Арену и вернемся в зал. Нужно согласовать окончательную версию доклада с учетом полученных данных и обсудить дополнительные детали. Госпожа Клия, мы закончили.

– Шох! – Клия махнула рукой в сторону мальчишки, и после некоторой паузы диск перед ним распался. Щупальца, замерцав, почти мгновенно слились друг с другом и превратились в обычные руки, сжатые в замок. Камни кубирин, вспыхнув в последний раз, безжизненно погасли. – Господин Май, я снимаю экран. Сглотни, или у тебя может заложить уши.

– Секундочку! – мальчишка вскинул руки, и уже повернувшись было члены попечительского совета замерли. – Еще один эксперимент, если не возражаете. Пусть меня авторизует она.

Мира, в которую уперся его палец, задыхнулась от неожиданности. Он что, совсем дурак? Как она может его авторизовать?

– Господин Май, – терпеливо проговорила Сиори, – на территории Академии Высокого Стиля способностью к авторизации кадетов обладают только и исключительно воспитатели. Даже высшие армейские и полицейские чины не могут здесь никого авторизовать.

– И все равно, давайте попробуем. Что вам, жалко?

– Господин Май, авторизация невозможна без ключ-перстня...

– Так дайте ей кто-нибудь на время, – Май пожал плечами. – Делов-то!

– Ключ-перстень делается под заказ, на конкретного человека. Никто другой не может...

– Двойного кубирин у вас раньше тоже не появлялось! – рассерженно сказал Май. – Госпожа Сиори, не упрячься. Просто давай попробуем. Отдай ей свой перстень на минуту. Не получится – возьмешь обратно. А вдруг?

Поколебавшись, Сиори в свой черед пожала плечами.

– Хорошо. Вреда от опыта не будет. Кадет Мира Атгэй, ко мне.

Мира ошеломленно смотрела на ректора. Она что, всерьез? Хана слегка толкнула ее в спину, и Мира на негнущихся ногах подошла к Сиори.

– Надень на указательный палец, – та сдернула со своего пальца ключ-перстень и протянула ей. – Попробуй выполнить авторизацию. Команда – «цан». Выполняется с резким распрямлением руки и пальца. Представь, что хочешь по носу щелкнуть авторизуемого.

Мира осторожно, обеими руками, приняла перстень в сложенные лодочкой ладони.

– Надевай, – нетерпеливо поторопила ее ректор. – Не бойся, он не кусается.

Мира медленно, словно и в самом деле боялась, что тот укусит, надела перстень на указательный палец правой руки. Тот, свободно скользнув на среднюю фалангу, вдруг сжался и плотно обхватил ее.

– Движение руки вперед, распрямление пальцев, команда «цан», – напомнила Сиори. – Выполнять!

Мира вздохнула. Ну, в конце концов, она не сама напрашивалась на то, чтобы выглядеть по-идиотски.

– Цан! – несмело сказала она, тыкая пальцем в Мая.

И тут же упала на колени, задохнувшись от боли от внезапно раскалившегося перстня, пронзившей руку до самого плеча.

Заклоченный внутри синей завесы мальчишка зарычал. Его руки нелепым движением, словно у марионетки, взлетели вверх и выпрямились горизонтально полу. И тут же два извивающихся пучка щупалец выстрелили в стороны, врезавшись в защитную завесу.

Тяжелый глухой удар сотряс все здание спортзала. Воздушной волной Миру бросило на спину. Голубой экран прогнулся и лопнул в двух местах и тут же разлетелся в стороны цветным паром, мгновенно растворившись в воздухе. Пучки щупалец, по толщине не уступающих древесным стволам, ударили в стороны и вверх, и на сей раз они не ограничились потолком.

Со страшной силой щупальца врезались в стены спортзала, чудом миновав головы сидящих на скамьях кадетов. Мальчишки и девчонки в спортивной форме брызнули в стороны, словно мальки на мелководье, и вслед им летели брызги серого крошева, в которое превращалась старинная каменная кладка стен, не выдержавшая натиска Атрибута. По всему периметру зала стекла в окнах под потолком лопнули и вылетели наружу прозрачным дождем. Май уже не рычал – он стоял, оскалив зубы, и два толстенных пука извивающихся огненных канатов, начинающихся от его плеч, продолжали кромсать и рвать стены, которые, наверное, могла пробить не каждая пушка. Даже сквозь туманящую разум пелену боли Мира почувствовала панический ужас. Что же такое она притащила через портал?

Плащ-Атрибут за спиной Саомира резко взметнулся вверх и мгновенно раздулся в пятисаженное облако, налившееся устрашающей грозовой чернотой. Миг, и облако обрушилось на мальчишку, окутывая его со всех сторон – только для того, чтобы разлететься в стороны таким же бесплотным паром, как и магическая завеса Арены. Проректор по воспитательной работе оскалился, схватился за голову и повалился на колени.

– Внимание! Недопустимые входные данные! – откуда-то сверху произнес бесплотный бесполой голос. – Модель отключена. Недопустимые входные данные. Модель...

Голос замолчал.

– Шох! Шох! Шох! Шох! – Сиори, Клия, Айсока и Грампа одновременно выбросили вперед руки, отменяя авторизацию.

В течение пяти ударов со страшной скоростью колотящегося сердца не происходило ничего. Потом пронзающая руку боль пропала, и Мира едва не задохнулась от невыносимого блаженства. Щупальца Мая вспыхнули напоследок и растаяли в воздухе, снова сменившись обычными руками. Он покачнулся и медленно повалился сначала на колени, потом на бок и неподвижно замер. Клия подбежала и склонилась над ним.

– Абсолютное оружие... – пробормотал Сэйсота, обводя взглядом почти наполовину разрушенные стены. Барон выглядел оглушенным и постаревшим.

– А уж во что обойдется ремонт зала! – хладнокровно добавил Пристин Кузарра. – Боюсь, бюджет нынешнего квартала придется серьезно перекраивать. Госпожа Клия, что с мальчиком?

– Без сознания, – откликнулась та, распрямляясь. – Кожа под кубиринном покраснела. Похоже на ожог. Но сердце бьется ровно, дыхание нормальное. Обычное истощение новичка, случается восемь раз на дюжину. Саомир, не пытайся встать, я сейчас...

– Я в порядке! – прохрипел проректор, тяжело поднимаясь с колен.

– Но тебя...

– Я же сказал – я в порядке! – рыкнул мужчина. – Займись мальчиком.

– Хорошо... – Клия с явным недоверием посмотрела на него, но настаивать не стала. – Я отнесу его в медпункт. Загляни, тем не менее, когда появится время – я должна тебя проверить.

Ее плащ-Атрибут заструился, распахнулся и окутал Мая фиолетовым мерцанием, приподняв его тело на полсажени над полом. Коротко кивнув потрясенно молчащему попечительскому совету, Клия направилась к выходу, и бессознательный мальчишка плыл рядом с ней.

Мира приподнялась и села. Она потянула проклятый перстень, и тот на удивление легко соскользнул с пальца. Только теперь она заметила, что все взгляды обращены на нее. Ректор подошла к ней и присела рядом на корточки.

– Ты кричала, – сказала она, забирая перстень и надевая его на палец. – Что-то случилось?

– Палец... – Мира опустила взгляд. Средняя фаланга ныла и болела, словно ошпаренная кипятком. Кожа покраснела.

– Похоже на ожог, – Сиори взяла ее руку в ладони, изучая. – Странно. Как такое могло произойти? Ожог от перстня и кубирина одновременно...

– Много раз говорилось, что Святая Церковь играет с силами, которые не понимает, – назидательно сказал Сэйсота. – Никто не знает, каким образом ключ-перстни связаны с кубиринами. Возможно, энергия, которую они через себя пропускают, контролируется ими только до определенного предела. Сверх того она выплескивается наружу, повреждая тех, кто ей пользуется. Вы видели, как сияли... те штуки? Да, от Атрибута часто исходит видимая эманация, но настолько интенсивную я вижу впервые.

– Незачем сейчас теоретизировать. – Сиори подхватила Миру под локоть и помогла подняться. – Я бы предложила совету вернуться в зал и исправить проект доклада в соответствии с произошедшим. Я доведу девочку до медпункта и присоединюсь к вам. Грампа!

– Да, госпожа полковник?

– Боюсь, твое занятие сорвано окончательно. В качестве тренировки Атрибутов займись вместе с кадетами очисткой зала от мусора. И подберите все стеклянные осколки, неважно, внутри или снаружи, иначе обязательно кто-нибудь напорется. Сложите всё в кучу, потом вызовем строителей, они уберут.

– Так точно, – кивнула Грампа.

– Пойдем, – Сиори тронула Миру за плечо. Девочка уныло поплелась за ректором. Вот уж влипла так влипла! Она шагала рядом с Сиори, уныло уставившись в землю. Сиори каменно молчала.

Уже на аллее, ведущей к небольшому зданию медпункта, Сиори вздохнула.

– Выпороть бы тебя, – печально сказала она. – Так, чтобы сидеть неделю не могла. Так ведь без толку уже.

– Прошу прощения, госпожа полковник, – с раскаянием в голосе откликнулась Мира, стараясь не отставать от ее размашистого шага. – Я очень сожалею о случившемся.

– Сожалеет она... – усмехнулась ректор. – Значит, так, кадет Мира Аттэй. С сегодняшнего дня все твои увольнения в город отменяются. Ты не имеешь права покидать территорию Академии без моего личного разрешения. Ясно?

– Так точно, господин ректор. Я поняла.

– Ничего ты не поняла. Ты уже взрослая девочка, поэтому я тебе скажу прямо. Запрет покидать территорию Академии – не наказание. Наоборот. Мира, с учетом произошедшего я всерьез опасаюсь за твою жизнь.

Мира почувствовала, как сердце проваливается куда-то глубоко-глубоко. Она замерла на месте и вскинула на ректора непонимающий взгляд.

– Я не знаю, сколько правды в рассказах нашего гостя о фертратах и магах, – Сиори тоже остановилась, – но многие могут в них поверить. Тем более что определенная связь между вами точно есть. То, что только что случилось, нарушает все известные нам законы работы кубирин и Атрибутов. Такого не могло произойти никогда – и все же произошло. Если твоя авто-

ризация действительно может дать Маю невероятную силу, найдется много желающих ликвидировать потенциальную угрозу в его лице. А поскольку он слишком ценен, чтобы его убивать вот так сразу, убьют тебя – чтобы он не смог реализовать весь свой потенциал. Так что прими мои слова близко к сердцу и не пытайся выбраться за территорию Академии. Безрассудство может плохо для тебя кончиться. Очень плохо. Теперь понимаешь?

– Да, госпожа полковник...

– Надеюсь на то. Собственно, я бы предпочла засунуть вас обоих в самый глубокий подвал, который только найдется в Академии, запереть дверь на огромный замок и потребовать у королевской гвардии вооруженную охрану. Боюсь только, наш гость обидится на подобное обращение. А с учетом его силы в подвале его не удержат. Так что веди себя осторожно – и внуши осторожность ему. Как ты, наверное, успела заметить, молодой господин Май излишней благоразумностью не отличается. Раз уж судьба связала вас вместе, постарайся повлиять на него в хорошую сторону. Ты девочка благоразумная и целеустремленная, у тебя должно получиться. Теперь иди в медпункт и расскажи госпоже Клие, что с тобой случилось. Возможно, у нее возникнут какие-нибудь идеи. Я возвращаюсь в учебное здание.

Сиори развернулась и зашагала по дорожке в обратную сторону. Мира тоскливо глядела ей вслед. В обожженном пальце пульсировала боль, но куда сильнее ее гнала мысль, неотступно крутящаяся в уме с того момента, когда она увидела невероятный Атрибут Мая.

Что же такое она притащила в ничего не подозревающий Сайлават?

«Яни, контакт. Палек в канале».

«Яни в канале. Привет, Лика. М-м?»

«Я прочитал императивную историю Академии-Си. Что за трёхнувшийся писатель ее изобрел?»

«Э-э... ну, я связалась с одним парнем – профессиональным сценаристом. Инкогнито, разумеется. Он для компьютерных игр сценарии пишет».

«У тебя что, температура повышенная была? Сценарии для компьютерных игр продумывают ровно настолько, насколько нужно для создания иллюзии глубокомысленности. Поверь мне как человеку, всерьез ролевками увлекавшемуся – ни один такой сценарий ни малейшей критики не выдерживает. Бред полный. Почему ты не заказала историю профессиональному писателю-фантасту?»

«А что, фантастические романы лучше, что ли? Забыл, как Дзи нас в детстве заставлял читать «научную фантастику», а потом ляпы объяснял? Я не могла привлечь личностей вроде Сюна Кувасия, а те, кого могла, не меньший бред состряпали бы».

«Даэтаря бы привлекла. Я с ним общался – очень умный парень, и литератор отличный. Жаль, почти не публикуется. Его давно будить и обучать пора».

«Лика, у нас в ближайшее время запланировано еще восемнадцать Молодых разбудить, а на каждого не меньше полугодика потратить нужно. Не сейчас. Насчет сценария – что сделала, то сделала. Поздно головой о стену биться».

«Яни, но с какого бодуна твой сценарист свалил в одну кучу магию и технологию? И ты куда смотрела? Ты же перманентный конфликт на религиозной почве обеспечила. Неудивительно, что у тебя социальное давление здесь зашкаливает!»

«Ты меня социологии учить надумал? Разумеется, зашкаливает. Все так и задумано изначально. Мне нужен мир, стимулирующий индивидов развиваться. Я специально параметры подбирала, чтобы коэффициент до небес задрать».

«Так. Тогда давай с начала. Яни, чем ты здесь занимаешься? Ракуэн изначально создавался как санаторий для нэмусинов. Рекреационная зона для снятия постмортального шока и накопившегося жизненного балласта, возможность начать все с начала, отбросить накопившийся гнет никчемного опыта... Я ничего не путаю? Я тысячу раз посещал разные области, и

всегда там даже карманная кража – событие века. Даже в общинах проснувшихся. А здесь я и суток не провел, как мне в рабочем порядке уже пообещали, что прикончат ужасной смертью. Судя по услышанным мной разговорчикам, страна на грани гражданской войны. А в твоей императивной истории – сплошные драки за объединение страны, массовые смертоубийства, героические подвиги и тому подобные вещи. Не хочешь дать пояснения?»

«Ли́ка, я уже сказала – мне нужно, чтобы ты взглянул на окружающее свежим взглядом и высказал свое мнение. Я не хочу, чтобы оно оказалось предвзятым».

«Яни, ты слишком многого от меня хочешь. У меня масса дел в реальности. У меня половины рабочих уже нет, стройка фактически встала. Я сегодня шесть – ШЕСТЬ! – часов кряду проторчал с представителями их кусоедского профсоюза, обсуждая вопросы выплаты долгов по жалованию. Там такие прохвосты собрались, что мне хотелось им прямо на месте шеи посворачивать. А я им улыбался, кланялся и приятные слова говорил. У меня половина трассы еще до конца не просчитана – Мио все время новые вводные по сейсмоактивности дает, я поправки вносить не успеваю. Хреновы инвесторы – и гуланы, и тарсачки, чтоб им ногу сломать на ровном месте! – хором требуют прогнозов, отчетов и сроков. Новых прорабов, из местных, я вынужден прямо на ходу обучать, когда старые сбегают. Да еще Цу за рукав непрерывно дергает – когда, ну когда же я ей закончу проект новой обсерватории! Другим проектировщикам она не доверяет, видите ли, вся история строительства в Катонии с меня началась!.. Я сегодня ночь поспать хотел, информационный перегруз уже накопился, а вместо того вынужденно читал твои произведения и выёживался перед кучкой нэмусинов. Яни, если ты всерьез надеешься, что в таких условиях получишь мое непредвзятое мнение, ты куда большая оптимистка, чем я полагал».

«Ли́ка, если я тебе начну плакаться о своих проблемах, тебе тоже мало не покажется. У меня система начального образования в зачаточном состоянии, я ее с трудом хоть как-то вертеться заставляю. Программы обучения не утверждены, детей, особенно девочек, родители в школы не пускают, не в последнюю очередь из-за категорического запрета на кубалы, денег на учителей не хватает, среди иностранных волонтеров каждый десятый – неадекват, каждого лично проверять приходится... Ты действительно полагаешь, что я ничем не занята?»

«Яни, успокойся. Я знаю, чем ты занята. И ты, и Кара, и Мати, и Дор, и все прочие. Мы сами подписались на то, что личной жизни у нас нет и не предвидится, а работать придется по двадцать два часа в сутки. Я всего лишь хочу сказать, что у меня нет ни сил, ни времени, ни желания формировать свое непредвзятое мнение по вопросу, который мне лично совершенно не понятен».

«...»

«Яни?»

«Хорошо. Боюсь, я на себя взвалила слишком много, и в одиночку мне попросту не справиться. Даже вместе с Бокува. Сцена рассыпается, Ли́ка. У меня не получается ее контролировать. Вернее, пока я держу ее на ручном контроле, все в порядке. Но как только отпускаю на самотек... Я просмотрела материалы Бокува. Все то же самое. Она вынуждена тормозить сцену и включать ручной контроль уже в третий раз за последние три с половиной года реального времени – двенадцать лет локального».

«Подробнее. Начни с того, откуда ты взяла сцену. Здесь физика явно не из Ракуэна. Там все более-менее приближено к реальности. Никакой магии, никакой таинственной Силы. А у тебя какая-то вакханалия. Можно прямо сейчас Игру начинать, хоть стратегию, хоть ролевуху».

«Сайлават и есть игровая сцена. Я взяла типовую заготовку из Архива. Еще из тех времен, когда Старшие играли в виртуальности».

«Обнадеживающее начало. Кто Игрок, какие правила?»

«Не язви. Нет никаких Игроков, разумеется. Ну, у Бокува фактически роль Стратега, но она не в счет».

«Ладно, предположим. Яни, ты упомянула, что нэмусины здесь особенные. Настолько особенные, что почти все поголовно пожелали во сне детишками стать? Насколько я помню статистику, девяносто восемь процентов нэмусинов выбирают возраст от семнадцати до двадцати пяти. Ниже семнадцати – считанные единицы. А здесь учатся пятнадцатилетние – и, похоже, они здесь пребывают не первый локальный год. В чем дело? У тебя отстойник для детолюбов?»

«Нет. Лика... я... В общем, я скажу, а ты можешь ругаться. Или смеяться. Только, очень тебя прошу, не говори пока другим. Эксперимент очень важен. Очень. Несмотря на всю нелепость. Обещаешь? Хотя бы пообещай выслушать меня до конца».

«Можешь считать, что напугала. Обещаю, что выслушаю».

«Хорошо. Лика, из ста трех кадетов в Академии-Си сорок два – ко-нэмусины. Мальчиков и девочек поровну. Остальные – искины поддержки. Ко-нэмусины – они...»

«Давай, не стесняйся».

«Они – дети».

«Я заметил. Хотя «подростки» более адекватно, но не суть. И в чем разница?»

«Я сбросила тебе краткое описание концепции. Там три абзаца. Прочитай, я подожду».

«Где?.. Ага, вижу. Сейчас...»

Пауза.

«Яни, ты что, с ума сошла?!»

«Я понимаю, что ты сейчас думаешь...»

«Ты совсем сдурела? Ты понимаешь, что ты творишь?»

«Понимаю. И как минимум – не хуже тебя».

«Сомневаюсь. Яни, я, конечно, не разбирался в вопросе так глубоко, как ты, но даже я помню, что незрелые психоматрицы нежизнеспособны. Они неполноценны и не способны к активному существованию. Ты решила, что в мире слишком мало имбецилов? Новых наплотить хочешь?»

«Лика, та пятнадцатилетняя девочка, которая якобы притащила тебя в Академию – она показалась тебе имбецилом?»

«Нет, но...»

«Она ко-нэмусин. И она не идиотка. Я еще не тестировала ее интеллект, но я бы сказала, что он соответствует видимому возрасту».

«...»

«Лика, пожалуйста, пойми – я пытаюсь сделать их них людей. Полноценных людей».

«Яни, ты играешь с человеческими жизнями. С жизнями детей, что еще хуже».

«Да. Играю. У меня нет другого выхода. Пойми, я не могу спокойно смотреть, как мы отбираем у них шанс выжить. Мы все прекрасно понимаем, что темный сон таких психоматриц – всего лишь эвфемизм для их вечной консервации. Что мы никогда не рискнем работать с ними».

«Но мы же уже договаривались, что оставим вопрос на потом, когда сумеем разобраться...»

«Чушь! Посмотри на себя, Лика. Много у тебя времени на то, чтобы разбираться с посторонними вопросами? Да и есть ли вообще желание? Ты живешь полноценной интересной жизнью, тебе не до них. И всем нам – тоже. Так несправедливо. Я так не могу».

«И потому ты засовываешь их на гражданскую войну?»

«Лика, я не волшебница. Я не умею творить чудеса. Я иду наперекор всем теориям Старших в надежде, что они ошибаются. Что такие вопросы попросту не исследовались на практике за ненужностью. Что их все-таки можно спасти. Пусть не на первой, пусть хотя бы на второй стадии, но можно. Я говорила с Харламом...»

«С кем?»

«С Харламом. Старшим. Физиком».

«А, тот нудный старикашка, с которым Цу последние несколько лет времени проводит больше, чем с Мати?»

«Он не нудный. Он дядечка старой закалки. Все-таки Первое поколение, четыре с половиной миллиона лет, да еще и слился сразу с пятью искинами. Он еще живую Землю помнит. Он очень одинок – ученых его калибра попросту не осталось, даже Дзи по сравнению с ним просто первоклашка. Тех, кто Игрой увлечен, Харлам попросту презирает. Мне он неодобрительно сообщил, что ты ему слишком уж Камилла характером напоминаешь. Камилла и еще нескольких «безответственных молодых людей», как он выразился...»

«Яни, ты бы ближе к делу. Насколько я помню, Харлам – физик, а не нейрофизиолог».

«Да, физик. Но из той группы, что в свое время разрабатывала фантомный носитель для психоматриц. Он с самим Ройко Джонсоном работал, тем, который фантомную технологию изобрел. Харлам объяснил, что носитель действительно чрезвычайно консервативен. В нем работают тормозящие процессы, чтобы избежать каких-то сложных технических проблем. Он мне попытался объяснить, каких, но у меня после первых трех фраз глаза в кучку собрались. Однако суть я ухватила. Незрелая психоматрица не может развиваться сама по себе. Но при наличии постоянной потребности в создании и освоении новых шаблонов мышления носитель просто вынужден быстро эволюционировать. Поэтому я создала для детей окружение, которое подстегивает их развитие...»

«Война с чудовищами, мощное оружие, героическая гибель, вечная память... Все, о чем мечтает любой подросток».

«Умничка. Ты меня всегда с полуслова понимал. Академия предназначена для базового формирования интеллекта. Война с монстрами Приграничья – эмоциональной сферы».

«А если они погибнут?»

«Разумеется, они не могут погибнуть. Все нэмусины в Академии-Си зацеплены на лонжу. Виртуальность втягивает их в ужасные опасности, из которых всегда можно выкрутиться, приложив должные усилия. Куклы – да, погибают, чтобы подстегнуть сильные эмоции и поддерживать достоверность, но только куклы».

«Яни, не лукавь. Мы оба с тобой знаем, что даже лонжа не гарантирует выживания при намеренном риске. ОСОБЕННО при намеренном риске. Что происходит с нэмусином, который погибает в бою с чудищем?»

«Такое практически невероятно».

«Не уваливай. Что?»

«...»

«Яни, ты все еще хочешь моего сотрудничества?»

«Нэмусины пробуждаются и отправляются в одну из общин проснувшихся. Или на дополнительную рекреацию, если есть необходимость».

«А ко-нэмусины?»

«Их гибель невероятна, еще ни одного случая не было и, надеюсь не будет. У них статус наблюдателей с минимальной реакцией внешней среды. Если они не вмешиваются активно, то им практически не грозит опасность. Если вмешаются – получают по полной программе, но на то у каждого по два искина-опекуна. Они отвечают за безопасность ребенка в типовых ситуациях. А для нетиповых есть небы и нэмусины».

«То есть две подруги Миры – искины поддержки?»

«Да».

«Тогда какого хрена они допустили ее игры с порталом?»

«Псевдопортал безопасен. А опекуны запрограммированы не только не подавлять инициативу, но и провоцировать ее. Один из методов развития личности».

«Там, где есть инициатива, есть и опасность. Опекуны могут и не успеть среагировать. Яни, тем не менее – что произойдет, если ко-нэмусин погибнет в Сайлавате?»

«Ли́ка, пойми – за всю историю Академии-Си не погиб ни один ко-нэмусин. Но даже если кто-то и погибнет – я просто переведу его психоматрицу в режим темного сна, и когда завершу методику воспитания, обязательно разбужу, чтобы закончить формирование личности».

«А если твой эксперимент провалится?»

«Зачем ты задаешь очевидные вопросы? Разумеется, мне придется отправить в темный сон всех ко-нэмусинов и надеяться, что мы когда-нибудь вернемся к теме».

«То есть фактически ты их прикончишь».

«Ли́ка, именно поэтому я прошу тебя о помощи. Я так и не поняла, как именно ты попал в Академию-Си, но это судьба. Очень тебя прошу – ты у нас технарь до мозга костей, так что посмотри на окружающее свежим глазом. У меня разваливается сцена, я так и не могу сделать ее стабильной. Я запустила ее с двукратной скоростью в шестидесятом году, по местному времени – в тысяча четыреста тринадцатом. Летом шестьдесят четвертого Бокува затормозила сцену в первый раз. Страна чуть было не скатилась в настоящую гражданскую войну. Пришлось срочно осуществлять коррекцию: резко стирать старый Даоран, формировать новый, заменив часть искинов нэмусинами, и вводить внешнюю угрозу – чудовищ Приграничья. В шестьдесят пятом, в тысяча четыреста двадцать восьмом году локального времени, полигон тормознулся снова. На сей раз коррекцию удалось осуществить мягко, и я даже решила, что все исправлено. И вот Бокува тормозит полигон в третий раз!»

«То есть ты хочешь, чтобы я объяснил, как именно стабилизировать твой мир?»

«Или хотя бы заявил, что это нереально. Тогда я доведу воспитание детей до конца в ручном режиме. Но промышленную эксплуатацию схемы придется откладывать до лучших времен».

«Яни, а почему я? Почему бы тебе с Дзи не поговорить? С Веороном? С Мио, в конце концов? Они опытные Конструкторы, они наверняка прекрасно знают методы стабилизации игровых моделей».

«Ли́ка, а почему бы тебе не попросить Дзи или Веорона сделать тебе проекты всех нужных трасс? Ты вот мучаешься, варианты перебираешь, а они бы раз – и выдали готовое решение. Уж Веорон-то – точно, он десятки, а то и сотни тысяч лет на техномирах специализируется».

«...туше. Ладно, не хочешь звать Старших, твое дело. Но учти, что я простой инженер. В людях я разбираюсь куда как хуже, чем в сопромате и теории механизмов. Ты уверена, что тебе нужна именно моя помощь?»

«Не наговаривай на себя, вполне нормально ты в людях разбираешься. И потом, мне нужен взгляд человека, который не привык думать по стандартным схемам – вроде тебя. И, по крайней мере, я уверена в твоей искренности».

«Ну, спасибочки за комплимент, сестричка ты моя дорогая и любимая! Считаю, что я размяк и замурыкал. Однако у меня встречное условие».

«И?»

«У меня времени нет по крупницам информацию собирать. Я уже много лет завязал с ролевыми играми, поскольку достали, и втягиваться заново не собираюсь. Мне нужен доступ супервизора к площадке».

«Невозможно»,

«Тогда я пас».

«Ли́ка, в принципе невозможно. Пойми, мир так устроен. Виртуальные игровые площадки не предусматривают доступ супервизора – специально для того, чтобы исключить жульничество. Возможно, где-то можно залезть в систему на нужном уровне, но я не знаю, где именно. Программирование виртуальности – не мое увлечение».

«А как же Бокува управляет миром?»

«Никак не управляет. Она наблюдатель с контрольными функциями, но без возможности глобального влияния. Ее возможности не больше, чем у Игрока-стратега. Фактически за пределами своей Цитадели, то есть Академии в нашем контексте, она мало что может. Тебе, как и мне, даны возможности дизайнера-тестировщика, но и они весьма невелики. В основном ты получаешь право на просмотр всевозможной статистики и ограниченного управления ближайшими куклами. И у тебя нет возможности выяснить, кто из окружающих тебя – ко-нэмусин».

«Почему?»

«Я же сказала – мне нужен свежий взгляд. Я не хочу предвзятости с твоей стороны».

«Ну, тогда ты в пролете. Если я могу управлять куклами, то у меня есть элементарный тест. Не могу управлять – значит, нэмусин».

«Ха! Не надо меня недооценивать. Я уже сказала, что из ста трех кадетов в Академии сорок два – ко-нэмусины. Но в остальном на всех мало-мальски ключевых ролях – либо взрослые нэмусины, либо искины поддержки с психоматрицей не ниже первого класса. Плюс среди воспитателей есть искины с психоматрицами третьего класса. Так что в пределах Академии не сработает твой тест».

«Ладно. Придется применять старый испытанный метод».

«Метод?»

«Ну, должны же у меня быть свои тайны? В конце концов, любой измерительный прибор всегда вносит свою погрешность измерения».

«Ох... Ли́ка, ты согласен немного пожить в Академии? Хотя бы по паре часов в сутки?»

«Яни, если бы меня попросил кто-то другой, я бы его послал так далеко и надолго, что он и за год бы вернуться не сумел. Но для тебя, так и быть, сделаю исключение. Большую часть времени мне придется бросать проекцию в автономе, но сколько смогу выделить времени, выделю. Однако нужно сдвинуть время так, чтобы местный день точно соответствовал ночи в сураграфском часовом поясе».

«Бокува сделает».

«Хорошо. И еще одно условие. Я хочу, чтобы здесь появилась Каси».

«Я же просила, чтобы ты никому...»

«Она поймет. Она столько времени в твоём обществе провела, что уже и думает похоже. Или ты похоже на нее думаешь, уж и не знаю».

«Хорошо. Согласна. На Каси – согласна. Обговори с Бокува, как ее вписать в сцену».

«И еще я оставляю за собой право приглашать и других актеров. Не Демиургов, ладно уж, но тем не менее. Я не смогу присутствовать слишком часто, мне прикрытие нужно. И вообще, Яни, учти – я действую так, как считаю нужным. Если захочешь, чтобы я ушел – уйду, но пока я в Академии, никакие ценные указания не воспринимаю, если не захочу».

«Ну, что с тобой поделаешь... Я еще не до конца просмотрела материалы Бокува. Я передала ей указание полностью с тобой сотрудничать, но имей в виду – она не менее независима, чем ты. И тоже чужие указания не слушает».

«А, я и забыл, что она дефектный искин».

«Сам ты дефектный! Она полноценный неб. Точно такой же, как и прочие искины Камилла, пусть даже с папочкиными модификациями. И не забывай, как формировалась ее личность. Она прекрасно знает, что такое неопределенность, страх, одиночество – в ее личной интерпретации, разумеется. И она долго была Художницей, а значит, понимает, как ощущают себя люди в стрессовой ситуации. Она очень серьезно восприняла мою просьбу и приняла проблему близко к сердцу, если так можно выразиться. Поскольку у нее отсутствуют императивы безусловного подчинения, она вполне может проявить своеволие».

«Бунт машин. Великолепно! Они выпьют у нас мозг и заменят его чипами. Яни, мне начинает здесь нравиться».

«И постарайся, чтобы после твоих исследований в Сайлавате осталось хотя бы одно целое здание, уж будь так любезен».

«Да я само воплощение миролюбия! Подумаешь, стены слегка покоцал! Отремонтируют».

«Стены? «Покоцал»?! Лика, что ты успел натворить?»

«А Бокува еще не наступала? Ох, блин. Проговорился. Да ничего страшного, небольшое представление. Неудобно, конечно, без объемного сканирования, но я же строитель, в конце концов. Ни одной несущей конструкции не задел, опасности обрушения крыши нет ни малейшей».

«Лика!!!» – горящий взгляд во тьме, оскаленные клыки, медленно капающая с лезвия ножа кровь.

«Ну все, все, заболтался я с тобой, сестричка. Я тут обморок изображаю, меня усиленно в чувство приводят. Пора бы и продемонстрировать, что я не совсем трупик и тушка бездыханная, а то еще кремируют с почестями. А потом мне пора бежать по делам в реале. Все, пока-пока. Отбой».

«Лика! Ну, я до тебя доберусь когда-нибудь! Бокува, контакт. Яна в канале...»

– Начнем, – Сиори обвела собравшихся тяжелым усталым взглядом. – Иса, ты неважно выглядишь. Что-то случилось?

– Я выгляжу не хуже, чем ты, – буркнула преподаватель точных наук, поправляя свои огненно-рыжие волосы. – Сплю что-то плохо в последнее время, вот и все.

– А тебе в ночь дежурить, – покачала головой Сиори. – Может, подменить? Мне все равно не до сна.

– Кли, ты бы выписала Сире снотворное, – Исука Тао повернулась к директору медслужбы. – И проследила, чтобы не выбрасывала тайком. Она ведь у нас помрет такими темпами.

– Ша! – Сиори хлопнула ладонью по столу. – Иса, мне не до шуток. Ты ведь у нас единственная, кто сегодня утром не видел, как мальчишка спортзал крушил?

– О, мне уже несколько версий рассказали, в том числе три кадета, две служанки и повар, когда я на кухню пробу снимать зашла, – воспитательница беспечно тряхнула своей гривой, всегда служившей для Сиори предметом тайной зависти. – Если их усреднить, он превратился в демона высотой в пять саженей и с тысячей щупалец, после чего живьем сожрал сто человек народу. И на спортзал я сходила посмотреть – на то, во что он превратился. Удивительно, как крыша не обрушилась.

– Он каким-то чудом не задел ни одной внутростенной опоры, – объяснил Саомир. – Я проверил – каменная кладка между ними вынесена в нескольких местах, но колонны стоят. Но стены стенами, а вот что защитная завеса Арены его удара не выдержала, меня пугает. До сего дня считалось, что она в состоянии справиться с любым Атрибутом.

– Ага, я пробовала, – согласилась Грампа. – Изо всей дури лупила. Я стену наверняка развалить смогла бы, она хлипкая, но завеса только чуть прогибалась. Чтобы в клочья ее разнести... Нет, не припомню такого, ни лично, ни из книг.

– До сего дня и кубирин Таэллы мы ни разу не видели, – вздохнула Сиори. – Кстати, я как-то забыла проверить – сейчас завеса работает? Или вышла из строя полностью?

– Все работает, и Арена, и экраны. Я для пробы их активировала. Включились как ни в чем не бывало.

– Хорошо. Прошу всех присутствующих учесть, что наш разговор не предназначается для посторонних ушей. Нас шестеро – и больше никому о деталях знать пока не нужно. Отчет для Даорана подготовлен, члены совета, наверное, уже пересылают его графам, и дополнения

я пока что делать не намерена. Клия, давай, твой черед. Ты с мальчиком сегодня почти весь день провела. Рассказывай, что выяснила.

– Мало что, – капитан начала задумчиво тереть мочку уха. Из ее всегда собранных на затылке в тугий пучок волос выбилась и свесилась вдоль шеи тонкая иссиня-черная прядка. – Во-первых, я проверила его физическое состояние. Он в полном порядке, хотя мне так и не удалось его толком разбудить. Обычно шок Атрибута у новичков длится не дольше часа, плюс общая усталость в течение суток или двух. Мальчик же попросту не просыпается. Один раз разлепил глаза, взглянул на меня мутным взглядом, что-то пробормотал и отключился снова.

– Ты уверена, что с ним все в порядке? – встревоженно переспросила Клия.

– Разумеется. Я пятнадцать лет медиком работаю. Сердце бьется ровно и сильно, дыхание свободное, без хрипов, мышечный тонус в норме, цвет кожи здоровый, и так далее. Под кубрином кожа покраснела, как ошпаренная, но в остальном проблем нет.

– Вот, кстати, еще проблема, – Сиори постучала деревянной ручкой пера по чернильнице. – Ожог от кубиринина – нечто неслыханное. И ключ-перстень на пальце Миры Агтэй – он не может и не должен работать у другого, но он сработал. И тоже обжег ей кожу. Кли, ты ее смотрела?

– Да. Ничего страшного. Я смазала заживляющим маслом и перевязала, наверное, уже и прошло. Я не понимаю этот феномен, но с ним следует разбираться вдумчиво и в безопасной обстановке.

– Хорошо, Миру пока что оставим в покое. Кли, ты упоминала, что обследовала его память.

– Да. Обычная процедура.

– Что-то удалось выяснить?

– Не больше того, что он уже рассказал ранее, – директор медслужбы взглянула на Айсоку. – Май Куданно, пятнадцать лет, сдан родителями в приют – в детский дом, как там называют такие учреждения – в возрасте пяти с половиной лет. В десять взят под опеку в бездетную семью вместе с двумя девочками из того же приюта. Мир... у них странный мир. Совсем не такой, как у нас. У них вообще нет магии, а Святая Церковь отсутствует. Только в одной стране мира есть что-то очень отдаленно похожее. Мир, кстати, огромен, по нашим представлениям. Весь Сайлават уместился бы в его крохотном уголке.

– Магии нет... а Защитников? – с интересом спросила Грампа. – А чудища есть? Как они обороняются?

– Нет магии, нет чудищ, нет Защитников, нет Церкви. Зато есть огромные армии и невероятное оружие. Я не знала, как толком сформулировать вопросы, а на грани бодрствования дети не очень-то проявляют инициативу. Но, кажется, их мир очень похож на Северные графства. Сплошная технология, только достигшая невиданных высот. Мальчик мечтает стать чем-то, что он называет «инженер-строитель». Хочет строить мосты, дороги, дома.

– Вольный каменщик? Интересная мечта, – Сиори задумчиво постучала пальцами по столешнице. – Обычно мальчишки в его возрасте стремятся стать героями – великими Защитниками или хотя бы полководцами, воями-священниками, морскими капитанами... С мечтой о строительстве я лично впервые сталкиваюсь. Однако здесь у нас серьезная проблема. Мальчик наверняка войдет в конфликт с Церковью. Он и неосознанно-то сегодня довел до белого каления отца Ахо...

– Нашего идиота в рясе до белого каления довести и младенец может, – скривился Саомир. – Но ты права. Я видел юношу всего-то несколько минут, но заметил, что почтением к старшим он не отличается. Если же он начнет злить священников намеренно, то все кончится очень плохо. Особенно с учетом того, что Мировая Сфера под боком, и пробраться туда для него сложности не составит.

– Да, – согласилась Айсока. – Очень плохо. Он просто не умеет думать, как мы. Для нас и магия, и технология – нечто если и не страшное, то окутанное мистической завесой тайны. Вещи, которым поклоняются, осознанно или неосознанно. Для него же магия – лишь яркая новая игрушка, лишенная налета сакральности, а технология – нечто настолько естественное, что он питает к ней уважения не больше, чем к окружающему воздуху. Он немедленно восстает против себя и южных ортодоксов, и северных прогрессистов. А с учетом его невероятных способностей... если одна сторона переманит его к себе, вторая немедленно попытается его ликвидировать. Если же он не захочет выбирать, то его ликвидируют совместными усилиями, просто для определенности. И его, и молодую госпожу Миру за компанию. Мы все прекрасно знаем, что против пули из темного переулка или отравленной стрелы наемного убийцы никакой Атрибут не поможет.

– Есть еще и королевская служба, – напомнила Грампа. – Он может формально поступить в дворцовую гвардию...

– Какая там гвардия! – досадливо поморщилась Сиори. – Канцлер не захочет ссориться ни с кем. Нет ему выгоды от одного бойца, пусть и равного по силе десятерым. Нужно попытаться объяснить ситуацию мальчику, но следует помнить, что в его возрасте стремление доказать свою крутость обязательно перевесит благоразумие. Ну ладно. Не станем надевать траур раньше времени. Даоран соберется не скоро, а до того времени резких движений не станет делать никто. И наша задача – помочь Маю адаптироваться к нашему миру. Саомир!

– Да? – поднял бровь проректор по воспитательной части.

– Определи его место в кадетской иерархии. Я думаю, что придется вразрез со всеми правилами дать ему сразу нашивки второго сержанта. Характер у него очень независимый, если не сказать – задиристый, и если им попытаются помыкать как новичком, дело кончится драками и необходимостью дисциплинарных мер. Третьекурсники же, надеюсь, к дисциплине уже приучены и не станут лезть на рожон.

– Хорошо. Я введу его в курс дела завтра... Кли, он в каком состоянии?

– Спит. У него очень крепкий сон, как я уже сказала, но надеюсь, что к утру проснется.

– В таком случае с утра я с ним поговорю. Определить его нужно на второй курс. Успеваемость по основным предметам нам сейчас не важна, а я знаю, как объяснить его появление широкой публике. Два года назад на втором курсе как раз один кадет выбыл по состоянию здоровья. Курс уже выпущен, в лицо того мальчика никто здесь не знает, так что мы просто объявим, что восстановили его после лечения.

– Не стоит, – покачала головой Сиори. – Он может не захотеть держать язык за зубами, да и все равно слухи пойдут рано или поздно. Он уже сегодня засветился так, что ложная легенда сразу окажется под сомнением. Незачем врать, когда точно попадешься. Скажем правду – за пределы Академии она если и уйдет, то лишь тем, кто и так осведомлен. Саомир, подбери ему взвод. На твое, конечно, усмотрение, но я полагаю, что можно в тот же, где Мира. Айя, оформи его как положено – поставь на довольствие, определи, в какую комнату подселить, и так далее.

– Есть предложение не подселять – по многим причинам. Пока следует максимально ограничить его круг общения, чтобы он не провоцировал окружающих, специально или неосознанно. Подростки в его возрасте не очень-то обращают внимание на субординацию, зато отличаются максимализмом. Придется постоянно разбираться с конфликтами. На третьем этаже дормитория есть небольшая комнатка, которая сейчас используется как подсобное помещение. Я освобожу ее завтра утром, поставлю туда необходимую мебель, и пусть пока поживет в ней один.

– Один... – Сиори покрутила в пальцах перо. – Хм. Не уверена, что решение правильное. Хорошо, пусть пока так. По ходу дела решение можно и пересмотреть. Ну что, коллеги, поздравляю нас всех с новой головной болью солидных размеров. Очень прошу отнестись к

мальчику максимально внимательно и аккуратно. Гра, тебя в особенности касается. В следующий раз дело может не ограничиться спущенной юбкой.

– Юбкой? – в глазах Исуки вспыхнул живой огонек любопытства. – А что с юбкой? А, Гра?

– Не твое дело!.. – лейтенант ошутимо начала заливаться краской.

– Не ее – общее! – сурово оборвала ее ректор. – Для тех, кто не в курсе: вчера вечером в спортзале мальчик продемонстрировал отменную прыть, уворачиваясь от Грампы. Она так и не смогла его поймать, зато он в процессе умудрился оборвать ей все пуговицы на юбке, в результате чего она осталась неглиже. Специально еще раз обращаю внимание – он не обычный подросток. Даже если забыть про его кубирин и загадочные отношения с Мирой Аттэй, у него гораздо лучше координация и ловкость, чем у подавляющего большинства его сверстников. Трижды подумайте, прежде чем применять к нему физическую силу, пусть даже для поддержания своего авторитета – результат может оказаться прямо противоположным.

– Назначать ему порку в качестве наказания ты тоже не рекомендуешь? – хмыкнул Саомир.

– А ты что, ее часто назначаешь? Вы все – педагоги со стажем, так что я рассчитываю на ваш опыт и благоразумие. Кли...

– Да, Сира?

Сиори заколебалась. Вопрос, который грыз ее с утра, такой простой и такой сложный одновременно, вдруг показался ей верхом идиотизма. Задать? Или все-же не стоит?

– Сира, тут все свои, – мягко сказала директор медслужбы. – Спрашивай.

Сиори вздохнула.

– Кли, ты спросила его, сколько ему лет?

– Да, разумеется. Пятнадцать.

– И ты уверена, что в тот момент он находился в трансе и отвечал честно?

– Разумеется, – Клия, казалось, даже слегка обиделась. – Я не в первый раз обследую память. И даже не в сотый. Характерная моторика мелких мышц лица, движения зрачков, скованность голосовых связок...

– Я верю, верю, – торопливо перебила Сиори. – Кли, я ни капли не сомневаюсь в твоих профессиональных навыках. Просто...

Она с резким деревянным щелчком, похожим на пистолетный выстрел, нервно припечатала ни в чем ни повинное перо к столешнице.

– Просто меня не оставляет ощущение, что он куда старше, чем кажется. Он ведет себя так, словно ему не пятнадцать, а по меньшей мере двадцать пять. Или тридцать пять. Он выглядит словно избалованный нахальный мальчишка, но... Не знаю даже, как и сказать. Глаза, что ли. У него холодный оценивающий взгляд, даже во время самых шальных выходов. Словно он не просто хамит и развлекается, а проверяет нас, наши реакции. Глупо, конечно... – Она прокашлялась, прочищая горло. – Может, он просто прикидывается подростком?

– Не думаю, – пожала плечам Клия. – У него полностью отсутствует вторичное оволосение. С медицинской точки зрения я бы дала ему существенно меньше пятнадцати – двенадцать как максимум.

– Сира, странно, конечно, но сейчас, когда ты упомянула, мне кажется... – Айсока потерла висок. – Вчера вечером он задал мне массу вопросов, и совсем не тех, что можно ожидать от подростка его возраста. Экономика, политика, финансовые принципы работы Академии, все такое.

– Если он взрослый, – глаза Саомира сузились, словно проректор по воспитательной работе целился в мишень, – то сразу возникает два вопроса. Первый – почему он выглядит как подросток, и второй – почему упорно изображает из себя мальчишку. Укажи он свой настоящий возраст, и к нему отнеслись бы с куда большим почтением...

– ...и свернули бы ему шею сразу же после демонстрации сверхсилы, – иронично усмехнулась Сиори. – Тот же Ахо наверняка наплевал бы на статус Академии и сжег бы его на месте. Просто на всякий случай. Одно дело, когда такие невероятные способности проявляются у подростка, которым есть надежда управлять, и совсем другое – у взрослого сформировавшегося человека с собственным мировоззрением. Тем более – настолько чуждым нашему. Нет, независимо от возраста он определенно умен.

– А человек ли он вообще? – глаза Саомира сузились еще сильнее. – До сих пор через порталы проходили только демоны. Я слышал, некоторые из них даже умели подражать человеческой речи, а какие-то походили на людей. Что не мешало им, впрочем, оказываться не менее смертоносными, чем остальные. Я никогда в жизни не слышал о таких странных Атрибутах. Ладно бы обычный огнехлыст, примеры известны, но ведь пучки гигантских щупалец, да еще и полностью замещающих конечности! Вот для псевдоспрута такие в самый раз.

– Ну-ну! – недовольно поморщилась Айсока. – Саомир, в любых фантазиях следует вовремя останавливаться. Он совершенно точно не чудовище, после ночи с ним в одной комнате я за то ручаюсь. Вообще всему может найтись разумное объяснение. Если вспомнить апокрифы Святой Церкви, утверждающие, что в свое время наши предки пришли в Сайлават через порталы, то почему бы через них не пройти еще кому-то? И насчет возраста не все так просто. Северная наука утверждает, что существует множество миров наподобие нашего, и что времена года там совсем иные. Если в его мире год в два раза длиннее нашего, то по нашим меркам он вполне взрослый. А он может даже не догадываться, что у нас все иначе.

– Так или иначе, пока что исходим из предположения, что он обычный подросток, – Сиори снова принялась крутить перо в руках. – Ведем себя осторожно и надеемся на его благоразумие. Хотя осторожность не означает, что ему следует давать необоснованные поблажки. Скидку на чужеродность и незнание следует делать, но и наглость поощрять тоже нельзя. Кстати, Саомир, ты к Кли заходил после утреннего шока? Кли, заходил?

– Сильные суровые мужчины полагают ниже своего достоинства обращаться к медикам, даже если им оторвало полголовы, – хмыкнула Клия. – Не заходил, разумеется.

– Саомир?

– Я же сразу тебе сказал, что я в порядке! – отрезал проректор.

– Меня не интересует, что ты мне сказал, – грозно нахмурила брови ректор. – Сразу после совещания пройдешь с ней в медпункт, и Кли тебя проверит.

– Но...

– С каких пор у тебя вошло в привычку оспаривать приказы начальства, да еще и старшего по званию? – цыкнула Сиори. – Попробуешь строить из себя крутого – оштрафую на недельное жалование. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – буркнул воспитатель.

– Вот и ладненько. Теперь давайте к другим неотложным материям. Иса, – словно стрелу, она нацелила перо на преподавателя математики, – я сегодня днем рылась в документах и обнаружила, что ты до сих пор не предоставила отчет о воспитательской работе на первом курсе за прошлый период. А сдавать его полагается не позже первого числа. В третий раз, между прочим, с тобой такое за последние полгода. Не бросай на потолок гордые взгляды, он все равно не оценит. И что скажешь в свое оправдание?

04.07.1433, вододень. Цетрия, Академия Высокого Стиля

– Ну и как он? – тихо осведомилась Сиори.

– Читает, – так же тихо сообщила Клия. – Удивительно устойчивая психика у мальчика. Другой бы от возбуждения на стенки лез или, наоборот, в ступор бы впал. А он проснулся час назад, быстро сжевал завтрак и потребовал газет. Я послала дежурную медсестру в библиотеку,

и та от усердия приволокла аж три подшивки «Цветочного города» – за текущий год и за два предыдущих. Я еще над ней посмеялась – а потом как-то стало не смешно. Он за тридцать минут, ну, максимум за полчаса первую подшивку просмотрел от корки до корки и за вторую принялся. С какой скоростью он читает – прямо ужас.

– Интересно, много ли запоминает? – Сиори одним глазом заглянула в приоткрытую дверь одноместного бокса. – Как его состояние?

– В норме. Абсолютно здоровый юноша, даже завидно. Только вот спит настолько крепко, что разбудить невозможно. Вчера вечером я заглянула, чтобы общеукрепляющего дать, но так и не смогла. Бормочет под нос, лягается, но не просыпается. И сегодня утром он сообщил, что иногда внезапно теряет сознание – с тем же эффектом. Утверждает, что у него так с раннего детства и без видимых последствий. На всякий случай я пока не позволила ему вылезать из постели, но не вижу причин и дальше держать его там. Ох, слышала бы ты его комментарий по поводу, как он выразился, «системы ночных горшков»!

– Вот как... – ректор задумчиво потерла подбородок. – Кли, я с ним хочу переговорить еще раз наедине. Подожди снаружи, ладно?

– Да я бежать собралась. У меня лекция через двадцать минут, а я даже тему не помню. Здесь я больше не нужна. Если что, до начала занятий я в учительской. Или через кубирин зови.

– Договорились, – Сиори кивнула директору медслужбы и постучала в дверь палаты. – Господин Май, здесь ректор.

Она потянула на себя дверь и вошла в палату.

– Утро, Сиори, – сидящий в постели юноша бросил на нее короткий взгляд и снова вернулся к прошитой кипе газет, лежащей у него на коленях. Его глаза быстро шарили по странице, и не прошло и нескольких секунд, как он перелистнул ее, открывая новый разворот. – Клиня мне сообщила, что вчера утром никто не пострадал. Приношу свои извинения за инцидент.

– Извинений не требуется. Никто не ожидал, что так случится. Главное, что ты сам цел. Как шея, болит?

– Клиня смазала ее какой-то вонючей склизкой гадостью, и все прошло. – Май отложил подшивку и сладко потянулся. – Сиори, помимо этого, – он постучал пальцем по газетам, – есть у вас что-то посерьезнее? А то одни объявления о сдаче квартир и похоронах. Заметок о жизни почти нет.

– Как у кадета Академии, господин Май, у тебя есть полный доступ в библиотеку. Можешь зайти после занятий и подобрать чтение по своему вкусу.

Сиори пододвинула стул к кровати и села.

– Итак, господин Май, у тебя начинается новая жизнь. Я не знаю, к чему ты привык, но, возможно, поначалу тебе покажется тяжело. Распорядок дня простой. Подъем в шесть утра, завтрак в полседьмого. В первой половине дня – классные занятия под руководством воспитателей. Обед – в половине первого. Затем самостоятельная подготовка и физические занятия: физкультура, верховая езда, фехтование и так далее. Ужин в половине шестого, до отбоя в полдевятого – домашние задания и личное время, включая увольнительные в город. Однако у нас – военное заведение, и дисциплина тоже военная. На всю Академию пять воспитателей. Меня, госпожу Грампу, господина Саомира и госпожу Клию ты уже знаешь. С госпожой Исукой Тао ты познакомишься в самом скором времени. На всех нас не хватает. Так что кадеты подчиняются командирам отделений – по четыре отделения на каждом курсе, всего двенадцать, плюс старосты курсов...

– Спасибо, Сиори, устав я уже выучил, – невежливо перебил мальчишка. – Меня интересует несколько мелочей. Во-первых, в каком размере и когда мне выдадут карманные деньги? Во-вторых, могу ли я получить увольнительную в город уже сегодня?

– Карманные деньги ты получишь, как и все остальные кадеты, перед выходом, – сухо сказала Сиори. – Обращаю внимание, что все, что не потрачено, по возвращении ты обязан сдать госпоже Айсоке. Держать у себя деньги на территории Академии строго запрещено. Что же до увольнительных, то они выдаются по графику, который составляется командиром отделения и подтверждается мной или господином Саомиром. Господин Май, особо обращаю твое внимание на дисциплину. Ты обязан подчиняться приказам не только воспитателей, старост и командиров отделений, но и всех старших по званию независимо от их курса и отделения. С сегодняшнего дня ты второй сержант. Слово любого первого сержанта для тебя – закон. Но если станешь хорошо учиться и заниматься, то сам быстро станешь первым сержантом, возможно, еще до третьего курса.

– Слушай, Сиори, – Май глянул на нее из-под ресниц. – Давай сразу определимся с нашими отношениями. Я сюда не напрашивался и своих способностей не искал, но так вышло, что сейчас я – самое ценное, что есть в Академии Высокого Стиля. Куча высокопоставленных политиков из всех десяти графств в самом скором времени начнут грызть друг другу глотки в попытках завоевать мое расположение. Ты – не владелец Академии, а всего лишь назначаемое должностное лицо, зависящее от Даорана – ваш совет графов, да? Мы оба понимаем, что у тебя нет никаких реальных способов воздействовать на меня, и если я вдруг начну намеренно пакостить и нарушать дисциплину, остановить меня ты не сможешь. Предлагаю уговор: я стараюсь как можно бережнее относиться к существующим у вас порядкам и особенно не лезть на рожон, публично, во всяком случае. В обмен ты – и прочие преподы – станете делать вид, что не замечаете некоторые мои выходки.

– Ты ставишь мне условия, молодой господин? – ненатурально удивилась Сиори, чувствуя, как под ложечкой собирается неприятный холодок. Как четко он все разложил по полочкам! Почти один в один мысли, которые уже приходили в голову и ей.

– Нет. Я информирую о наилучшем способе ужитья. Я вполне сочувствую тебе в части поддержания должной дисциплины, но сам в ее рамки вписаться вряд ли сумею по самым разным причинам. Кстати, я не возражаю против... как их? дежурств по кухне... нарядов, да, но пороть меня даже и не пробуйте. И я не могу ночью дежурить по дормиторию в силу чисто технических причин. Ночью я должен спать, иначе просто теряю сознание. Я так устроен. Да, и еще я иногда теряю сознание среди бела дня. Ничего страшного – меня нужно просто пристроить в угол, накрыть простышкой и не беспокоить, пока сам не очнусь.

– Теряешь сознание... – нахмурилась Сиори. – Да, Кляя упоминала. Ты точно уверен, что твоему здоровью и жизни это не угрожает?

– Абсолютно.

– Хорошо, учтем. Насчет же порки... Господин Май, если ты внимательно читал устав, то должен был заметить, что телесные наказания назначаются только за очень серьезные проступки. Например за избиение гражданских лиц или кадетов, заведомо не способных сопротивляться Защитнику, пусть и недообученному. Ты находишь удовольствие в подобных вещах?

– Нет, госпожа Сиори, – очень серьезно ответил юноша. – Я не трогаю тех, кто не способен или не хочет сопротивляться. Еще я ни при каких обстоятельствах не беру заложников и не убиваю разумных существ. Правда, я запросто могу переломать руки-ноги человеку, взявшему заложников – независимо от того, способен ли он сопротивляться. Я неправ?

– Рада, что у тебя такие жесткие моральные принципы, – кивнула Сиори. – Тогда с поркой у тебя проблем не возникнет. Но прошу помнить, что мораль нашего мира заметно отличается от привычной тебе. Если начнешь приставать к девочкам или к преподавателям, как в первый вечер, с кухни и из конюшни не вылезешь. Независимо от своей ценности для больших политиков. Мы друг друга поняли?

– Правила установлены, игра началась! – ослепительно улыбнулся негодный мальчишка. – Если попадусь, сам виноват. Слушай, Сиори, ты ведь не просто так явилась ко мне самолично?

– Не просто так, – невольно улыбнулась в ответ ректор. – Господин Май, вчера вечером дневальные твою форму в виде исключения отчистили от каменной пыли, отгладили и пришили сержантские нашивки, – она кивнула на табурет, где, аккуратно свернутые, стопкой лежали брюки, китель, рубашка и нижнее белье. – Но дальше ты заботишься о ней сам. Если ты нормально себя чувствуешь, одевайся. Вот-вот начнется первый урок. Я хочу представить тебя твоему курсу. Учебниками пока попользуешься теми, что принадлежат Мире. После обеда подойдешь к госпоже Айсоке, она выдаст тебе твой учебный комплект и парадную форму. Когда немного освоишься у нас, подумаем, не следует ли тебе подобрать индивидуальную программу. И еще с тобой изъявил желание поговорить господин Саомир Подберезовик, проректор по воспитательной работе. Он определит твое отделение и объяснит некоторые нюансы внутреннего распорядка. Ты его уже видел вчера – мужчина, который так неудачно попытался нейтрализовать тебя своим Щитом.

– Он в порядке? – озабоченно осведомился мальчишка, отбрасывая одеяло, соскакивая на пол и принимаясь одеваться. – Кажется, ему сильно досталось. Я на эффикторе полностью сосредоточился, он какой-то упрямый оказался. Еле сообразил, как его контролировать. Я не очень обращал внимание, что по сторонам делается.

– Разрыв Щита всегда болезненен и неприятен. – Сиори отвела взгляд. Мальчишка совершенно не стеснялся собственной наготы. Как бы намекнуть ему поделикатнее, что не стоит так вести себя в присутствии женщин, а особенно – девочек? – Но он очень опытный боец и привык к ударам. Госпожа Клия его осмотрела, он уже оправился.

– Радостно. Я постараюсь избежать подобных разрушений в дальнейшем. – Май одевался прямо-таки с волшебной скоростью – любой армейский сержант возблагодарил бы Всевышнего за такого новобранца. Он пробежался пальцами по пуговицам кителя (воротник, тем не менее, не застегнул, оставив кубирин открытым), одернул одежду и сделал странный жест – бросил правое предплечье горизонтально перед грудью. Честь что ли, так отдал? – Я готов, великолепная госпожа полковник. Веди меня к славным делам и свершениям.

– Иди за мной, господин Май, – вздохнула ректор. – И постарайся держаться хоть чуточку посерьезнее. Запоминай – преподавателя точных наук, литературы и, по совместительству, тренера по плаванию зовут госпожа Исука Тао...

– Тема сегодняшнего занятия – повторение формул объемов тел и решение задач на объемы тел вращения, – Исука взяла мел и, постукивая им о грифельную доску, быстро написала тему в левом углу. – Так, кто сегодня дневальный? Почему губка опять сухая и пыльная? Ну-ка, быстро промыть!

– Есть! – Мэри Сакаи вскочила из-за своей парты и, разумеется, зацепила учебник, с глухим стуком упавший на пол. – Ой...

Она метнулась к доске, потом к учебнику, потом опять к доске, подхватила губку и выскочила из класса, запнувшись о порог и едва не полетев кубарем. Мира не удержалась от тихого хихиканья. Мэри, девчонка добрая, неглупая и застенчивая, даром что наследная баронесса, страшно страдала из-за своей неуклюжести, служившей неизменной темой для шуток со стороны однокурсников – к счастью, обычно добродушных и незлых. Грампа и Саомир на уроках самообороны немилосердно гоняли ее до седьмого пота, вырабатывая координацию движений, и она даже умудрялась проходить все тесты и экзамены. Но за пределами спортзала ей не определено не стоило доверять хрупкие и бьющиеся вещи. С кухни ее давно выгнали раз и навсегда, потому что на каждом дежурстве она обязательно что-нибудь роняла, проливала, рассыпала, резала и обжигала себе пальцы и так далее. Даже во время мытья полов она обя-

зательно хотя бы раз опрокидывала ведро с водой, и хорошо, если не кому-то на ноги. Вот и сейчас, можно сказать с уверенностью, она вернется из туалета вся мокрая. Например, потому что ненароком повернет кран не в ту сторону и откроет струю на полную мощность вместо того, чтобы закрутить.

Хихикнула не только Мира. Волна смешков прокатилась по всему классу.

– Тишина! – строго сказала Исука. – Начнем переключку.

Она открыла журнал, и Мира почувствовала, что у нее слегка похолодело в животе. Из-за треволнений вчерашнего дня, а также из-за необычно хлопотного дневальства она совершенно не подготовилась к сегодняшнему занятию. Если ее вызовут к доске, она ответит хорошо если на пятнадцать-двадцать баллов. А то и вообще штраф заработает.

– Ассари Северный Мох!

– Здесь, – Ассари поднял руку.

– Вижу, – Исука поставила отметку в журнале. – Карира...

– Прошу прощения, Исука, – створка скрипнула, и капитан замолчала. В дверь вошла ректор. – Я прерву на пару минут занятие, чтобы сделать объявление, как договаривались?

– Да, конечно, – кивнула математичка.

– Господа и дамы, – Сиори повернулась к классу. – Хочу обрадовать вас необычной новостью – на вашем курсе с сегодняшнего дня появился новый ученик. Господин Май, – она повернулась к двери, – прошу.

Мира тихо охнула. Она знала, что рано или поздно такое произойдет, но почему-то надеялась, что через период. Или через неделю. Или хотя бы через два-три дня. Ведь он же в больничке!

Мальчишка стремительно вошел в дверь и повернулся к замершему классу. По его лицу скользнула странная полуулыбка.

– Доброе утро. Меня зовут Май. Май Куданно, – проговорил он в напряженной тишине. – Спортзал вчера раздобал я. Чтобы все понимали, о чем речь – позавчера меня притащили к вам в Сайлават через портал из другого измерения. Она притащила, – он невежливо ткнул пальцем в стремительно залившуюся краской Миру. – Так что теперь она моя хозяйка, а я, соответственно, ее фертрат и стану изучать клевые магические штучки вместе с вами. Рад знакомству, прошу общей благосклонности.

Он коротко поклонился. По классу побежал стремительно набирающий силу шепоток. «Кубирин... двойной кубирин...» – уловила Мира. Она уставилась в парту, но все равно кожей чувствовала, как в нее уперлись десятки взглядов. Дурак. Ну что он ее приплел? Далась она ему!

– Прошу любить и жаловать вашего нового товарища, – добавила ректор. – Господин Май, твое место – вон то, рядом с госпожой Мирой. Исука, извини за вторжение, у меня все.

Она повернулась и вышла.

– Садись на место, господин Май, – Исука жестом показала, куда. Только теперь Мира с опозданием догадалась, почему ее пересадили сегодня от Бохаки за свободную парту: чтобы она оказалась рядом с иномиряннином. А она-то голову ломала! – Продолжим переключку...

– Привет, хозяйюшка, – тихо сказал Май, усаживаясь рядом. – Дай учебник полистать, у меня своего пока нет.

– Отстань, – шикнула Мира, бросив на него раздраженный взгляд. – Самой надо. Здесь, госпожа капитан! – она поспешно вскинула руку, услышав свое имя. – Я из-за тебя вчера подготавливаться не успела. А меня сегодня обязательно вызовут!

– Из-за меня? – шепотом удивился мальчишка. – Я вчера вообще-то без сознания весь день валялся.

Он дотянулся до учебника точных наук, лежавшего с другой стороны Миры, и принялся рассеянно перелистывать страницы. Мира, которую он довольно чувствительно пихнул, ткнула

его локтем в ответ и вознамерилась огрызнуться, но поймала недовольный взгляд госпожи Исуки, продолжающей переключку, и проглотила реплику. Она сердито отвернулась, и ее тут же ткнули в спину и сунули через плечо записку. Она развернула бумажку.

«Что такое фертрат? Мика».

Сосед спереди, не оборачиваясь, кинул через плечо скомканную в шарик вторую записку.

«Через какой портал? Как умудрилась? Хош».

Слева порхнул и едва не улетел под переднюю парту бумажный самолетик. Май, не отрываясь от учебника, поймал его в воздухе, встряхнул и шлепнул перед Мирой на парту уже развернутую записку.

«Так это он спортзал разгромил? А правда, что ты его авторизовала? Тариса»

Миру снова ткнули в спину, но она раздраженно дернула плечами, нервно скомкала все три записки в комок и сунула его в парту.

– Присутствуют все. Отлично. В начале урока мы вспомним основные формулы вычисления объемов правильных тел, – Исука, тряхнув рыжей челкой, решительно ткнула деревянным пером в первую жертву. – Сейчас господин Хош Тиисана выйдет к доске и напишет нам формулу для вычисления объема цилиндра и конуса. Поскольку у него остается время писать записки на уроках – да-да, господин Хош и остальные, и не думайте, что я не замечаю – то уж к уроку он наверняка подготовился основательно. Итак, господин третий сержант?..

Хош обреченно выбрался из-за парты и поплелся к доске. Наверняка он ни к чему не подготовился. Учиться он терпеть не мог – если только речь не шла о фехтовании, верховой езде и использовании Щита. Историю, правописание, точные науки, географию и литературу он полагал абсолютно бесполезными предметами, а домоводство, танцы, музыку и этикет – уделом девочек. Из научных предметов он снисходительно относился лишь к демонологии, да и то лишь потому, что приравнивал ее к тактике и прочим военным премудростям. Он уныло взял мел и вяло начертил на доске нечто, напоминающее две кривых лужи, одна под другой, соединенные двумя извилистыми линиями.

– Цилиндр... – бодро сказал он. – Э-э, цилиндр, э-э... Круглый.

– Господин Хош, у тебя ровно минута, чтобы вспомнить формулу. Не успеешь – десять штрафных баллов.

Исука демонстративно достала из кармана жакета огромные серебряные часы, с которыми не расставалась никогда, и щелкнула крышкой. Поговаривали, что на внутренней поверхности крышки выгравирована надпись «Помни о Вратах». Но сама Мира надпись не видела никогда, а о каких Вратах речь, не могла сказать даже всезнающая Бохака.

– Ну, цилиндр – он равен высоте, умноженной на... э-э, ширину... Нет, на половину ширины... в квадрате...

Он замолк и обвел унылым взглядом класс. Надежда его так и осталась тщетной – за подсказку госпожа Исука запросто могла вкатить наряд вне очереди и отвечающему, и подсказывающему.

– Сорок секунд, – после затянувшейся паузы напомнила воспитательница.

– Не помню, – с шумным вздохом признался Хош.

– Минус десять. На место. Тетрадь с домашним заданием после урока мне на стол, – Исука защелкнула крышку и убрала часы на место. – Добровольцы есть? Госпожа Бохака, опусти руку. Я и так догадываюсь, что ты знаешь.

Рядом с напрягшейся Мирой раздался громкий смешок. Девочка, невольно вздрогнув, украдкой скосила взгляд влево. Уткнувшийся в учебник Май хихикнул снова.

– Возможно, господин Май знает ответ? – невозмутимо осведомилась Исука. Она прошла по проходу между партами и остановилась рядом с новеньким. – Могу я поинтересоваться, что именно рассмешило тебя в учебнике, молодой господин?

– Логика составления, – Май оторвал взгляд от страниц и взглянул на воспитателя. – Точнее, ее отсутствие. Смешать в одном флаконе основы механики, геометрии, алгебры, электротехники, тригонометрии и прочих компонентов могла только... ха, автор данного учебника. Вот что получается, когда технические пособия начинают писать дилетанты, да еще и гуманитарии по жизни.

Слово «гуманитарий» Мира не поняла, но невольно втянула голову в плечи. А что, если госпожа Исука примет высказывание на свой счет?

– По этому учебнику, господин Май, обучались многие поколения кадетов, – все так же спокойно парировала воспитатель. – Не могу сказать, что все остались довольны, но свою функцию он выполняет. Однако мы сейчас обсуждаем не его достоинства или недостатки. Вычисление объемов фигур вращения ты уже проходил... дома? Кстати, у нас принято вставать, когда разговариваешь с воспитателем.

– Да, – Май положил учебник на парту и встал, оказавшись на полголовы выше Исуки. – Для цилиндра – площадь основания на высоту, константа Цваха на квадрат РА на ХА.

– Верно. А объем конуса?

– Не помню, – пожал плечами Май. – А зачем?

– О! – иронично подняла брови Исука. – На такие вопросы обычно принято отвечать в начале первого курса. На вводном занятии я рассказывала, какие области точного знания должны изучать кадеты и с какой целью. Чтобы не задерживать занятие, я могу объяснить тебе отдельно после уроков. Кстати, некоторым, – она бросила многозначительный взгляд на Хоша, – тоже полезно освежить в памяти. Пока же один только пример.

Она вернулась к своему месту и извлекла из кармана слабо мерцающий голубым конус длиной в три сантиметра.

– Вот наконечник арбалетного болта, предназначенного для поражения демонов. При попадании в цель он взрывается с силой, пропорциональной его объему, – Исука зажала конус между большим и указательным пальцем и медленно развела их. Конус послушно удлинился. Хотя Мира много раз видела такое маленькое чудо, она все равно не удержалась от восхищенного вздоха. – Демоны бывают большие и малые, бронированные и кожистые, костлявые, жирные и слизистые. Для каждого нужно подобрать свой размер наконечника. Если ошибешься и сделаешь его слишком маленьким, то только разъяришь чудовище, а если слишком большим – то взрывом зацепит тебя и товарищей. Пример понятен?

– У нас нет демонов, госпожа Исука, – Май задумчиво почесал в затылке. – Фокус забавный, и практическое применение тоже ясно, а о том, откуда берется энергия для взрыва, я спрошу тебя после занятия. Но я-то имел в виду нечто иное. Зачем все время держать в уме готовую формулу, если ее можно просто вывести при необходимости?

– Вывести? – Исука вновь подняла брови, на сей раз удивленно. – Вообще-то формулы объема получены эмпирическим путем. Или ты знаешь математическое обоснование?

– Да запросто, – Май стремительно вышел к доске, ухватил мел и принялся быстро черкать им, покрывая черную поверхность идеальными, словно по линейке и циркулем проведенными линиями. – В случае с конусом все вообще элементарно. Объем равен интегралу по внутренней части объекта. Располагаем точку отсчета ортогональной системы координат в центре основания, вертикальная ось совпадает с осью конуса, высота конуса – ХА, диаметр основания – РА. Срезаем конус горизонтальной плоскостью, в сечении получаем круг. Соответственно, необходимо проинтегрировать площадь конического сечения от нуля до ХА. Чтобы найти искомую площадь в зависимости от высоты над основанием, рассечем конус вертикальной плоскостью, включающей в себя центральную ось. Соотношение горизонтальных катетов полученных подобных треугольников, они же – диаметры основания и сечения, пропорционально отношению вертикальных катетов. То есть...

Мира заворуженно смотрела, как из-под мела быстро текут совершенно непонятные значки и рисунки. Вот это да! Откуда он столько знает? И такие странные слова... У них что, раньше начинают точные науки изучать? Но ведь в Сайлавате в обычных школах такого не проходят вообще. Он что, учится в такой же Академии?

– ...и после элементарного интегрирования простенькой функции, – Май продолжал быстро набрасывать под чертежами непонятные знаки, – получаем искомое – объем равен трети площади основания на высоту, то есть Цвах на треть квадрата РА на ХА. Госпожа Исука, что с тобой?

Мира встрепенулась. Воспитатель и в самом деле медленно оседала на учительский стул, держась за сердце. Ее осоловевший взгляд смотрел сквозь Мая куда-то вдаль. Мальчишка быстро шагнул к ней и помог сесть.

– Я вспомню... – еле слышно прошептала Исука. – Я сейчас вспомню... Я почти...

Ее лицо приняло растерянное выражение.

– Как ты себя чувствуешь, госпожа Исука? – встревоженно осведомился Май. – Эй, подруга! – Он ткнул пальцем вбежавшую в класс Мэри – разумеется, в мокром сверху донизу жакете и, разумеется, впопыхах споткнувшуюся о порог. – Госпоже Исуке плохо. Сбегай за госпожой Клией, у нее лекция в соседнем классе.

– Не надо! – остановила его воспитатель. – Мэри, сядь на место. Я сейчас...

Она несколько раз глубоко вздохнула и пристально посмотрела на доску.

– Господин Май, я не стану тебя обманывать – я впервые в жизни вижу то, что ты написал. И я ровным счетом ничего не понимаю. Допускаю, что твои знаки имеют какой-то смысл, и итоговая формула правильная, но сейчас у нас иная тема. Садись на место.

– Да, госпожа Исука, – кротко ответил Май. Слегка поклонившись, он вернулся к парте и сел.

Воспитатель тряхнула головой и поднялась со стула.

– Продолжаем, – прежним тоном сказала она. – Госпожа Пария, если ты полагаешь, что я не заметила записку, которую ты так шустро спрятала, ты ошибаешься. Записки, напоминая всем, замечательная штука – но только после уроков. И тишина в классе! – она обвела притихших кадетов грозным взглядом. – А ты, госпожа Пария, выйди к доске и сотри написанное. Как я и обещала в прошлый раз, однажды не выполненное домашнее задание тебе аукнется еще не раз. Сейчас мы решим одну небольшую задачку. Пиши: для сбора резиновой смолы в роще установили двадцать воронок высотой в пять сантиметров и диаметром в восемь. Одна воронка наполняется за сутки. Сколько потребуется времени на заполнение смолой восьмидесяти ведер?

– Эй! – прошептала Мира, не выдержав и пихнув Мая локтем в бок. – А что ты такое писал? Что такое «интеграл»?

– Заклинание такое, – прошипел тот в ответ уголком рта. – Специально, чтобы воспитателей пугать.

И подмигнул, скотина этакая.

Мира обиженно отвернулась. Она, может, и не умеет выводить формулу объема конуса, но уж точно не дурочка. Как паладины и вои-священники заклинания творят, она видела не раз. Ничего похожего. Ну и ладно. Не хочет говорить – и не надо. У нее своя головная боль: только бы сегодня к доске не вызвали...

К доске ее так и не вызвали. Один раз госпожа Исука остановила на ней прищуренный взгляд, и девочка даже сжалась в испуге. Однако глаза воспитательницы тут же скользнули на Мая, продолжающего методично листать учебник, и гром так и не грянул. То ли она побоялась, что Май опять встрянет со своими комментариями, то ли все-таки приняла в расчет неприятности последних дней и не стала вредничать. Все-таки хорошая она тетка – госпожа Исука. Не то что учительница математики в приюте – та точно вызвала бы. А каждый штрафной балл

– крошечная потеря надежды стать дворянкой. Если к выпуску их наберется пятьсот, то все, сколько бы она ни заработала призовых. А у нее уже минус двести пятнадцать.

Однако все плохое когда-нибудь кончается. По коридорам разнеслась веселая трель звонка, возвестившая долгожданное облегчение.

– На сегодня все. Домашнее задание – примеры с двадцать пятого по тридцать пятый на странице девяносто четыре, – Исука отложила мел и отряхнула запачканные ладони.

– Класс, встать! – скомандовала Сёя Удача, первой подав пример. – Поклон!

Завизжали сдвигаемые стулья. Мира с облегчением поднялась и поклонилась в унисон с остальными. Май, однако, остался сидеть, углубившись в чтение. Похоже, он действительно всерьез увлекся книгой и не слышал звонка. Мира снова поразила скорость, с которой он читает. За час от толстенького учебника осталось не больше четверти. Или он не читает, а так, картинки разглядывает?

– Господин Май, задержись, пожалуйста, – сквозь гул голосов донесся голос госпожи Исуки. Мальчишка встрепенулся, огляделся по сторонам, захлопнул книгу и с наслаждением потянулся.

– Уже перемена? – поинтересовался он у Миры, озираясь. – Быстро как-то. Эй, хозяйшкa, ты без меня не сматывайся. Я фертрат нежный и пугливый, в одиночестве расстроюсь и плакать начну.

Он вскочил и ввинтился в толпу кадетов, мгновенно, впрочем, перед ним расступившуюся. Все провожали его взглядами, в которых явно мешались жуткое любопытство и растерянность. Точно такие же взгляды Мира ловила и на себе. Все, теперь точно житья не дадут. Она плотно завинтила чернильницу, убрала в ранец учебник и тетрадь и пошла к двери класса.

Точнее, попыталась пойти.

– Мирка, быстро рассказывай, что такое фертрат? – затормошила ее коварно подобравшаяся сзади Мика. – Кто он такой и откуда ты его притащила?

– Ага, и когда успела? – с другой стороны в Миру вцепилась Пария. – Что означает «из другого мира»? Откуда у него ТАКОЙ кубирин?!

– Отстаньте от человека! – вступилась пропихнувшаяся сквозь любопытных Хана, отпихивая Парию в сторону. – Что, не видите, ей не до вас?

Однако Миру уже обступили такой плотной группой, что сбежать было невозможно.

– Пусть расскажет! – поддержали из толпы голоса. – Мира, колись! Что за другой мир?

– Да откуда я знаю! – Мира прижала руки к груди и попыталась по примеру Мая протаранить толпу – но безуспешно. Отпускать ее явно не собирались.

– Мирка, ну не вредничай! – Мика явно не собиралась отцепляться. – Расскажи!

– Прекратить безобразие! – староста вонзилась в толпу словно колун в полено. Глаза у Сёи раздраженно сверкали. – Перемена началась! Всем немедленно покинуть класс! Мэри! Ты дежурная или кто? Кончай пялиться, сотри с доски и еще раз промой губку. Остальные – брысь в коридор! А то сейчас штрафы развешивать начну!

Одноклассники недовольно заворчали.

– Вечно ты со своими нотациями... – недовольно заявила Пария. – Дай с человеком поговорить!

– В коридоре поговорите, – отрезала староста. – Последнее предупреждение, считаю до трех!

Толпа загомонила и распалась. Мира старосту недолюбливала, но сейчас, кажется, впервые в жизни почувствовала к ней благодарность. Хотя за что, собственно? Все равно ее сейчас точно так же зажмут в коридоре. И не только свой класс – еще и старшекласники подтянутся. Однако Сёя, как оказалось, предусмотрела все.

– Аттэй, задержись! – скомандовала она, в своей манере используя обращение по фамилии. На такой тон она переходила, только когда намередовалась устроить разнос нерадивым одно-

классникам или подвернувшимся первокурсникам (а однажды, Мира сама слышала, она так распекала и третьекурсника, которого угораздило опрокинуть с подоконника на пол горшок с цветком). – Ну-ка, отойдем туда, – она ткнула пальцем в угол класса.

– Как других, так из класса, а как сама, так хоть где! – обидчиво бросил Терабой.

– Поговори мне! – пригрозила староста. – Аттэй, шевелись.

Она ухватила Миру за руку и едва ли не силой потащила за собой. Та бросила беспомощный взгляд на выход, потом на разговаривающего с воспитателем Мая, быстро рисующего на доске какие-то ступеньки, вздохнула и смирилась. Денек сегодня точно не задастся, к гадалке не ходи.

– Слушай, – зажав Миру в угол, староста грозно подняла палец. – Я еще не поняла, что ты натворила и каким боком к тебе относится новенький нахал. Но я знаю одно: беспорядков в классе не допущу. Никаких записочек на уроках, никаких толп посреди дороги, поняла?

– Да я-то при чем? – возмутилась Мира. – Не я же записки пишу! И толпу не я собираю.

– Так не будь нюней и растяпой. Если от толпы не отбиться, уведи куда-нибудь. И на записки не отвечай. Теперь быстро говори: кто он тебе? – она весьма невежливо ткнула в Мая пальцем.

– Да никто! – озлилась Мира. – Я совсем не собиралась его через портал вытаскивать. Не знаю я, откуда он взялся. Спроси госпожу Сиори, может, она в курсе.

– Не ври. Он сказал, что твой фертрат. Что такое «фертрат»?

– У него и спроси, – буркнула Мира, отворачиваясь. – Он придумал.

– Тогда почему тебя рядом с ним посадили?

– Спроси у госпожи Сиори! – уже в полный голос огрызнулась Мира.

– Так, ясно, – староста постучала пальцем по кончику носа. – Ясно, что темнишь. Ну, не хочешь, не говори, но только учти – раз тебя с ним посадили, то ты за его поведение и отвечаешь. Особенно если он и в самом деле из другого мира. Он окарается – тебе штраф. Усекла?

– Так нечестно!

– Да пофиг. Дисциплина есть дисциплина, и я не позволю, чтобы в моем классе...

– Ух ты, а класс и правда твой? – раздался за спиной старосты веселый голос Мая. – А ты его рабовладелица? Или какой у вас тут исторический строй на дворе?

Сёя медленно развернулась и уперла кулаки в бока.

– Так, новенький, – раздраженно сказала она. – Я тебе не госпожа Исука, я и между глаз захватить могу, если докапываться начнешь. Ты вообще чего в таком виде?

– А в каком я виде? – удивился Май, оглядывая себя.

– Китель расстегнут, рубашка расстегнута, ремень под брюхо сполз. Ну-ка, быстро себя в порядок привел!

– Не-а, – безмятежно ответил Май. – И так жара невыносимая, чтобы в ваших шубах паяться. Если застегнусь, получу тепловой удар и потеряю сознание от жары. У нас по такой погоде многие вообще голыми ходят.

Сёя резко выдохнула сквозь зубы.

– Слушай, новенький, – неожиданно терпеливым тоном сказала она. – Раз ты новенький, на первый раз я тебя прощаю. А на будущее заруби на носу, что я – первый сержант и староста класса. И мои приказы для тебя обязательны к исполнению точно так же, как и приказы воспитателей. Если я говорю застегнуться, ты без разговоров застегиваешься. Понял?

– Тебя зовут как, староста класса? – невозмутимо поинтересовался Май.

– Сёя Удача, графство Мейсара. Подтяни ремень и застегнись. Живо!

– Видишь ли, великолепная госпожа Сёя, не могу. Твои приказы исполнять не могу. У меня уже есть одна хозяйка, вот она, – он ткнул Миру пальцем в плечо. – Ее приказам я иногда подчиняюсь. Приказам Сиори... ну, и прочих воспитателей, в виде исключения – тоже. А вот

остальные, в том числе ты, в командную иерархию не входят, уж извини. Ты бы проконсультировалась сначала с госпожой ректором, – добавил он, пока ошалевшая от подобной наглости староста пыталась подыскать достойный ответ. – А то позавчера вечером Грампа мной вот так же помыкать пыталась, а у меня в результате эффлектор сам по себе проснулся и чуть ее не придушил.

– Что проснулось? – ошарашенно поинтересовалась Сёя.

– Эффлектор. Атрибут, как у вас говорят. Он, похоже, не любит, когда мной помыкают. Да ты не переживай. Вот познакомимся поближе, и ты поймешь, что я существо нежное и ласковое, а где-то даже мягкое и пушистое. И тогда у тебя рука не поднимется мне между глаз захватить. Так, девочки, перемена скоро закончится – сколько она у вас, десять минут? – а мне еще вводную пресс-конференцию для широких читательских масс устроить нужно. Вон, – он мотнул головой.

Мира автоматически взглянула в указанном направлении. Госпожа Исука уже ушла, но в дверь засовывалось по крайней мере с десятков встрепанных и весьма любопытных девчачьих и мальчишеских голов.

– Вперед, к жаждущей публике! – скомандовал Май. Он крепко обхватил обеих девочек за плечи и почти силой потащил за собой. Мира даже не пыталась сопротивляться, а слабая попытка Сёи ухватиться за парту оказалась в корне пресечена нахалом. Несколько секунд спустя Май выпихнул их обеих в коридор и выскочил за ними – и все трое тут же оказались посреди заполонившей коридор галдящей толпы, в которой густо перемешались кадеты всех трех курсов.

– Тихо! – гаркнул Май. – Тишина в студии, идет съемка!

Он выпустил девочек из объятий и вскинул руки ладонями вперед.

– Народ! – громко сказал он посреди наступившей если и не тишины, то хотя бы тихого ропота. – Вас много, я один. Вы от любопытства помираете, но я на всех не разорвусь. А перемена на исходе. Поэтому прямо сейчас – несколько вводных слов. Желающим задать вопросы просьба – отложить их на после занятий и постараться не помереть до того момента.

– Господин второй сержант, – робко пискнула затесавшаяся в первый ряд первокурсница, – а правда, что...

– Тихо! – Май погрозил ей пальцем. – Я же сказал – вопросы на потом. Отвечаю на главное, пусть и не спрошенное. Первое. Я действительно из другого мира. Он на ваш совершенно не походит, магии там нет, зато эфффлекторы вроде ваших Атрибутов у всех подряд. Чудовищ там тоже нет, как и Святой Церкви. Никакого Всевышнего науке также обнаружить не удалось.

Ропот толпы резко усилился и тут же смолк полностью. Во взглядах некоторых кадетов, особенно южан, явно читался ужас.

– Второе, – как ни в чем не бывало продолжил Май. – Меня сюда вытащила через портал великолепная госпожа Мира Аттэй, – он хлопнул Миру по плечу, – когда отправилась порыбачить на парсов. Соответственно, теперь я ее фертрат, а она моя хозяйка. Фертрат – подручный мага, – пояснил он. – Связан с ним мистической связью, и все такое. Питается, между прочим, конфетами, за которые разрешает себя погладить. Так вот, хозяйюшка может активировать мой Атрибут в усиленном режиме – спортзал покореженный все видели, ага? Откуда у меня взялся ошейник с двойным камнем, – он щелкнул ногтем по кубирину, – даже и не спрашивайте, не знаю. Просто сгустился из воздуха.

– Не из воздуха, а из мирового эфира, – высказалась откуда-то из-за спин Бохака.

– Не суть. Третье. Поскольку руководство Академии не знает, что со мной делать – ну вот нет у них опыта общения с фертратами – меня решили принести в жертву великому и могучему Даорану, когда тот соберется. А пока не собрался, намерены держать в вашем зоопарке на правах особо ценного экспоната. Поэтому я подчиняюсь только своей хозяйке, а великолепная госпожа Сёя станет давать мне рекомендации по поведению. Не факт, что я им последую,

но я исключение, мне можно. Остальным с наглого и невоспитанного меня пример брать не советую, иначе получится, как в том анекдоте с самолетом, мужиком и попугаем.

– А что такое «попугай»? – немедленно переспросила Тариса, мелкие размеры которой вполне компенсировались чувством неуместного любопытства.

– А попугаев у вас тоже нет? Птица такая, крупная, яркая. И говорить умеет.

– Говорить?!.

В коридорах затарахтел звонок.

– Урок начинается! – похоже, Сёя несколько пришла в себя, поскольку оттолкнула нахального Мая, насколько ей позволяла толпа. – Все по классам, живо! Сейчас господин Саомир явится, а вы тут у двери столпились. Ну-ка, быстро, быстро!

Стон разочарования пронесся по толпе. Однако суровый характер Саомира все знали не понаслышке, и попасть под горячую руку проректора по воспитательной работе не желал никто. Второкурсники хлынули в дверь класса мимо Мая, Миры и Сёи, кадеты с других курсов нехотя потянулись к своим кабинетам. Сёя странно посмотрела на мальчишку, склонив голову набок.

– После уроков поговорю с обоими, – наконец решила она. – Давайте в класс. Вон, господин Саомир уже идет.

Беседующий с госпожой Клией господин Саомир и впрямь появились в конце коридора.

– Топаем в класс, хозяйюшка, – Май снова полубоялся Миру за плечи и увлек за собой. – Посмотрим, что господин проректор сможет рассказать интересного о местной географии.

Занятие прошло относительно спокойно. Хотя Миру и вызвали к доске, она сумела довольно уверенно рассказать о главных портах Поравии, вспомнила основные грузы, перевозимые каботажными судами, и даже сумела назвать три основных разновидности морских демонов, в старину встречавшихся в прибрежных водах. Если бы воспитатель спросил ее об основных статьях торговли с Красскими островами, она утонула бы так же мгновенно и безнадежно, как топор в бухте Екамара – но он не спросил. В результате она заработала восемьдесят баллов и, довольная своим везением, вернулась на место. Май все так же сидел рядом, индифферентно листая учебник географии, а когда тот кончился – учебник точных наук, который, бесцеремонно перегнувшись через колени Миры, вытащил из ранца, висящего сбоку парты. Она раздраженно стукнула его кулаком по затылку, но несильно. В ответ он весело подмигнул ей и снова углубился в чтение.

После долгого и нудного рассказа об основных городах Пиласты проректор смилостивился и отпустил класс за десять минут до звонка. Кадеты с восторгом зашумели, и неугомонная Сёя принялась тычками и угрозами наводить порядок. Впрочем, особо она не старалась – из столовой по коридору доносились вкусные обеденные запахи, и старосте тоже не терпелось добраться туда. И желательно – не последней в очереди. Те же мысли одолевали и прочих, потому что на сей раз приставать к Маю и Мире никто не торопился. Кадеты, толкаясь и пихаясь, стремились первыми выскочить из класса через узкую дверь, в которой мгновенно образовался затор.

– Господин Май, задержись, пожалуйста, – проректор помахал рукой в сторону новенького. – Подойди сюда.

– Пошли, – Май ухватил намылившуюся было ринуться в общую свалку Миру за рукав и потащил ее к воспитателю. – Сейчас меня инструктировать начнут. А ты слушай внимательно, потом расскажешь, много ли он наврал.

– Отпусти, дурак! – слабо пискнула Мира, но ее попытка вырваться привела лишь к тому, что рукав жакета угрожающе треснул.

– Завела фертрата – не обижайся, что выгуливать приходится! – назидательно сообщил ей Май, подтаскивая ее к учительскому столу. – Да, господин Саомир?

– Госпожа Мира Аттэй нам не понадобится, – сухо сказал Саомир.

– Она за меня отвечает, а я пока что ограниченно дееспособный, – парировал наглый мальчишка. – Ей тоже послушать полезно. Ты меня в какое-то отделение определить должен? Меня в ейное надо, чтобы она за мной присматривала.

– Господин Май, – еще более сухо каркнул Саомир, – попрошу тебя соблюдать субординацию. Не следует заговаривать со старшими без разрешения, а тем более – в таком тоне.

– Заметано, – быстро согласился мальчишка. – Так о чем ты хотел со мной поговорить?

Саомир втянул воздух сквозь зубы, и Мира зажмурилась в ожидании взрыва. Однако воспитатель взял себя в руки.

– Господин Май, ты приписываешься ко второму отделению. К тому же, в которое входит госпожа Мира. Командир отделения – госпожа Пария Мисута, доложишься ей после нашей беседы. Далее, сегодня после четвертого урока ты подойдешь к госпоже Айсоке. Она покажет твою комнату, выдаст постельное белье, спортивную форму, комплект парадной формы и прочее, что полагается кадету Академии. Впрочем, – добавил он после короткой паузы, – четвертый урок у вас – физподготовка, а затем урок самообороны, так что спортивная форма тебе потребуется уже сегодня. Подойди к госпоже Айсоке сразу после обеда, она обеспечит. Все понятно?

– Так точно, господин Саомир! – отчеканил мальчишка, вытягиваясь и выпучив глаза. – Рад стараться! Можно идти?

– Господин Май, – было отчетливо видно, что на сей раз воспитатель сдержался лишь благодаря огромному усилию. – Когда можно будет идти, я скажу. Однако я должен сразу заметить, что твое поведение совершенно неподобающее. Я понимаю, что сложно вот так сразу привыкнуть к новому месту, но все же не забывай, что ты здесь – гость. От меня лично тебе задание: выучить устав Академии и сдать мне по нему экзамен. У тебя ровно неделя.

– Да хоть сейчас могу сдать, – подал плечами Май. – Я его уже прочитал. Господи Саомир, а кто выдает... как их, разрешения на выход в город? Мне не терпится там погулять.

– Увольнительные выдаю я. Но тебе, молодой господин Май, выход в город пока запрещен. Ради твоей же собственной безопасности...

– Подожди, господин Саомир, – перебил его мальчишка. – Хозяюшка, – он постучал пальцем по плечу Миры, – топай-ка ты, действительно, в столовую и занимай очередь. А то сейчас звонок, толпа набегит – не прорвешься.

Не дав Мира и рта раскрыть, он буквально вытолкнул ее из класса и захлопнул за ней дверь. Мира так и осталась стоять с раскрытым ртом.

– Мирка! – ее дернули за рукав. Сгорающая от любопытства Хана, оказывается, не отправилась в столовую вместе с остальными. – Ну что там? О чем они говорят?

– Понятия не имею! – отрезала Мира. – Глаза бы мои его не видели, неотесанного грубияна! Вот вкатит ему сейчас господин Саомир наряд вне очереди за непочтительность! – мстительно добавила она.

– А по-моему, он забавный. И красивый, – Хана мечтательно прижала ладони к щекам. – И вообще интересный. А ты дурочка. Что ты на него зверем смотришь? Тебе уже вся Академия хором завидует, что такого... как его?.. фертрата себе отхватила. Я же слышала, как старшекурсницы на той перемене шептались. Одора прямо так и заявила, что нефиг ему с какой-то пигалицей разгуливать, это она про тебя так. Продолжишь клювом шелкать – уведут моментально. Ну что, пошли в столовку? Бо там очередь заняла.

– И пусть уведут!.. – начала было Мира, но тут по коридорам раскатилась трель звонка. Почти немедленно двери соседних классов распахнулись, и в коридор горохом посыпались первый и третий курсы. Народ дружно устремился в сторону столовой. Все, пробегая мимо Миры, бросали на нее любопытные взгляды, но не задерживались: и из-за того, что на других курсах у нее почти не имелось знакомых, и из-за того, что стремились первыми занять очередь.

Скрипнула дверь, и Май стремительно вынырнул из класса. Саомир, как успела заметить через проем Мира, стоял у учительского стола с несколько растерянным видом. Интересно, что ему Май такого сказал?

– Ну что, хозяйюшка, – мальчишка дружески ткнул Миру кулаком в бок. – Потопали жрать? На нас очередь хоть заняли? Или в хвосте торчать придется?

– Знаешь что! – внезапно озлилась Мира. – Знаешь что!..

– Что? – невинно осведомился Май, склонив голову.

– А ну-ка, пошли! – Мира ухватила его за руку и потащила навстречу общему потоку. Май не сопротивлялся. Они поднялись по лестнице на третий этаж и выбрались на плоскую крышу учебного корпуса. Дотасив Мая до дальнего ее конца и толкнув так, что тот уперся спиной в сетчатую ограду, Мира встала перед ним, оперев кулаки в бока и широко расставив ноги.

– Что ты ко мне привязался? – грозно спросила она. – Что ты все время свою пургу про «хозяйюшку» и «фертрата» гонишь? Ты уже достал конкретно!

– Ты меня сюда вытащила, – Май оттолкнулся лопатками от сетки, с лентой оперся о нее плечом, скрестил ноги и сунул руки в карманы кителя. – Придется терпеть.

– Да, вытащила! Я же тысячу раз сказала, что не хотела. Извини, прости, виновата, больше не повторится. Все? Теперь отстанешь?

– Не-а, – Май качнул головой, с любопытством ее разглядывая. – Как же отстать, когда судьба нас связала? Может, по твоим стопам пойдут сонмы последователей, и каждый заведет себе фертрата. А тебе – и мне заодно – памятник поставят. Ты в каком виде хочешь памятник – в пикантно полуобнаженном виде или совсем голой? Хочешь, проект набросаю?

Мира ухватила его за отвороты кителя и как следует встряхнула.

– Ты смотри у меня! – с угрозой процедила она. – Я ведь не посмотрю, что ты откуда-то там появился и что у тебя кубирин пафосный. Я ведь и между глаз заехать могу, так что днем звезды увидишь. Мало я тебе тогда вечером по яйцам врезала? Могу добавить.

– Ты можешь, – согласился Май. – За то и люблю, милая хозяйюшка.

Внезапно он выдернул руки из карманов, крепко обхватил Миру за талию и быстро поцеловал в щеку. После короткой ошеломленной паузы та забилась, пытаясь разомкнуть объятия и вырваться. Безуспешно: на сей раз ее руки оказались тесно прижатыми к груди нахала, а удары коленями в пах он успешно блокировал.

– Пусти, скотина! – почти отчаянно выкрикнула она. – Пусти, слышишь! Пусти быстро!

Все так же внезапно Май разомкнул кольцо объятий, и Мира, не удержавшись на ногах, отлетела на несколько шагов и с размаху села на крышу.

– Сильный, да? – хрипло спросила она, с трудом удерживая слезы. – Справился? Смешно, да, ха-ха?

Май молча смотрел на нее, не отвечая. Он снова прислонился плечом к сетке и скрестил руки на груди.

– Думаешь, ты умный, больше всех на свете знаешь, Атрибут у тебя крутящий, и тебе все можно? – Миру несло, но она того уже не замечала. – Да, ты сильный, тебя все боятся, девки за тобой стадом таскаться станут – и все? Можно надо мной издеваться как захочешь, целоваться лезть? Ты думаешь, я тоже от тебя тащусь, как те коровы-старшекурсницы? Думаешь, ты мне нужен?

Она замолчала, задыхаясь и шмыгая носом. Май шагнул вперед и присел перед ней на корточки.

– А что тебе нужно, Мира? – негромко спросил он. На его лице появилось серьезное сосредоточенное выражение, которого Мира еще ни разу не видела. – О чем ты мечтаешь? Чего ты хочешь от жизни на самом деле? Сражений с чудовищами? Тихого замужества? Дворянства

и дворцовых балов? Или желаешь стать великой героиней наподобие... как ее? – пощелкал пальцами. – Таэлли Комацукай?

– Дурак! – сердито огрызнулась Мира. – Так я тебе и рассказала все сразу!

– Не сердись, – Май положил ладонь ей на плечо. – Пойми, пожалуйста: мы и в самом деле связаны судьбой. В вашем сумасшедшем доме, который называется Сайлаватом, правила игры жестоки: если ты слаб, тебя убьют. Я не знаю, о чем она думала, когда их вводила, но я бы... – Он замолчал и прокашлялся. – Мира, сейчас я нужен всем, а ты, как считается, являешься моим необходимым активатором. Поэтому пока что ты в безопасности. Но если вдруг в твоей нужности усомнятся... тебе не поздоровится. Убьют просто на всякий случай. И можешь говорить что угодно, но кашу заварила ты сама.

– Без тебя знаю, – все так же сердито буркнула Мира, дергая плечом, чтобы сбросить его руку. В глубине живота вновь шевельнулась сосущая пустота. Ведь госпожа Сиори сказала почти то же самое! – И что теперь, мне пойти и утопиться, пока не зарубили?

– Не надо топиться. Просто пойми – я нужен тебе. А ты нужна мне. И никуда нам друг от друга не деться, пока, во всяком случае. Так что придется тебе потерпеть какое-то время.

Он поднялся, наклонился и протянул руку.

– Ну что, мир?

– Мир, – нехотя ответила Мира, хватаясь за его запястье и поднимаясь. – Только если попробуешь еще раз полезть целоваться, меж глаз дам. Понял?

– Ну и балда. Тебе разве не приятно?

– Вот еще! – Мира резко вздернула нос, чувствуя, что неудержимо краснеет. – Ты что, не знаешь, что за такое можно навсегда дисквалификацию заработать? Защитниц, которые... ну... это... с мужчинами... в отставку сразу отправляют!

Чтобы скрыть смущение, она отвернулась и начала отряхивать юбку.

– Дисквалификацию можно заработать, только если в постели с парнем застукают. Или залетишь ненароком, – в голос Мая вернулись прежние ехидные нотки. – А от поцелуев еще никто не залетал, точно тебе говорю.

– Все-то ты знаешь...

– Не все, но многое. Так, хозяйшкa, прежде чем ты поведешь меня в столовую кормить всякой гадостью, быстро рассказывай: как у вас самоходы организованы?

– Что организовано? – удивилась Мира.

– Самоходы. Самоволки. Соскоки втихую. Нелегальные вылазки за территорию, в общем. Дырки в ограде проковыряны, или что? В каком месте?

– А тебе зачем? – к Мире мгновенно вернулась былая подозрительность.

– Затем, что мы с тобой идем гулять. Не сегодня и, скорее всего, даже не завтра – я еще на территории не осмотрелся. А Саомир и Сиори почему-то считают, что мне за забор опасно высовываться. Дожму я их в скором времени, но не так быстро, как хотелось бы. Сначала им с мыслью свыкнуться надо. А до тех пор нам придется гулять самим по себе.

– Между прочим, мне тоже в город запретили выходить. А там патрули дворцовой стражи, – хмуро заметила Мира. – Если тебя без увольнительной зацапают, то сразу в участок, и всю ночь в камере просидишь. А потом вернут в Академию, и хорошо если штрафом и десятком нарядов отделаешься. А то ведь на губе можно засесть на несколько дней.

– С патрулями мы разберемся, – беззаботно отмахнулся Май. – В общем, продумывай схему эвакуации с территории, вечером расскажешь. Кстати, деньги у тебя есть?

– Деньги в Академии иметь не положено. Выдают, когда уходишь, а что осталось – возвращаешь назад до следующего раза.

– Думаешь, зубы мне сумеешь заговорить? – хитро прищурился несносный мальчишка. – Я не спрашивал, можно ли иметь деньги в Академии. Я спросил, есть ли они у тебя.

– Ну, есть, – сдалась Мира. – Немного. Спрятаны за территорией. Только я тебе не дам, мне самой мало.

– Придется поделиться, – Май назидательно поднял палец. – В качестве компенсации за моральный ущерб. Не волнуйся, верну. Рассматривай как начальное вложение в дело, на котором можно заработать сто процентов годовых. Или тысячу. Или даже больше.

– Заработать?

– Потом расскажу. А теперь пошли в столовку. Если тебя не покормить как следует, ты снова разозлишься. А я фертрат эмоционально чувствительный, от отрицательных эмоций хозяйки вяну и засыхаю. Между прочим, за нами уже подглядывают.

– Где? – встрепелась Мира, встревоженно оглядываясь.

– А вон из двери торчат две мелкие девицы. Первокурсницы, похоже. А уж сколько за ними любопытных столпилось, одному вашему Всевышнему известно. В общем, топаем, хозяйюшка, там наверняка уже очередь подошла, если глупая Бохака догадалась на нас занять.

– А они нас... видели? – Мира почувствовала, что снова краснеет.

– Когда ты от меня отбрыкивалась? Расслабься, в тот момент дверь оставалась закрытой, я следил. Ну что, хозяйюшка, ты меня обедом кормить собираешься?

– Глупые фертраты должны помалкивать, когда их не спрашивают! – Мира сурово нахмурилась и ткнула Мая кулаком в живот. – И вообще, я тебе точно между глаз дам, чтобы не выпендривался.

– Договорились. Готов принять кару с должным смирением, но только на сытый желудок. Ну что, потопали, хозяйюшка?

Обед прошел относительно спокойно. В столовой стояла тишина – здесь старосты и командиры отделений следили за дисциплиной жестко и бескомпромиссно. Хотя они и сами с любопытством поглядывали на Мая, но пары рыков Сёи и Типи Полета, старосты третьего курса, оказалось достаточно, чтобы все дисциплинированно устали в свои тарелки. Мира даже смогла немного расслабиться. Куриный суп сегодня оказался на высоте (при воспоминании о том, как вчера она с другими дневальными весь вечер ощипывала и потрошила тушки, ее передернуло), да и омлет с маринованными корнишонами удался повару куда как лучше обычного. Или, возможно, она сама от треволнений сильно проголодалась.

Но после обеда спокойная жизнь снова кончилась.

Разумеется, самостоятельная подготовка на втором курсе оказалась безнадежно сорвана. Да и на третьем, пожалуй, тоже. Мире даже не удалось добраться до библиотечного зала. Сразу за порогом столовой их окружила взволнованно галдящая толпа, состоящая преимущественно из девочек (мальчишки с независимыми физиономиями держались поодаль, хотя и внимательно прислушивались). Миру, как она ни сопротивлялась, немедленно оттерли в сторону. Вероятно, Мая тут же, на месте, раздергали бы на ниточки несмотря даже на усилия взводных, но он вложил два пальца в рот и оглушительно свистнул.

– Так, мелочь пузатая! – громко сказал в наступившей тишине. – Если меня прямо тут затопчут до смерти, я обижусь и никому ничего не расскажу. Вопросы будут приниматься в организованном порядке и не здесь. Все на улицу. Эй, хозяйюшка! – он снова продемонстрировал свою способность маневрировать в толпе, как-то сразу оказавшись рядом с Мирой. – Веди на куда-нибудь на большую поляну, куда все поместятся.

После пятиминутной толкотни, в которой Мире несколько раз отдавили ноги и растрепали прическу, гурьба народу высыпала из учебного корпуса на улицу. После сумрачного прохладного здания у нее немедленно вспотела и зачесалась спина. Ее беспардонный фертрат немедленно скинул свой китель, грубо нарушив сразу три статьи устава, и перекинул его через плечо. Усевшись верхом на каменного льва, установленного на лужайке перед корпусом, он благосклонно предложил:

– Валяйте, спрашивайте. Только не все сразу, а в режиме пресс-конференции. Кто первым руку поднял, тот и говорит. На счет «три» – и раз, и два...

Следующие полтора часа Мира заворуженно слушала рассказы Мая об его странном и забавном мире: о гигантских материках, где пустыни занимают лишь малую часть, о высоченных горах, с вершин которых никогда не сходит снег, об огромных океанах и невероятных размерах волн, называемых «цунами», приходящих из морских глубин после подводных землетрясений и извержений и опустошающих пологие побережья на сотни саженей, а то и целые версты вглубь... Май рассказывал о больших океанских лайнерах, в которых уместилось бы население небольшого города; о военных кораблях, более могучих, чем армия целого графства; о совершенно невозможных подводных судах, способных месяцами не всплывать на поверхность, но при том одним залпом неведомого оружия звездной силы уничтожить десятую часть планеты. Что такое «планета», Мира так и не поняла, но, похоже, размерами она далеко превосходила весь Сайлават. Рассказал Май и о железных самолетах, перевозящих сразу сотни людей по всему миру, и о загадочных «спутниках» и «обитаемых станциях», парящих так высоко над землей, что разглядеть их нельзя даже в сильный бинокль – там, где почему-то кончается воздух и начинается мертвая бесконечная пустота.

Города там, если фертрат, конечно, не врал, тоже отличались размерами. Вообще его родной мир весь выглядел непомерно большим: уродливым арбузом-переростком, в котором людей на каждом шагу встречается больше, чем семечек. Автомобили там ездили вовсе не при помощи магических батарей, а на электричестве, какой-то непонятной горючей воде и еще более непонятном горючем воздухе (как вода и воздух могут гореть? Май точно свистит и даже не смущается!) Но особенно воображение Миры поразили ожившие статуи – «человекообразные киборги» или «чоки». Не просто ожившие – а неотличимые от людей и умеющие говорить и размышлять при помощи каких-то «искинов». Статуи работали сиделками и горничными, секретарями и гидами и еще кем-то, что Мира тоже не поняла. Статуи так здорово походили на людей, что некоторые даже влюблялись в них и переставали обращать внимания на настоящих людей. Таких влюбленных стало настолько много, что тамошний Даоран (или что-то на него похожее – хотя графов там, кажется, не имелось) даже принимал законы, ограничивающие создание чоки и пользование ими – затыкал плотину пальцем, как ехидно выразился Май.

В мастерских и на фабриках работали какие-то механические штуки, внутри которых сидели те же «искины». Механические штуки работали так быстро и хорошо, что людей на работу нанимали плохо и неохотно. Уже почти половина взрослых там получала «пособие по безработице» (как можно платить людям за то, что они не работают?!), и их становилось все больше и больше. И вообще «роботы» уже почти полностью вытеснили бы живых людей, если бы не какие-то законы. Те, кто остался без работы, сидели дома и развлекались самыми разнообразными и непонятными способами, превращаясь в «субстрат».

– А что, если кто-нибудь создаст армию из големов и весь мир завоеует? – поинтересовался какой-то третьекурсник, которого Мира не знала по имени. – Они ведь смерти не боятся. Похватали пики или пистолеты – и вперед. Големы сильные, пред ними никто не устоит.

– Балда! – Май постучал себя пальцем по лбу. – Кому нужна армия чоки? Одного фронтového бомбардировщика хватит, чтобы ее термобарическими зарядами накрыть. Получится груда запчастей, и вся война кончится. Сейчас и людей-то в наступлении почти не используют.

– А если им всем дать ра-ке-ты? – не сдавался старшекурсник. – Которые, как ты сам говорил, самолеты сбивать умеют?

– Ракеты куда проще повесить на другой самолет. Или на наземную гусеничную установку. У нее и скорость выше, чем у двуного чоки, и проходимость лучше, а про надежность вообще молчу. Кроме того, если ты научишь искинов воевать, то как сделать, чтобы они тебя же не раздолбали? Если жесткую систему «свой-чужой» использовать, то враг тоже своим прикидываться сможет. А если их научить по-настоящему различать, кто за кого воюет, то кто

сказал, что они решат воевать за тебя, а не за противника? Или что они вообще захотят воевать? В одной сверхсекретной лаборатории у нас в Катонии как-то проводили ограниченные эксперименты. Сделали двух очень умных боевых искинов и дали им под управление на виртуальном полигоне два танка. А потом запустили на полигон превосходящие силы противника. Так искины между собой пообщались, после чего просто не стали сражаться. Замаскировались в оврагах и остались там сидеть. Все верно: у них приоритет на минимизацию потерь, а лучший способ не оказаться уничтоженным – не лезть в драку.

– Врешь ты все! – заявил третьекурсник. – Откуда ты знаешь, что происходит в сверхсекретных лабораториях?

На него тут же зашикали, и он обиженно замолчал, а Май принялся рассказывать дальше.

Несмотря на захватывающие истории Мира все-таки поглядывала по сторонам. Она боялась, что появится кто-нибудь из воспитателей и устроит всем выволочку за нарушение режима дня. Вскоре и в самом деле мимо прошли, негромко переговариваясь, госпожа Сиори и госпожа Айсока. Однако ругаться они не стали, а ушли дальше по своим делам.

– Вот бы они меня так слушали на уроках истории! – расслышала Мира реплику ректора. – Аж завидно...

Спихватились все, только когда какая-то первокурсница, рдея от смущения, пробралась к Маю сквозь ряды сидящих на траве кадетов.

– Господин Саомир просил передать, – пискнула она, – что через десять минут у первого курса верховая езда, у второго – физподготовка, а у третьего – фехтование, и что пусть только попробуйте опоздать!

И убежала, испуганно оглядываясь.

Второкурсники всполошённо зашевелились.

– Ой, а у меня спортивная форма в dormitorio! – спихватился кто-то.

– И у меня! – поддержали его соседи. – И у меня! Бежим быстрее, а то опять штрафов нахватаем!

Лужайка почти мгновенно опустела. На ней остались только Мира, Май верхом на льве, Хана и Бохака.

– Мира, бежим за формой! – Бохака дернула подругу за рукав жакета. – Да быстрее же, чего заснула?

– Валяйте, топайте, – милостиво разрешил Май. – Вечером дорассказываю. Или завтра. А я к Айсоке, моя форма у нее валяется.

Он спрыгнул со льва и широко зашагал в сторону каптерки.

– Да не стой же столбом! – Хана пихнула Миру в спину. – А то точно опоздаем. Бо, ну ее. Побежали, а то она тут до завтра стоять останется!

– Ага, – согласилась Бохака, поправляя очки.

Подруги устремились к dormitorio. Мира потрусилась за ними, оглядываясь в ту сторону куда ушел Май. Ну неужели он и в самом деле живет в таком чудесном и удивительно мире? Или все-таки наврал на восемьсот лет вперед? Но даже если половина правда, то как же она ему завидует! Все бы отдала ради того, чтобы туда попасть.

А еще он ее фертрат. Почему-то сердцем Мира ни капельки не верила во всякие предназначения и отношения между магами и их подручными. Насчет них он точно соврал. Да, он нахал и не знает никаких правил приличия – но в глубине души все-таки немного приятно, что он выбрал именно ее. И целоваться лезет все время – а может, она ему понравилась? А вдруг он даже влюбился? Вот здорово было бы, ведь в нее еще никто никогда не влюблялся! Она тихонько хихикнула, но тут же погрустнела. У нее еще старый прыщ на подбородке толком не зажил, а на виске новый наклеивается. И угри на носу. И толстая она сверх меры. Кто такую полюбит... Наверняка он просто издевается. Сейчас в комнате надо глянуть в зеркало, нельзя

ли как-нибудь новый прыщ замазать. А еще лучше – к госпоже Клие сходить, она что-нибудь посоветует.

Над Академией раскатился тихий удар гонга, возвещающий о почти наступившем начале третьего урока, и Мира припустила со всех ног. Она вбежала в dormitorio и через две ступеньки запрыгала вверх по лестнице. Если она опоздает на физку, господин Саомир наверняка вкатит ей очередной наряд вне очереди. И позаботится, чтобы ее отправили чистить конюшни.

05.07.1433, древодень. Цетрия

– Я сказала, что еду в Академию! – Рита гордо вздернула подбородок, попытавшись придать лицу надменное выражение. В глубине души она понимала всю тщетность сопротивления Грейле, но сдаваться без боя не собиралась. – Я хочу посмотреть на мальчика из другого мира. В конце концов, Академия – заведение короны, и я обязана надзирать за ним.

– Разумеется, Ваше Высочество, – мягко согласилась пожилая фрейлина. – Но если вы решили начать надзирать прямо сейчас, то обед с посланником графа Титамана окажется сорванным. А он хороший человек и совершенно не заслуживает такого оскорбления.

– Опять «хороший человек»? Простой посланник Ясасия только и делал, что мне взглядом за корсаж забраться пытался, козел безрогий! А этот что? Прямо на обеденном столе отыметь попытается?

– Ваше Высочество! – с мягкой укоризной в голосе проговорила фрейлина. – Воспитанной девушке, тем более – принцессе, такие слова и знать-то не полагается, а уж говорить – тем более.

– Грейла! – как от кислого яблока сморщилась Рита. – Мне двадцать семь. Я за свою жизнь переспала по крайней мере с двумя десятками мужиков. Или с тремя. Я давно уже перестарок, и меня ни один нормальный мужик даже замуж не взял бы. И слова я всякие-разные знаю, в том числе – от твоих «благовоспитанных» служанок. Перестань постоянно учить меня как ребенка!

– Любой из графов возьмет вас замуж хоть завтра, ваше Высочество.

– Я же сказала – «нормальный»! Да и возьмет – и что? Даоран тут же признает меня королевой, а моего мужа, соответственно, королем. После чего он переключится на шестнадцатилетних фрейлин, а в мою спальню станет заглядывать разве что от скуки раз в полгода. А что, посланник опять собирается о женитьбе талдычить? Может, сразу сказать ему, что пресветлый рыцарь Ясасий Кистер – последний, на чье предложение я соглашусь? А то ведь достал уже хуже всех остальных!

– Ваше Высочество! – с еще большей укоризной произнесла Грейла. – Подобные речи не подобают особе вашего происхождения и положения. Прошу вас, одевайтесь. Посланник, вероятно, уже явился и ожидает аудиенции.

– Да и пошел он! – Рита отшвырнула ночную рубашку, из которой выбралась незадолго до того, и гибко потянулась перед ростовым зеркалом. Краем глаза она оценила свое тело. Вполне ничего себе. Небольшая, но красивая грудь, крутые бедра, плоский живот и талия без малейших следов жира... Вот бы еще нашелся мужчина, которому нужна не ее корона, а она сама! Внезапно она почувствовала, что злится уже не притворно, как обычно, в серьез. А раз она в настроении, нужно показать всем, кто здесь хозяйка. Если не на деле, то хотя бы номинально. – Грейла, решено. Обед с посланником отменяется.

– Но, Ваше...

– Грейла! – вероятно, в голосе принцессы прозвучали необычные нотки, потому что старшая фрейлина замолчала и с каким-то новым интересом взглянула на свою взбалмошную подопечную. – Я не намерена сегодня встречаться с посланником. Отправь кого-нибудь напомнить ему об этикете, который предписывает смиренно запрашивать аудиенцию за три дня, а не уве-

домлять в приказном порядке накануне вечером. Я пока что еще принцесса короны, и в моем собственном дворце всякая шваль пусть соблюдает приличия. Хотя бы напоказ.

– Да, ваше величество. Я уведомя рыцаря посланника об отмене обеда, – согласилась фрейлина, и Рита посмотрела на нее с подозрением. Что-то уж больно легко та сдалась. Ну и ладно, все равно надо ловить момент.

– Нормальную одежду! – скомандовала она. – Для прогулок, а не парадную. Мы едем в Академию.

– Канцлер может оказаться недоволен, – вздохнула Грейла. – Боюсь, вокруг мальчика из иного мира затеваются какие-то сложные политические игры. Дворец полнится слухами. Ваше вмешательство может... усложнить ситуацию.

Грейла аккуратно положила на спинку кресла роскошное платье с королевскими вензелями, подошла к раскрытому гардеробу и принялась перебирать там одежду.

– Плевать я хотела на канцлера! – Рита намеревалась произнести фразу небрежно-презрительно, но почему-то получилось жалобно и почти вопросительно. Да, я его боюсь, твердо сказала она себе. Боюсь, но стелиться перед ним не собираюсь. Я ему не марионетка на ниточках!

Марионетка, холодно парировал внутренний голос. Декорация. Пустое место. Золоченый манекен на троне. Тебе следовало бы поднять бунт против Даорана десять лет назад. Приказать арестовать всех графов и сгноить в тюрьме. Или попросту казнить. Сейчас же даже придворные хлыщи при встречах смотрят сквозь тебя и стараются как можно меньше задерживаться в твоём обществе, чтобы ненароком не вызвать подозрения и гнев канцлера. Все, на что ты способна – такие вот мелкие эскапады, достойные глупой девчонки, но никак не коронной принцессы, мечтающей стать королевой.

– Да, Ваше Высочество, – согласилась Грейла. – Разумеется, вы не марионетка. Как вы намерены добираться до Академии Высокого Стиля – в автомобиле или верхом?

– Верхом, – подумав, решила принцесса. – Заодно и воздухом подышу.

– Тогда потребуется что-то для верховой езды, – фрейлина достала из гардероба зеленую блузку с золотистым абрисом лилии на груди, там и сям украшенную мелкими золотыми блестками. – Как вы относитесь к такой вот блузе в сочетании с темными рейтузами и сапожками из черной кожи?

– Нет. Что-нибудь без герба.

– Ваше Высочество, принцесса короны не может себе позволить...

– Грейла, ты действительно веришь, что кто-то обращает внимание на то, во что я одета? Вон то, пожалуй, – она подошла к гардеробу и вытащила из него скромную монотонно-серую шелковую блузу. Вдоль ее неглубокого выреза тянулась цепочка мелких сапфиров, широкие рукава у запястий перехватывали серебряные шнуры, но тем украшения и ограничивались. – И вообще, Грейла, спасибо, но я сумею одеться и сама. А ты пока сходи и отправь кого-нибудь приказать, чтобы седлали Барса. И передай капитану Крейту, что если ему вздумается снова прихватить с собой эскорт из полусотни конных стражников, я его уволю. Крейта, конечно, не Барса.

– Да, Ваше Высочество, – Грейла низко поклонилась и вышла, плотно закрыв за собой двери опочивальни. В щель между створками Рита успела заметить, как встрепенулись несколько молоденьких служанок, о чем-то оживленно болтавших между собой в ожидании, когда за чем-то понадобятся. Курицы. Только и умеют, что кудахтать. Она вытащила из гардероба рейтузы и принялась одеваться.

Разумеется, канцлеру о ее эскападе доложили немедленно. Она еще не успела спуститься к парадному входу в дворец, где ждал эскорт, как пресветлый рыцарь вайс-граф Барасий Оотай перехватил ее прямо на лестнице.

– Ваше Высочество! – произнес он, заложив руки за спину, выставив вперед полное брюшко и грозно шевеля длинными, как у таракана, усами. – Куда вы направляетесь, позвольте поинтересоваться?

– Куда захочется! – дерзко огрызнулась Рита. – Я разве пленница в своем дворце?

– Ваше Высочество, прошу заметить, что неотложные государственные дела требуют вашего...

– Да ни хрена они не требуют, – все так же дерзко перебила его Рита, внутренне поражаясь собственной наглости. – Переживет ваш посланник без аудиенции. Пусть завтра явится. Или послезавтра. Ему все равно делать нечего.

– Не мой посланник, а графа Мейсары, смею заметить! – канцлер возмущенно расправил плечи. – Он, разумеется, переживет, но он ожидает...

– Мне все равно, чего он ожидает, – холодно заявила Рита. – В следующий раз пусть следует правилам. А то совсем совесть потеряли. Шастают в дворец, как к себе домой. А если бы у меня брюхо схватило, и я в сортире застряла?

– Ваше Высочество, – канцлер нехорошо прищурился, – со всем моим глубочайшим уважением должен заметить, что подобные выходки вовсе не приближают нас к нашей основной цели – приблизить коронацию. Политика зачастую требует поступиться своими желаниями ради дела.

– Слушай, Барасий, – устало сказала принцесса. – Мы с тобой оба знаем, что ты делаешь все для оттягивания коронации. Так перестань хотя бы трахать мне мозги по каждому поводу. Аудиенция отменена. Я намерена посетить Академию Высокого Стиля. Ты свободен.

И она побежала вниз по широкой каменной лестнице, не обращая внимания на не поспевающую за ней Грейлу. Разумеется, он ей не простит. Канцлер умел мстить по мелочам. Отказать в шитье новых платьев из-за сложностей с дворцовым бюджетом, запретить визит бродячего цирка по соображениям безопасности, отказать в закупке ее любимых марципановых пряников как слишком некачественных, и так далее. Ну ничего. Надоела ей такая жизнь хуже каторги.

У парадного крыльца уже маялись десятка два конных гвардейцев дворцовой охраны. Хорошо, что не полсотни, но плохо, что целых двадцать. Последние годы своей жизни она не раз задумывалась над тем, а кому же может захотеться ее убить? Выходило, что никому. Есть она, нет ее – всем все равно. Зачем нужна охрана? Когда-то она искренне верила, что народ преклоняется перед ней, любит, а иногда даже и боготворит. Но сейчас она уже достаточно взрослая, чтобы понимать: народу тоже все равно, на кого навешена золоченая мишура. Лишь бы покрасочнее вышло. Зачем за ней постоянно таскается толпа? Во дворце – фрейлины, за его пределами – телохранители... Или не столько телохранители, сколько конвоиры? Интересно, какие приказы охрана получает от канцлера?

– Ваше Высочество! – капитан Крейт, восседающий на огромном белом жеребце, выхватив из ножен палаш и отдал им честь. Гвардейцы синхронно повторили его жест.

– Утро, рыцарь барон, – небрежно кивнула ему Рита. – Мы едем в Академию.

– Да, Ваше Высочество! – кивнул Защитник, вбросив палаш в ножны. – Как прикажете.

– Грейла, – Рита обернулась к фрейлине, – я вернусь, наверное, только к ужину. Проследи за поваром, чтобы тот опять не приготовил какую-нибудь чрезвычайно полезную гадость.

– Разумеется, ваше высочество, – фрейлина склонилась в реверансе, и Рита взлетела в седло подведенного к ней конюхом Барса. Ездить она предпочитала по-мужски. Не то чтобы дамские седла она на дух не переносила, но она ужасно любила то неодобрительно-кислое выражение лица, что возникало на физиономии канцлера, считавшего такое поведение недостойным благородной женщины. Вот и сейчас она с удовольствием посмотрела на него сверху вниз, небрежно взмахнула рукой и, пригнувшись к луке седла, дала коню шенкеля. Галопом в

сопровождении охраны она пронеслась по обширному внутреннему двору, нырнула под поднявшуюся при ее приближении решетку ворот и вылетела на Проспект орхидей.

На проспекте она, впрочем, перешла на неторопливую рысь. Слева тянулась кованая ограда дворцового парка. Справа возвышались дома богачей и аристократов, стремящихся перещеголять друг друга острыми крышами и аляповатыми украшениями на узких фасадах. Грейла однажды объяснила, что с домов берется поэтажный налог, а вот крыша независимо от высоты этажом не считается, так что крыши тянулись вверх, словно деревья к небу, стараясь оказаться хоть чуть-чуть, да повыше соседней.

Светило солнце, дул ласковый теплый ветерок, шелестела листва высоких тополей, высаженных вдоль проспекта стройными рядами. Барс шел ровной иноходью, охрана тактично держалась позади, и Рита почувствовала, что не отпускаящее ее с самого утра раздражение постепенно тает. Постепенно она отмякла настолько, что даже начала милостиво кивать встречным пешеходам и пассажирам открытых кабриолетов и колясок, что поспешно кланялись, завидев ее. Стоило сбежать из дворца с самого рассвета, а не валяться в постели, дуясь на целый свет. Пусть даже не в Академию, а в лес или куда угодно – лишь бы подальше от помпезных дворцовых комнат и переходов, навевавших на нее тоску. Она глубоко вдохнула воздух, пахнущий зеленой листвой и слегка отдающий лошадиным навозом, и тряхнула волосами. Вот бы сбежать из дворца навсегда! Отречься от престола, забыть про политические дрязги, собственную ничтожность, неудобную золоченую мебель из тяжелого дуба и фереста, перешептывания и смешочки за спиной – и стать обычной мещанкой. Найти себе респектабельного мужа – торговца или ювелира, родить ему пару-тройку ребятишек и умереть в глубокой старости всеми забытой и счастливой...

Мечты, мечты. Никуда она, разумеется, не денется. Не светит ей никакого мужа помимо одного из напыщенных герцогов, а за них она не выйдет даже под страхом смерти. Так что останется лишь перебиваться случайными любовными приключениями с нагловатыми самовлюбленными юнцами, которых наверняка подсовывает ей в постель сам канцлер.

Она опять тряхнула головой и запретила себе думать. Вообще. Смотреть по сторонам, иногда кивать встречным и наслаждаться краткими минутами иллюзии свободы – и никаких мыслей. На углу одной из улочек крутился небольшой голубоватый вихрь, почти невидимый в свете дневного солнца – псевдопортал, скучный и обыденный. Наверное, мальчик из другого мира явился через такой же. Рядом с ограждавшей портал лентой желтой бумаги стоял со скучающим видом стражник с алебардой. При виде кортежа он вытянулся и отдал честь. Забавно. То ни одного псевдопортала годами, то вдруг начинают появляться тут и там, словно поганки после дождя, а потом опять пропадают. И никто не знает, почему.

Полчаса спустя, когда далекие часы на башне мэрии пробили два, они подъехали к гвардейскому кордону в ста саженях от главных врат Академии, скрытых пока что изгибом лесной дороги. Могучего телосложения Защитник в шлеме с высоким белым плюмажем вышел на середину дороги и поднял руку, сигналив остановиться. Серебряный кубирин у него на шее, выглядывавший из-под полурасстегнутого воротника кителя, щеголял ярко-красным рубином, а уже проявившийся Атрибут – изумрудный плащ, переливающийся ярко-желтыми точками – несмотря на почти полный штиль колыхался за спиной, словно от сильного ветра.

– Доброго дня, рыцарь Раздолье, – слегка высокомерным тоном поприветствовала его Рита. – Ты, случайно, не намереваешься защищать от меня Академию? Уверю, у меня и в мыслях нет ее завоевывать.

Она бросила взгляд влево, под навес. Высокая, под стать своему напарнику, Защитница-Меч встала навтыжку и отдала честь. Ее Атрибут, гигантская секира слепящего золотого пламени, лишь на мгновение полыхнула, сгустившись над плечом, и тут же растаяла. Десяток кирасиров с пиками приняли «на караул».

– Ваше Высочество! – Защитник согнулся в глубоком поклоне. – Вы всегда здесь желанная гостья. Из дворца предупредили о вашем визите, и госпожа Сиори просила передать, что вас ожидают. Вы и два телохранителя по вашему выбору можете свободно проехать дальше.

– А можно всех здесь оставить? – поинтересовалась Рита, невинно хлопая ресницами.

– Ваше Высочество! – обиженно прогудел из-за ее спины капитан Крейт. – Этикет не допускает вашего появления на людях в одиночестве даже в Академии!

– Шучу, – тяжело вздохнула принцесса. – Крейт, ты вообще знаешь, что такое «шутка»? Бери с собой кого-нибудь, и вперед.

Не дожидаясь реакции капитана стражи, она дала Барсу шенкеля и послала его вперед быстрым галопом. Командир караула едва успел посторониться, и Рита почувствовала, как его Атрибут задел ее по ноге: легкое шелковистое прикосновение, способное, однако, мгновенно превратиться в несокрушимую хватку каменного голема. Позади застучали копыта – Крейт, слишком тяжелый в броне, напяленной на него самого и на его коня, безуспешно пытался ее догнать. Мимо мелькнули предупреждающие знаки по обеим сторонам дороги, и она вылетела на небольшой брусчатый плац, надвое рассеченный воротами Академии.

Разумеется, ректор уже ждала ее перед входом. Высокая красавица с черными волосами, собранными в строгий пучок на затылке, в повседневной форме Академии: полковничьи кресты в петлицах, синие китель и юбка до колен с желтым паутинным рисунком, белые чулки, черные туфли. Ее Атрибут – слегка изогнутый палаш, горящий синим пламенем, сейчас миниатюрный, всего полсажени в длину, парил рядом вертикально, острием к небу. Рядом, разумеется, стояла проректор по хозяйственной части. Госпожа Айсока в точно такой же форме впечатления производила куда как меньше – приземистая, полноватая, с отчетливыми морщинами в уголках глаз и улыбчивыми складками вокруг губ, она выглядела доброй тетушкой, невесть как забредшей в казармы. Рита не помнила, чтобы хотя бы раз ее встретил кто-то один из этой парочки – всегда обязательно обе. Десяток девочек и мальчиков – первокурсники, судя по нашивкам – выстроились стройной шеренгой, вытянулись и, похоже, боялись даже дышать. Однако они все как один с огромным любопытством косились на гостей. Ну еще бы – они искренне верят в то, что их почтила своим визитом настоящая правительница страны...

Рита спрыгнула с Барса, ласково потрепала его по морде, сунула в мягкие губы специально запасенный в кармашке блузы сахарок и бросила поводья поспешно подскочившему конюху Академии. Рядом заскрежетали и загрохотали доспехами, выгружаясь из седел, барон Крейт и последовавший за ним гвардеец.

– Дама ректор, – кивнула принцесса. – Госпожа проректор.

– Ваш визит – большая честь для нас, Ваше Высочество, – поклонилась в ответ Сиори. – Могу ли я предложить вам отдохнуть с дороги? Гостевую комнату слуги уже готовят.

– Да ну ее! – беззаботно махнула рукой Рита. – Я только час назад из кровати выбралась. Госпожа ректор, отпусти детишек по своим делам. Сколько раз я говорила, что не нужен мне почетный караул?

– Есть определенная процедура, – непреклонно заявила проректор. – В соответствии с уставом правящий монарх Сайлавата является патроном Академии Высокого Стиля, и его следует принимать...

– Да знаю, знаю! – засмеялась Рита. – Госпожа Айсока, официально я даже не правящий монарх.

И Сиори, и Айсока ей, скорее, нравились. За обычной вежливой отстраненностью ректора крылась настоящая забота о своих подопечных. Рита не раз замечала беспокойство во взглядах, которые та бросала на выпускных представлениях на своих уже бывших кадетов, изображавших бои со своими Атрибутами. Большая арена Цетрии считалась одной из самых безопасных в стране: магическая завеса не только отгораживала площадку для выступлений от зрителей, но и блокировала опасные удары. Тем не менее, повредить себе что-нибудь можно

было и там. Сиори, в отличие от прочих надутых аристократов, думавших только о зрелищном развлечении, беспокоилась по-настоящему. Айсока же не упускала случая подкормить принцессу чем-нибудь вкусеньким во времена ее редких визитов в Академию. Вероятно, проректор считала, что во дворце ее недокармливают, и не успокаивалась, пока не запихивала в Риту по крайней мере три-четыре кремowych пирожных или кусок песочного торта.

В глубине души Рита до сих пор не смирилась с давней несправедливостью, когда ей не позволили обучаться здесь при явно выраженных задатках Защитницы. Ну как же, негоже принцессе учиться грубому солдатскому ремеслу! Вот стать магичкой, пусть и весьма посредственной, всегда пожалуйста: древнее, освященное авторитетом предков занятие, вполне допустимое для благородной девицы под приглядом опытных клириков. Из-за того Рита в глубине души слегка недолюбливала Академию, но благодаря Сиори и Айсоке визитами сюда всегда наслаждалась.

Она понимала, что ее присутствие создает воспитателям проблемы. Но, в конце концов, должны же быть у принцессы какие-то маленькие радости в жизни?

– Неважно, что там официально, – твердо заявила Айсока. – Вы, Ваше Величество, наследница своего отца, а мнение Даорана меня мало волнует. Кстати, я приказала шеф-повару спешно испечь воздушные пирожные – с белковым кремом, ваши любимые.

– Обязательно попробую! – улыбнулась Рита. – Госпожа Сиори, почетный караул, тем не менее, можно отпустить восвояси.

– Да, Ваше Высочество, – Сиори повернулась к кадетам. – Отделение, слушай мою команду! Напра-во! В библиотеку шагом марш! У них сейчас самоподготовка, – пояснила она Рите.

Строй мальчишек и девчонок вразнобой повернулся – до чеканной выучки выпускников им еще ой как далеко! – и зашагал в сторону пропускной будки, неровно отбивая шаг. На ходу они оглядывались через плечо, и от их восторженных взглядов Рита почувствовала, что обычная горечь в сердце сгущается снова.

– Госпожа Сиори, я честно признаюсь – я хочу посмотреть на того мальчика. Иномирянина с двойным кубиринном, – она неуверенно запустила пятерню в волосы, словно признаваясь в чем-то неприличном. – Можно?

– Разумеется.

Ректор приложила палец к своему кубирину и беззвучно зашевелила губами. Потом прислушалась к неслышному ответу и нахмурилась. Затем она еще несколько раз попыталась связаться с кем-то, и, похоже, оба раза получала отрицательный ответ.

– Его нигде нет, – наконец пояснила она. – Сразу после второго урока он заявил, что хочет «прошвырнуться по территории», как он сказал, и исчез. Даже не обед не остался. Воспитатели тоже не знают, где он. Я приказала его найти, Саомир сейчас организует поиски. Пока же, Ваше Высочество, прошу пройти в гостевую комнату.

Она в полуобороте указала рукой на виднеющийся за оградой и деревьями силуэт административного корпуса.

– Спасибо, дама Сиори, но я приехала сюда для того, чтобы сбежать из душевной комнаты, а не закопаться в другую такую же. Я пока просто прогуляюсь по аллеям... в сопровождении своих телохранителей, – она бросила через плечо кислый взгляд. Как бы извернуться и наконец-то остаться одной? – А у тебя дела. Не стану отрывать.

– Мой долг... – попыталась было возразить ректор, но Рита оборвала ее величественным мановением руки, которое так долго репетировала перед зеркалом.

– Мы отпускаем тебя, дама ректор, – величаво проговорила она с отвратительным гнусавым прононсом, считавшимся почему-то истинно аристократическим. – Мы призовем тебя, когда возникнет нужда.

– Да, Ваше Высочество, – быстро вставила Айсока, прежде чем Сиори успела ответить. – Мы вас оставляем. Возвращайтесь, как только устанете. И, разумеется, мы уведомим вас, как только обнаружится пропажа.

– Разумеется, Ваше Высочество, – сдалась Сиори. Ее голос казался расстроенным, но в глазах на мгновение мелькнуло видимое облегчение. – Мы в вашем распоряжении в любой момент.

– Я знаю, – кивнула Рита. – Крейт, мы идем дышать свежим воздухом. Между прочим, совсем не обязательно наступать мне на пятки своими железными сапогами и дышать в затылок. Мне в парке еще ни разу ассасины не попадались.

Дорожки парка Академии, петлявшие среди густых древесных зарослей, в свете дневного солнца казались уютными, мирными и сонными. Рита неторопливо шагала по истершимся керамическим кирпичам, перемежающимся гранитной брусчаткой, и наслаждалась безмятежной обстановкой. Несколько раз ей попадались кадеты, деловито куда-то топающие или углубившиеся в чтение на лавочках и в небольших беседках. Никто не обращал на Риту особенного внимания, разве что провожали ее любопытными взглядами. Она тихо радовалась, поскольку знала, какие ее портреты развешаны по Академии: помпезная и бездарная мазня, изображающая ее в парадных одеяниях, причем так, что она сама себя не узнавала. Поскольку видели ее кадеты лишь на приемных церемониях, опознать ее они не могут. Хорошо. Пустая слащавая лесть и поклоны основательно достали ее и во дворце.

Вот как бы остаться вообще одной? Крейт, дубина железная, ни за что не позволит ей погулять в одиночестве.

И тут ей в голову пришла отличная мысль.

Она украдкой оглянулась. Крейт со вторым гвардейцем с мужественными лицами топали в десятке шагов позади, явно готовые немедленно начать ее защищать от превосходящих сил противника. Да-да, мои верные рыцари, все верно, так и надо. Она сложила перед животом ладонь чашечкой, и в ней замерцала, постепенно наливаясь силой, огненная искра. Несколько мгновений – и искра резко потухла и посерела, превратившись в обычный серый камешек размером с ноготь. Рита украдкой уронила его на дорожку и слегка ускорила шаг, отсчитывая про себя секунды. Десять... одиннадцать... двенадцать... тринадцать... четырнадцать!

Сзади жутко заверещало и заулюлюкало. Тут же лязгнула сталь выхватываемых из ножен мечей. Оба гвардейца развернулись к месту, откуда доносился звук, разойдясь по сторонам дорожки и слегка присев в ожидании атаки. Они поводили головами, пытаясь разглядеть угрозу. За плечами Крейта всклубилось облако Атрибута, стремительно приобретающего форму развевающегося плаща. Не медля, Рита юркнула с дорожки в кусты и не разбирая дороги бросилась в чашу. Наспех слепленное заклятие Малого Щита закрывало ее от острых сучьев, делало плохо различимой в тени и немного скрадывало звук шагов. Как раз на такой случай! Она пробежала десятка два шагов, когда сзади грянули голоса.

– Ваше Высочество! – трубно заорал Крейт. – Ваше Высочество! Где вы!

Ага. Сейчас он несколько секунд попаникует, а затем придет в себя и начнет думать. Разумеется, он сразу же обнаружит место, где она рванула в сторону, но с его габаритами перемещаться в зарослях куда как сложнее, чем ей. Значит, у нее есть еще немного времени... ага, вот оно!

Она подбежала к раскидистому дубу, чья макушка уходила вверх по крайней мере на пять саженей, сбросила сапожки, зашвырнула их в ближайший куст и быстро полезла вверх по шершавому прохладному стволу. Добравшись до толстой ветви в двух саженях над землей, она прикинула к ней и набросила на себя заклятие Лесного Плаща. Все. Теперь пусть попробуют разглядеть!

– Ваше Высочество!

На сей раз в крике гвардейца слышалось что-то близкое к отчаянию. Раздался треск ветвей, словно сквозь подлесок ломилось стадо коров. Рита затаилась и принялась глубоко и тихо дышать ртом, восстанавливая дыхание. Когда гвардейцы оказались под деревом, она набрала в грудь воздуха и попыталась изобразить из себя мертвую.

– Куда эта взбалмошная девка подевалась? – зло спросил второй гвардеец. – След здесь кончается.

Он поднял голову и принялся вглядываться в кроны деревьев.

– Ты говоришь об Ее Высочестве! – рыкнул на него Крейт. – Прояви уважение, или вылетись из дворцовой гвардии в два счета!

– Ладно, ладно, – отмахнулся от него солдат. – Что делать станем? А вдруг ее и в самом деле украли?

– В Академии? – скептически хмыкнул капитан. – Да нет, просто я дурак. Не в первый раз на ее трюки попадаюсь, мог бы и привыкнуть. Но ведь она каждый раз что-то новенькое придумывает.

– Ненавижу благородных барышень! – проворчал гвардеец. – Делать им нечего, вот и бесятся с жиру. А ты за ними гоняйся по лесам да полям. Засадить бы ей как следует, чтобы пару дней ходить не смогла...

Крейт размахнулся и закованной в железную перчатку ладонью отвесил ему такую оплеуху, что солдат, не удержавшись на ногах, кубарем покатился по земле, скрежеща доспехами. Не дав ему опомниться, капитан прижал его коленом к земле и выдернул из ножен кинжал.

– Ты, кажется, с первого раза не понял, – на удивление спокойно констатировал он. – Ты ведь новенький во дворце, так? И чего я тебя с собой потащил, ума не приложу. Ну да все в руку. Запомни, паренек, – барон крутнул кинжал перед носом солдата, бросив ему в глаза блик от пробившегося сквозь листья солнечного зайчика, – если ты еще хоть раз скажешь про нашу девочку что-то дурное, я лично тебе глотку вскрою. Мы служим в гвардии не для того, чтобы чесать языками у нее за спиной, а чтобы защищать ее. Если потребуется – ценой своей жизни.

Он поднялся и убрал кинжал в ножны.

– Имей в виду, я стану присматривать за тобой, – пообещал он. – Оступишься еще раз – пеняй на себя. А лучше уходи сразу. А теперь встать! – внезапно рявкнул он. – Живо!

Пошатываясь и избегая смотреть на командира, гвардеец поднялся.

– Значит, так! – Крейт огляделся. – Ты в ту сторону, я сюда. Прочесываем лес по схеме «двойная спираль». Постарайся разуть глаза и смотреть внимательно. Если через пять минут не найдем след, возвращаемся к ректору и информируем ее о случившемся. Пусть поднимает кадетов на прочесывание. Вперед!

Два бронированных тела вломились в кусты и затрещали ветвями в разных направлениях. Только тут Рита позволила себе пошевелиться и распрямить затекшую ногу. Вот так Крейт! А ведь он, пожалуй, и в самом деле всерьез относится к своим обязанностям капитана королевской стражи! Она насмешливо улыбнулась, пытаясь избавиться от легкого чувства вины. В конце концов, старику тоже полезно иногда размяться и отработать получаемое жалование. А она перед ним извинится. Потом. Может быть. В конце концов, покинуть Академию можно только через главные и хозяйственные ворота, да еще через калитку в Мировую Сферу, и слишком сильно он беспокоиться не станет. Ну, поднимут кадетов, прочешут парк – всем развлечение, ей в том числе. Может, в конце концов, коронная принцесса позволить себе немного позабавиться?

Она слезла с дерева, разыскала и натянула сапожки (шелковые чулки на подошвах от лазанья по цеплючей коре разлезлись в клочья – Грейла опять разохается), восстановила заклятие Малого Щита и двинулась обратно в сторону дорожки по проложенному гвардейцами следу. В Академии она появлялась нечасто, но общую схему парка помнила. И как раз в том

направлении располагалась одна очень приятная и располагающая горюшка. Нужно успеть посидеть там хотя бы полчаса, пока ее не найдут.

До вершины холма, с которого открывался красивый вид на Цетрию, она добралась быстро. Снова сбросив сапожки, она опустилась у подножия старого толстого вяза, оперлась на него спиной и расслабилась, бездумно глядя вдаль. Замечательно. Наконец-то совсем одна! Жаль, что часто вот так сбегать не удается. А хорошо бы казнить канцлера... ну хорошо, просто арестовать, засунуть в самую дальнюю тюремную камеру, разогнать надутых вельмож и целым днями делать что хочется! Ни встреч с посланниками и министрами, ни бесконечных бумажек, печать на которые почему-то должна поставить она лично (канцлер не в состоянии сам печать приподнять?), ни длинных скучных званых вечеров и балов, на которых даже чихнуть толком нельзя... Она мечтательно вздохнула, но тут же погрустнела. Дворцовая гвардия подчиняется канцлеру, не ей.

Власть означает ответственность, милая моя Рита. Принцессе нельзя вести себя как обычной девочке. Ты должна помнить о долге перед страной.

Да, Тейн, милый. Я помню, как и обещала. Я помню наши с тобой разговоры в дворцовом саду – долгие прогулки по страшно длинным, как казалось девчонке-подростку, парковым дорожкам, тенистая прохлада беседок, журчание ручьев, искусно проложенных садовниками... Я помню, что ты говорил мне, твой голос, твою ласковую руку, глядящую меня по волосам. Я помню все – лишь не могу вызвать перед глазами твое лицо. Иногда оно снится мне ночами, но я не могу вспомнить его, когда просыпаюсь. Тебе легко было говорить о долге и ответственности: большой сильный мужчина, непобедимый боец, граф, обожаемый армией и способный на равных рассуждать с учеными об устройстве мироздания – такому сложно понять одинокую девочку, которая не может найти поддержки даже у смертельно больного отца. Я самозабвенно любила тебя, как только девочка-подросток способна любить великого героя – а ты ушел. Я не знаю, кто ты на самом деле – человек, бог или просто плод моего воображения. Но почему ты бросил меня именно тогда, когда я нуждалась в тебе сильнее всего?

Я помню твои слова – но как я могу что-то сделать, когда я пустое место? Ходячая подставка для золотой мишуры, предъявляемая народу по большим праздникам...

– ...а вон то здоровое здание с блестящей крышей – храм, где хранится Глаз Бога, самый пафосный местный артефакт, – негромкий голос заставил ее вздрогнуть и открыть глаза. Оказывается, она умудрилась задремать. – Называется «Мировая Сфера». Туда фиг попадешь, там отдельные караулы выставлены, причем не только солдаты, но и паладины и боевые попы. Туда посторонним не то что на территорию входить запрещено, но даже и приближаться без разрешения. Пролезу, конечно, но не сразу. Вот в тех маленьких домиках живут воспитатели, ну, ты уже знаешь. А вон тот гриб на горке – натуральная водонапорная башня. Говорят, туда воду из реки насосами с магическими батарейками нагнетают. И подогревают тоже батарейками на вводе в здания. Я еще не добрался проверить, но похоже на правду. В общем место дикое, но хотя бы с душем и канализацией.

Мальчишка. Кадет, довольно высокий для своего возраста, русоволосый. Форменные штаны и рубашка, но китель в нарушение всех и всяческих уставов отсутствует, а рукава небрежно подвернуты выше локтей. Ничего другого со спины разобрать не удавалось. Рядом – какая-то девица в платье и наколке горничной (рыжие волосы собраны на затылке в симпатичный хвост – прислуге что, разрешают здесь такие вольности?) Парочка стояла в нескольких шагах перед Ритой на краю небольшой каменистой осыпи.

– В общем, довольно забавное местечко, хотя ногами я еще все обойти не успел. Плохо, когда даже геосканера нет. Отвык я с земли карту местности составлять.

– А вон там что?

– Конюшни и манеж. Пятнадцать лошадей, на них верховой езде учат.

– Ну надо же, Лица, конюшни – и ты не там?

– Заглядывал. Не коники – чистой воды куклы с одного шаблона. Скамейки на четырех ногах для обучения малолеток способам уборки навоза. Ни малейших следов индивидуальности. Неинтересно.

Ну ничего себе! А ее что, здесь вообще нет? Стоят к ней спиной и о чем-то своем толкуют!

– Эй! – крикнула Рита. – Вы двое! Вы тут что делаете?

– Привет! – мальчишка обернулся.– Проснулась? Извини, что разбудили. Спи дальше, мы сейчас уйдем. А ты сама-то кто, кстати? Для кадета старовата и не в форме, воспитателей я уже всех знаю, да и для служанки у тебя одежка неподходящая.

– Прости его, госпожа, – горничная вежливо поклонилась. У нее оказалось довольно симпатичное личико, хотя скулы, на вкус Риты, высоковаты, а нос крупноват. – Он довольно невежлив и часто задает глупые вопросы. Разумеется, ты не обязана отвечать. Мы приносим нижайшие извинения за беспокойство и сейчас уйдем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.